

УДК 94(100)"654"
ББК 66.1(0)
С69

*Книга издана при финансовой поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)
в Российской Федерации*

С69 **Социальная реформация и радикальная общественная трансформация. Дебаты о социал-демократии в России и Германии** / Под ред. А. К. Сорокина и Р. Трауб-Мерца. – М. : Политическая энциклопедия, 2015.

ISBN 978-5-8243-2018-3

Предлагаемый читателю сборник стал результатом конференции «Реформа или революция? Российская социал-демократия и вызовы XX века», организованной Фондом им. Фридриха Эберта совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) и Российской ассоциацией политической науки (РАПН) 28 и 29 ноября 2013 года в Москве. Конференция проходила как часть празднования 150-летнего юбилея основания Социал-демократической партии Германии.

В этом сборнике историки, социологи и политологи из России и Германии представили результат проходивших на конференции дискуссий о влиянии европейской теории и практики на развитие теории и практик русской социал-демократии, о социально-политических вызовах эпохи индустриализации. И политический ответ на них социал-демократов.

Книга опубликована на русском и на немецком языках. Сборник предназначен как ученым, так и всем читателям, интересующимся влиянием и ролью социал-демократии.

УДК 94(100)"654"
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-2018-3

© Трауб-Мерц Р., вступительная статья, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Рудольф Трауб-Мерц</i> . Реформы и революция с точки зрения немецкой социал-демократии. Исторические заметки.....	7
<i>Бернд Фауленбах</i> . Особенности немецкой социал-демократии в контексте европейского развития	13
<i>Йозеф Моозер</i> . Революция или реформизм, классовая партия или народная партия? – Дискуссии в Германии	29
<i>Рудольф Трауб-Мерц</i> . Профсоюзы и социал-демократия в Германии – дискуссия о массовых забастовках и ее последствия. Предварительные замечания	35
<i>Татьяна Филлимонова</i> . Г. В. Плеханов о русской социальной демократии и поисках путей общественного развития России ...	47
<i>Яков Пляйс</i> . Причины и последствия радикализации социал-демократической теории и практики в России в конце XIX – начале XX века	55
<i>Валентин Шелохаев</i> . Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве	62
<i>Лути Хефнер</i> . «Учить» или «поучать»? – О сложных отношениях между немецкой и российской социал-демократией (1903–1919 гг.)	68
<i>Лути Хефнер</i> . «Большие надежды»: Вопрос войны и мира в дискуссиях российских социалистических партий в 1917–1918 годах	87

Юрген Царуски. Отношение немецкой социал-демократии к России и СССР в период Веймарской республики 110

Борис Орлов. Влияние германской социал-демократии на становление социал-демократии в России на рубеже XIX–XX вв. 116

Борис Гуселетов. Исторические уроки становления социал-демократии в XX–XXI веках. 123

Александр Безбородов. Ревизионизм внутри КПСС как исторический феномен 136

Александр Бузгалин. Реформы, революции и будущее левой идеи: к критике наших критиков. 142

Валерий Журавлев. РСДРП и исторические судьбы Российской цивилизации 158

Василий Зверев. Народничество и марксизм в 90-е гг. XIX в. (восприятие теории К. Маркса Н. Ф. Даниельсоном и В. П. Воронцовым) 170

Евгений Кожокин. Ульянов (Ленин) как зеркало российского излома (конец XIX – начало XX века) 188

Олег Матвеев. К вопросу о современной социал-демократической идеологии. 207

Константин Морозов. Парадоксы использования эсерами идей и практики германской социал-демократии в идеологии и в организационном строительстве ПСР и их вклад в концепцию и практику демократического социализма. 216

Александр Шатилов. Лево-либеральные элиты в «большой политике» современного Запада: идеология и практика. 230

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 мая 1863 г. в Лейпциге был основан Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС/ADAV). С этого события началась бурная история Социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD). Ее программные документы и практические действия были направлены против угнетения народа, серьезно влияли на партийно-политическую жизнь страны и явились в последствии важнейшим шагом в формировании структур социального государства и демократии в Германии. Первая, крупнейшая и старейшая политическая партия Германии способствовала возникновению социал-демократического движения в других странах и всегда поддерживала тесные связи с единомышленниками за рубежом, руководствуясь принципами международной солидарности.

Спустя всего 20 лет, в 1883 г., Георгий Плеханов и его соратники, основав в Женеве группу «Освобождение труда», запустили российский социал-демократический проект. Для российских социал-демократов, действовавших в эмиграции, общение с немецкими товарищами и ориентация на их политическую дискуссию и практику были делом естественным и необходимым. Отношения между немецкой и российской социал-демократией, тем не менее, с самого начала складывались непросто. Немецкие социал-демократы видели в успехе своего организационного строительства доказательство того, что избранный ими путь является исторически верным. Российская же социал-демократия под давлением царской деспотии была вынуждена вести организационную работу в эмиграции, в условиях либеральной Европы, в отрыве от рабочих масс России. Она искала ответ на вопрос о том, подходит ли ей немецкий путь, или же российская специфика, обусловленная отставанием российского общества по уровню промышленного и общеэкономического развития, требует иных подходов. Русская революция 1905 г. на какое-то время перевернула отношения между социал-демократами этих стран по оси «учитель – ученик». Опыт стачек в «отсталой стране» стал мерилом политического сопротивления в «прогрессивной Европе». Но в остальном немецкая социал-демократия вплоть до Первой мировой

войны претендовала на лидерство в международном социалистическом движении.

Реформы или революция, война или мир – по этим основополагающим вопросам мнения в обеих социал-демократических партиях расходились, они постоянно находились в поисках компромиссов между идейно враждующими крыльями. Немцам в течение долгого времени довольно успешно удавалось находить «прагматичный баланс» ради единства партии, одновременно они безуспешно пытались уладить конфликты среди российских социал-демократов. Но в конечном счете обе партии раскололись, хотя поводы, причины и формы раскола были разными. Эти события стали также поворотной точкой во взаимоотношениях между партиями. Претензии большевиков на лидерство в международном рабочем движении сделали их историческими противниками. В Германии раскол левых сил способствовал их поражению в борьбе с нацизмом.

В связи со 150-летним юбилеем СДПГ и 130-летием российской социал-демократии Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и московское бюро Фонда имени Фридриха Эберта (FES) провели 28–29 ноября 2013 г. международную конференцию по вопросам истории российской и немецкой социал-демократии. В рамках конференции была также открыта организованная РГАСПИ и FES выставка, посвященная истории социал-демократии, на которой были представлены многие реликвии раннего этапа социалистического движения – например, пистолеты, использовавшиеся на дуэли Фердинанда Лассалья.

РГАСПИ и FES публикуют доклады, сделанные на конференции, в сборнике на русском языке. Для немецких читателей мы предлагаем подборку выступлений, дополненную несколькими статьями по данной теме.

Выражаем благодарность всем, кто участвовал в подготовке этой публикации: авторам, терпеливо отвечавшим на все запросы издателя, и переводчикам, без которых русские тексты не были бы доступны немецкому читателю.

*Рудольф Трауб-Мерц,
Москва, декабрь 2014 года
Издатель*

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Рудольф Трауб-Мерц

Немецкая история последних 150 лет неразрывно связана – это можно утверждать безо всяких ограничений и обиняков – с историей Социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD). Многие называют СДПГ матерью всех партий. Она, может быть, и не была первой политической партией вообще, но это, во всяком случае, самая старая партия из всех ныне существующих в мире.

Политической партии со 150-летней историей для выживания необходимы две вещи: преемственность и готовность к переменам. Программная преемственность СДПГ обусловлена ее постоянной ориентацией на социальный реформизм и демократизацию общества, а свою способность меняться она доказала победами (и поражениями) на выборном фронте. В своей истории СДПГ всегда сталкивалась с новыми конфигурациями проблем, ей часто приходилось искать новые ответы на вызовы времени:

Почти сто лет – от основания в 1863 г. до принятия в 1959 г. Годесбергской программы – она была партией рабочих, пока не заявила о себе как о народной партии.

- В кайзеровской Германии она сначала действовала как партия реформ, при Бисмарке была вынуждена уйти в подполье, обратившись при этом к идеям революционного марксизма.

- После возвращения СДПГ в легальное политическое пространство в ней развернулась борьба между силами, ориентированными на социальные реформы, и радикальными революционерами. Центристы с трудом удерживали баланс между этими двумя крыльями.

- Согласие социал-демократов на предоставление военных кредитов в 1914 г. некоторые критики считают грехопадением партии – национально-патриотические настроения заслонили собой идею социал-демократического интернационализма.

- Правящей партией СДПГ впервые стала в 1918 г. – на тот момент она, расставшись с радикальным крылом, уже была реформистской. Раскол рабочего движения на социал-демократическое и коммунистическое открыло путь нацизму. Период фашизма СДПГ пережила в подполье и эмиграции.

- В Федеративной Республике Германия (после 1949 г.) партия окончательно утратила революционный дух. «Немецкое экономическое и социальное чудо» превратило ее в оппозиционную реформаторскую силу, в то время как основную ответственность за построение социальной рыночной экономики и государства всеобщего благосостояния взяли на себя христианские демократы.

- Ее время пришло в 1972 г.: крупными реформаторскими проектами СДПГ стали концепции «больше демократии» и «новая восточная политика» («перемены через сближение»). Младший партнер по коалиции, повернувшись в 1982 г. в сторону неолиберализма, завершил период нахождения социал-демократов у власти.

- Воссоединение Германии несколько отсрочило новый приход социал-демократов к власти. Они победили на выборах 1998 г., создав правящую коалицию с партией зеленых. Начало правления СДПГ было отмечено успехами в сфере укрепления мира и в энергетической политике, отказом от участия в иракской войне на стороне США, заявлением о выходе из атомной энергетики («энергетический поворот»), затем Германия приняла участие в военной интервенции НАТО – без мандата ООН – в ходе войны из-за Косово. Позже правительство начало проводить реформы в экономике, включая спорную модернизацию социального государства, чтобы «сделать немецкую экономику более устойчивой в условиях глобализации». Заявление Шрёдера-Блэра 1999 г. содержало призыв к «третьему пути» между «старым» социальным государством и неолиберализмом. Проблематичный в социально-политическом плане поворот в развитии общества привел к напряженности и отчуждению в отношениях с профсоюзами, создал предпосылки для учреждения новой левой партии и завершился поражением СДПГ на выборах 2005 г.

- В целом СДПГ почти треть послевоенного периода состояла в различных правящих коалициях – то как старший, то как младший партнер. В итоге довольно трудно сказать, где ее деятельность была более эффективной – в правительстве или в оппозиции. Будучи у руля, она часто слабела, а в оппозиции восстанавливалась. С 2013 г. СДПГ вновь участвует в правящей коалиции, борясь при этом за новый профиль социальной политики, за восстановление компетенций в проведении макроэкономической политики, в свое время пожертвованных в пользу ориентации на экономический либерализм, и за европейскую политику, способную обеспечить всей Европе высокие социальные стандарты.

- Реформы или революция? До 1914 г. этот вопрос был главным для СДПГ. Впоследствии она сосредоточилась на парламентаризме, стояла ближе к власти. Партия утратила революционный дух, отказавшись от дебатов, касающихся радикальных проектов переустройства общества. Ответственность правящей партии способствовала укоренению в ней «политики мелких шагов», но это негативно отражалось на сплоченности партии. Три раза близость к власти либо прямое правление СДПГ приводили к организационным расколам (Компартия Германии, Партия зеленых, Левая партия).

Степень радикальности партии зависит от ее взгляда на возможность изменения политической ситуации и от шансов на реализацию планов. В случае длительного политического прессинга и социального неблагополучия требуется срочная смена власти, если же речь идет об участии в управлении, то можно ограничиться реформами. Лассальянцы, которых многие историки считают «половинчатыми» социал-демократами в отличие от настоящих отцов-основателей партии, с недоверием относились к профсоюзам. Они не уделяли им особого внимания, уверовав в непогрешимость «железного закона заработной платы», согласно которому доход рабочего не должен превышать прожиточного минимума. Они агитировали в первую очередь за выборы, требуя введения всеобщего избирательного права (для мужчин), а не права на забастовку.

Организационное слияние в 1875 г. с марксистами-эйзенахцами во главе с Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом означало объединение двух несовместимых программ – это можно объяснить только усилением репрессий со стороны кайзеровского государства, которые заставили оппозицию поступиться четкостью программы в пользу организационного единства и самозащиты. В борьбе за выживание в период действия «закона о социалистах» верх одержала радикальная идеология – партия стала марксистско-революционной.

Как только партия снова стала легальной, в ней возродились социальный реформизм и надежда на то, что к власти можно прийти через парламентские выборы. Одним из выдающихся достижений центристов, объединившихся вокруг Бебеля и Каутского, является то, что в период с 1891 по 1914 г. они сумели предотвратить раскол партии и разрыв связей с профсоюзами и возглавить единое социал-демократическое движение реформаторов, ревизионистов и левых революционеров.

Еще в 1893 г., когда для речей многих социал-демократов было характерно революционное фразерство, Карл Каутский пытался удержать крайние фракции в единой партийной оболочке с помощью парадоксальной формулировки: социал-демократия – это «революционная, но не стремящаяся к революции партия».

В партии со 150-летней историей пересмотры программ и политических концепций были неизбежны. Но одобрение военных кредитов в 1914 г. стало резким поворотом, который многими до сих пор воспринимается как символ грехопадения социал-демократов. Согласие на финансирование войны могло иметь множество разных причин: надежда на доступ к властным структурам кайзеровской Германии; партийное руководство рассчитывало на конституционные и социально-политические уступки, а возможно, оно считало, что больше не сможет противиться быстрому нарастанию патриотических настроений среди рабочих или опасалось конфронтации с профсоюзами, которые за несколько дней до этого заключили мир с правительством, объявив о прекращении всех забастовок; решающую роль могло сыграть опасение, что критика военных кредитов снова даст милитаристскому кайзеровскому режиму повод для запрета партии, которой опять пришлось бы уйти в подполье, – но в любом случае одобрение военных кредитов с компромиссной формулировкой, согласно которой стране предстоит не наступательная, а оборонительная война с отсталой, варварской царской Россией, ознаменовало конец Второго Интернационала, основанного в 1889 г. при активнейшем участии СДПГ и находившегося до начала войны под ее влиянием¹.

Вопрос войны и мира оказался более сильным фактором размежевания, чем идеологические споры о реформах и революции, – партия раскололась. При голосовании по вопросу новых кредитов выделилась группа несогласных (первым «против» проголосовал Карл Либкнехт), и в условиях растущей социальной напряженности из-за экономических тягот военного времени и плохих вестей с фронта центристам уже не удалось сохранить единство партии. Разделение на фракцию большинства (MSPD) и фракцию меньшинства (USPD) обозначило линию, по которой затем в 1918–1919 гг. произошел раскол на социал-демократическую и коммунистическую партии.

В ноябре 1918 г. с новой остротой встал извечный вопрос: реформы или революция? И вот революция пришла в Берлин. Кайзеровское правительство ушло в отставку. Фридрих Эберт – лидер фракции большинства в СДПГ – стал рейхсканцлером Германии. 9 ноября в столице ожидалось массовые демонстрации под революционными лозунгами.

¹ Не только немецкие, но и французские социал-демократы поддержали свое правительство. Каутский обобщил национально-патриотические настроения, охватившие большинство европейских социалистов, отметив, что «the International cannot be an effective instrument in time of war; it is essentially a peacetime instrument» (цит. по: Blackledge P. The great schism: socialism and war in 1914 // International Socialism. 2014. № 143. P. 97).

Тогда Эберт обратился к гражданам со следующим призывом: «[...] Сограждане! Настоятельно прошу вас: уйдите с улиц! Обеспечьте спокойствие и порядок». Подпись: рейхсканцлер Эберт.

Так что же, он предал революцию и спас буржуазию? Может быть, он хотел предотвратить хаос и насилие и обеспечить переход к парламентской монархии? Или же он просто был ранним реалистом, убежденным в возможности социального реформирования капитализма? Можно также сказать, что Фридрих Эберт не хотел стать немецким Керенским, а руководство фракции большинства в СДПГ боялось радикализации масс в большевистском духе и установления советской модели власти.

Реформы или революция? После 1945 г. такая альтернатива перед СДПГ уже не возникала. Мир вступил в эпоху «холодной войны», практика репрессий на Востоке дискредитировала реальный социализм в СССР и других странах его блока, включая ГДР, в то время как социал-демократия на Западе – пусть иногда с платформы оппозиции, как в Федеративной Республике Германия – достигла впечатляющих успехов на пути социальных реформ. В то же время приходится констатировать, что неolibеральные контр-реформы Рейгана и Тэтчер, начавшиеся после 1980 г., завершили «золотой век» кейнсианства в промышленно развитых странах Запада.

Но затем настал 1989 г.! После поражений 1848 и 1918–1919 гг. в Германии наконец произошла своя победоносная революция. После США, Англии, Франции и России Германия теперь тоже может оглянуться на эпохальную революцию, причем мирную.

И все же это была странная революция: ненасильственная – да, произошел переворот – но в ней не было ни революционеров, ни революционных идей. Они не могли и не должны были создавать ничего нового, ничего нового и не было создано – просто было взято то, что было давно известно на Западе. Революция присоединения, эвфемистически называемого воссоединением.

Что и кто победил в этой «довольно странной» революции? Германия оказалась в большом политическом выигрыше. Советский Союз распался, и обломки «реального социализма» погребли под собой альтернативные социально-политические модели и утопии. Капитализм победил – после крушения «государств реального социализма» эти слова стали крылатыми, казалось, что капитализму больше нет альтернативы.

Американский политолог Фукуяма, следуя простой диалектической логике, даже заявил, что настал «конец истории». Коренные антагонистические противоречия между двумя социальными проектами якобы исчезли, а без альтернативной модели нет стимула к переменам. Возможно, такое заявление нарочито радикально, но уто-

пическое мышление в категориях моделей социализма с тех пор воспринимается как нечто устаревшее.

С этим утверждением не согласился Вилли Брандт, который указал на то, что 1989 г. – это не поражение коммунизма в противостоянии с капитализмом, а победа Бернштейна. Можно добавить, и Каутского – над Лениным. Линия большевиков оказалась историческим заблуждением, а правильным путем был путь социальных реформ. Социальный реформизм не умер, он и впредь будет играть созидательную роль.

В 1990-е гг., правда, особого оживления идей социального реформизма заметно не было. Напротив, почти повсюду шло урезание социальных льгот, капитализм неолиберального толка победно шествовал по всему миру.

Пока в 2008 г. капитализм вдруг не очутился на краю пропасти, куда его подвел финансовый капитал. От падения в собственную могилу его спасли лишь кейнсианские государственные интервенции и поддержка рынка со стороны систем социального государства.

С тех пор развернулись новые дискуссии. Мы снова спорим о жизнеспособности капитализма, о необходимости стабилизации стихийных рынков посредством государственного регулирования, о социально-политическом сдерживании сил свободного рынка, о социальных реформах, которые должны предотвратить радикализацию наших обществ.

Эти дискуссии пока не привели к реформам. Элиты многих стран отказались от идеи более равномерного распределения доходов, почти везде наблюдается резкий рост социального неравенства, который оправдывают меритократическими тезисами о том, что бедные якобы «сами виноваты в своей бедности».

Немецкая социал-демократия должна отвечать на эти вызовы. Уже два десятилетия определяющую роль в немецкой социальной дискуссии играют новые тенденции: новая бедность, общество «двух третей», альтернативная занятость, пособия «Хартц IV», размывание «среднего слоя» – все эти явления свидетельствуют о новой поляризации общества. При этом левые силы, как и прежде, расколоты, не способны создать межпартийную коалицию. СДПГ должна вновь доказать, что способна предложить новую концепцию социальных реформ. Но развитие Германии идет теперь не в русле национальной истории, а в русле европейской интеграции. Коренной вопрос нынешней социал-демократии – это не «реформы или революция», а вопрос о том, какой должна быть социальная система – национальной или общеевропейской. Революционной задачей будущего можно теперь считать преодоление национальных границ.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РАЗВИТИЯ

Бернд Фауленбах

I. По теме и постановке вопроса

Социал-демократическое рабочее движение часто понималось как транснациональное европейское движение эмансипации и провозглашало политический интернационализм. И все же реальность в XIX и XX столетиях в большинстве случаев выглядела иначе. Во всех странах социал-демократия выступала в конкретном национальном политическом, экономическом и культурном контексте – часто с особыми проблемами и конфликтами. Существенную роль при этом играли и уровень развития, и политический строй, а также политическая культура. Не было ни как такового «нормального пути», ни «синхронности» в развитии стран, а соответственно не могло быть и никаких «особых путей» в принципе, хотя многие и исходили из этого: как современники, так и предшествующие поколения. В широком смысле все пути были особенными, возможно все-таки – как полагал Генрих Август Винклер – некоторые были совершенно особыми¹. Точно так же и в отношении социал-демократического рабочего движения можно говорить о «зависимости пути». Т. е. некой нормы не существовало, а были различные социал-демократические пути.

Некоторое время немецкое социал-демократическое рабочее движение в этой разобщенной Европе считалось ведущим и наилучшим образом организованным движением. Особенно перед Первой мировой войной, когда по численности СДПГ превосходила остальные партии и даже оказывала финансовую поддержку партиям и профсоюзам в других странах. Но были и времена, когда немецкие

¹ Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Bd. II: Deutsche Geschichte vom «Dritten Reich» bis zur Wiedervereinigung. München, 2000. S. 640ff.

социал-демократы терялись среди многих социал-демократических партий.

Наш интерес направлен на выявление особенностей немецкой социал-демократии, которые отличали ее от социал-демократического рабочего движения на Западе и Востоке с XIX столетия и более или менее выражали особое немецкое развитие, которое вновь и вновь становилось предметом дискуссий, прежде всего с фокусом на отличие Германии от Запада¹.

Примечательно, что та немецкая социал-демократия, которая хотела изменить общество, способствовала формированию непрерывной немецкой истории, которая в XIX и XX вв. в остальном кажется обусловленной целым рядом радикальных переломов. Следует упомянуть Первую мировую войну, падение империи и революцию 1918 г., господство нацистов и Вторую мировую войну с ее предельно катастрофическими последствиями для немцев, немецкое разделение и позднее (вос)соединение. И хотя все это не прошло бесследно для социал-демократии, она, тем не менее, образует в определенной степени нечто стойкое в изменчивом течении немецкой истории.

Мы отметим здесь специфические черты немецкого рабочего движения, которые вытекают из истории немецкой социал-демократии до 1914 г., но несколько линий проследим вплоть до времени после Второй мировой войны. При этом мы попытаемся рассмотреть немецкое развитие в европейском контексте. Правда, сравнительное исследование европейских рабочих движений находится еще на начальной стадии², поэтому мы можем представить только лишь спорный эскиз.

¹ Cp. Faulenbach B. "Deutscher Sonderweg". Zur Geschichte und Problematik einer zentralen Kategorie des deutschen geschichtlichen Bewusstseins // APUZ, 1981. В 33. S. 3–21; Ders. "Deutsche Sonderwege". Anmerkungen zur aktuellen Diskussion über das deutsche historisch-politische Selbstverständnis // Comparativ. Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsforschung, 1994. 41, S. 14–30; Groh D. Le Sonderweg de l'histoire allemande entre 1848 et 1940: Mythe ou réalité? // Annales, 1983. 38. S. 1166–1182; Steinmetz G. German exceptionalism and the origins of Nazism: the career of a concept // I. Kershaw, M. Levin (Ed.); Stalinism and Nazism: Dictatorships // Comparison. Cambridge, 1997. S. 252–284.

² См. значительное исследование Клауса Тенфельде (Klaus Tenfelde): Europäische Arbeiterbewegungen im 20. Jahrhundert [Европейские рабочие движения в 20-м веке] // D. Dowe (Hg.): Demokratischer Sozialismus in Europa seit dem Zweiten Weltkrieg. Bonn, 2001. S. 9–39. В последние десятилетия вновь проводились сравнительные исследования, которые охватывают 2 страны. См., напр.: Berger S. Ungleiche Schwestern? Die britische Labour Party und die deutsche Sozialdemokratie im Vergleich. 1900–1931. Bonn, 1997. Cp. также Kocka J. (Hg.): Europäische Arbeiterbewegungen im 19. Jahrhundert. Deutschland, Österreich, England und Frankreich im Vergleich. Göttingen, 1983.

II. Социал-демократия и национальный вопрос

Гельмут Плеснер обозначил немцев как «опоздавшую нацию» ["verspätete Nation"]¹; опоздавшей она была преимущественно по сравнению с Западом, меньше по сравнению с Востоком. Характерным для немецкого развития в XIX в. является распад национального государства, переход к конституционному государству и формирование социального вопроса, который нужно рассматривать в контексте индустриализации. Эта интерференция проблем также отразилась на немецкой социал-демократии.

Немецкая социал-демократия формировалась в то время, когда в повестке дня стояло как раз и образование немецкого национального государства². Таким образом, понятно, что расслоение основы социал-демократии в 60-е гг. не в последнюю очередь было обусловлено национально-политическими мотивами. Лассальянцы выступали за образование малой германской империи под прусским началом, а эйзенахцы были приверженцами великогерманского демократического развития. Сюда добавились структурные и теоретические различия, что в совокупности привело к настоящим противоречиям и конфликтам. Все же оба направления критиковали Бисмарковское устройство империи и аннексию Эльзас-Лотарингии, кроме того, они солидаризировались с Парижской коммуной. Это существенно способствовало тому, чтобы оба направления выделились как «парни без отечества», что и выровняло путь к объединению обеих партий на съезде в Готе в 1875 г.

Таким образом, социал-демократическая партия с самого начала оказалась в оппозиции к империи. Из патриотического чувства ответственности ей было сложно донести свое демократическое национальное самосознание и свой интернационализм, тем более что вскоре ее стали преследовать по закону против социалистов. В то же время национальное самосознание Германии социально сужалось. Это привело к тому, что в более широких слоях населения демократия и национальное самосознание долгое время считались противоположными понятиями³.

¹ Plessner H. Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart, 1959.

² Cp. Groh D., Brandt P. "Vaterlandslose Gesellen". Sozialdemokratie und Nation 1860–1990. München, 1992.

³ См. Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band: Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2001. 2. Aufl. S. 213ff.

Национальный вопрос не был решен, а с появлением Пангерманского (Всенемецкого) союза и отечественной партии формировался новый национализм, с которым социал-демократия продолжала борьбу так же, как и с консервативным и либеральным национализмом. И все же по национально-политическим причинам во время Первой мировой войны она сначала разделила бургфриденскую политику, а после войны – консенсус Веймарских партий против Версальского договора (только коммунистическая партия Германии уклонилась от него).

Национальный вопрос для западноевропейских социал-демократических движений, которые развивались в уже признанных национальных государствах, не шел ни в какое сравнение с тем, с чем так или иначе приходилось сталкиваться партиям на Востоке уже в XIX в. В особенности это касается социал-демократии многонационального государства Австро-Венгрия, которая предпринимала попытки создать собственные австро-марксистские подходы к решению¹.

Немецкая социал-демократия и после Второй мировой войны вынуждена была столкнуться с национальным вопросом как проблемой – в связи с разделом Германии. СДПГ 1950-х гг. в Федеративной республике – в отличие от ХДС Аденауера, ставящей ранее на западную интеграцию, – была образцовой партией воссоединения и как ни одна другая боролась за преодоление конфронтации между Западом и Востоком – не в последнюю очередь из национальных мотивов. В 1990 г. она достигла своей цели, когда Вилли Брандт заявил: “Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört.” [«Теперь сращивается то, что принадлежит друг другу»]². Наконец-то противоречия демократии и нации в Германии разрешились полностью.

III. Отношение к либерализму

Особенным у социал-демократии со времени возникновения вплоть до Первой мировой войны было и отношение к либерализму. Историк Густав Майер, которому мы обязаны появлением большой биографии Энгельса, говорил об особо раннем отделении в Германии социал-демократического рабочего движения от либерализма³.

¹ См. Mommsen H. Arbeiterbewegung und Nationale Frage. Ausgewählte Aufsätze. Göttingen, 1979. S. 195ff.

² Cp. Faulenbach B. Willy Brandt. München, 2013. S. 110ff.

³ Mayer G. Die Trennung der proletarischen von der bürgerlichen Demokratie in Deutschland, 1863–1870 // Radikalismus, Sozialismus und bürgerliche Demokratie /

Это, безусловно, верно в сравнении с Западом (например, с Англией) и связано также с политической слабостью буржуазии в Германии, которая старалась пробиться сквозь прежние средневековые слои власти. Таким образом, до Первой мировой войны немецкий либерализм никогда не был господствующей партией, и тогда все больше росло убеждение, что век либерализма подошел к концу.

Только лишь в южно-немецких парламентах уже перед войной социал-демократия стала сотрудничать с левым либерализмом. А вот мирную резолюцию 1917-го г. в рейхстаге поддержали социал-демократия, партия Центра и Прогрессивная партия. В 1919 г. эти же партии в составе Веймарской коалиции в значительной мере разработали конституцию республики, но на имперском уровне – иначе, нежели в Пруссии, – уже вскоре потеряли свое большинство.

После Второй мировой войны, когда СвДП была основана вновь как соединение национального либерализма и левого либерализма, либерализм практически в течение многих лет входил, по сути, в антисоциал-демократический союз с ХДС/ХСС. Лишь в 60-е гг. он стал ослабевать. А в 1969 г., когда наконец была создана коалиция между СДПГ и СвДП, Вилли Брандт на фоне этой истории говорил об «историческом союзе», который, будучи лишь вынужденным временным союзом, просуществовал все-таки до 1982 г.¹

Характерным для немецкой социал-демократии являлось то, что она с самого начала рассматривала себя как наследницу революции 1848 г. К учредителям партии принадлежали не только старые «48десятники» (мужчины, которые приняли активное участие в революции в 1848/49 гг.), она в скором времени подхватила также и «идеи 1848-го» гражданской демократии, которая, по-видимому, в 1849 г. была побеждена реакцией². Немецкая социал-демократия изначально объединяла в себе освободительное движение рабочих (если хотите, «Четвертого класса») и демократическое движение³. Еще в начале своего развития она наряду с социальными представ-

hg. v. H.-U. Wehler. Frankfurt a. M., 1969. S. 108–178. Siehe zur Gründungsperiode insbes. Welskopp T. Das Banner der Brüderlichkeit. Die deutsche Sozialdemokratie vom Vormärz bis zum Sozialistengesetz. Bonn, 2000.

¹ См. Faulenbach B. Das sozialdemokratische Jahrzehnt. Von der Reformeuphorie zur Neuen Unübersichtlichkeit. Die SPD 1969–1982. Bonn, 2011. S. 76ff.

² Cp. Baumgart F. Die verdrängte Revolution, Düsseldorf 1976; Bouvier B. Französische Revolution und deutsche Arbeiterbewegung. Die Rezeption des revolutionären Frankreich in der deutschen Sozialistischen Arbeiterbewegung von den 1830er Jahren bis 1905. Bonn, 1982.

³ Cp. Faulenbach B. Geschichte der SPD. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 2012. S. 15ff.

ляла (радикально-) демократические требования. На практике она все больше была привержена парламентской системе (даже в период действия исключительного закона против социалистов она была в рейхстаге). Возникает вопрос, не предъявлялись ли социал-демократии в ее двойном назначении частично завышенные требования. Недостаточно исследовано также, брала ли на себя социал-демократия в других странах похожую двойную задачу.

После 1918 г. СДПГ также приняла на себя двойную задачу. Гейдельбергская программа 1924 г. рассматривала парламентскую демократию только как лучшее «боевое поле» для проведения в жизнь социализма¹. И все же социал-демократы Веймарского периода являлись самыми решительными защитниками парламентской республики – вплоть до героического отказа от принятия социал-демократией закона о чрезвычайных полномочиях Гитлера в марте 1933-го, что отличило ее от всех других партий.

После Второй мировой войны и опыта национал-социалистического периода демократия для СДПГ являлась самоцелью, но ни в коем случае не средством реализации социализма. С точки зрения немецкой социал-демократии теперь стало полностью ясно, что демократия без социализма находилась под угрозой, при том что социализм без демократии был абсолютно невозможен. Годесбергская программа 1959 г. утвердила эту позицию.

IV. Ремесленники, рабочие, интеллигенты и пр. – к социальной картине немецкой социал-демократии

Индустриализация в полном масштабе только начиналась в Германии, когда образовалось социал-демократическое рабочее движение в 60-х гг. XIX столетия. При несколько более точном рассмотрении историческая роль ремесленников, мастеров-ремесленников и подмастерьев при основании рабочего движения в Германии становится заметной в средней трети XIX в.² Они постепенно осознавали, что старые порядки цеха принадлежали прошлому и нужно было стремиться к новому общественно-политическому порядку, преобра-

зовывая при этом основные традиционные солидарные формы в соответствии с новым временем. Наряду с ремесленниками значительную роль играли рабочие новых отраслей промышленности, прежде всего квалифицированные рабочие, в то время как неквалифицированные массовые рабочие приблизились к социал-демократии уже во время забастовок, например во время крупных забастовок горняков в Рурской области в 1889, в 1905 и 1912 гг., причем профсоюзы выстраивали мост к СДПГ. До Первой мировой войны активными членами партии часто становились каменщики, плотники, столяры, а также представители других профессий строительного и лесного промысла¹. Не в последнюю очередь среди социал-демократов, несущих политические функции, выделяются типографы.

Были еще и странствующие ремесленники, которые наряду с интеллигентами принесли за собой в Германию западноевропейское мышление; транснациональная мобильность содействовала транснациональной политической коммуникации.

Здесь следует упомянуть, что среди учредителей играли также роль прежние «48десятники» и периферийные представители третьего сословия. Вскоре в партию вступили учителя народных школ, а также адвокаты и другие «интеллигенты». Социал-демократия рассматривала себя как партию рабочего класса и полагала, что представляет подавляющее большинство населения, в этом отношении она была «народной партией»².

Восприятие марксистского понятия о классе во времена действия исключительного закона против социалистов способствовало тому, что социал-демократия определяла себя как партия рабочих, хотя само понятие «рабочий» всегда воспринималось относительно широко. СДПГ постоянно выходила за рамки рабочей партии. Если же во времена Веймарской республики – вопреки Герлицкой партийной программе, которая должна была проложить путь к Народной партии – она позиционировала себя в программных текстах и выступлениях как классовая партия, то это было следствием не только марксистской теории, но и конкуренции с КППГ, которая содействовала утверждению в традиционном марксизме.

После окончания Второй мировой войны Курту Шумахеру и другим социал-демократам стало ясно, что партия должна больше раскрываться навстречу средним слоям, что поначалу не совсем удава-

¹ См. Dowe D., Klotzbach K. Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie. 3. Aufl. Berlin-Bonn, 1990.

² См. Welskopp. Das Banner der Brüderlichkeit. S. 60ff.; Faulenbach B. Handwerkertraditionen und Holzarbeitergewerkschaften. Zur Frage soziokultureller Kontinuitäten // Grebing H., Hemmer H.-O., Christmann G. (Hg.). Das Holzarbeiter-Buch. Die Geschichte der Holzarbeiter und ihrer Gewerkschaften. Köln, 1993. S. 45–51.

¹ Grebing H. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Von der Revolution 1848 bis ins 21. Jahrhundert. Berlin, 2007. S. 28.

² Cp. Welskopp. Das Banner der Brüderlichkeit. S. 82ff., 742ff.

лось. В «Годесбергской программе» (1959) СДПГ позиционировала себя как левая немецкая народная партия, а в сущности такой она являлась уже давно¹. Немецкая социал-демократия в этом отношении шла впереди остальной Европы, за исключением разве что социал-демократических партий в Скандинавии, которые в сравнении с остальными странами всегда были социально открытыми партиями. СДПГ и до сегодняшнего дня понимается как большая левая народная партия.

V. Особая роль профсоюзов

Большое значение в истории рабочего движения в Европе имели взаимоотношения политического рабочего движения и профсоюзов, которые вместе считались «естественной» частью рабочего движения. Как на западе, так и на востоке Европы оно развивалось иначе, нежели в Германии. На западе – например в Англии и Франции – формирование профсоюзов предшествовало образованию партий (в синдикализме профсоюзные действия несли, конечно, политическую функцию). В царской России левые партии, напротив, имели тенденцию работать в подполье, и до формирования способного к действию профсоюзного движения дело не доходило, которого, впрочем, не хотел и Ленин².

В Германии политическое рабочее движение в значительной мере участвовало в основании профсоюзов³. С точки зрения партии политическое рабочее движение обладало явным преимуществом; слово профсоюзов как «школы рекрутов» партии отражает это отношение.

Тем не менее следует констатировать, что в эпоху Вильгельма II германские Свободные (социал-демократические) профсоюзы испытывали очевидный период роста. В 1914 г. партия насчитывала 1,1 млн членов, а профсоюзы – 2,5 млн членов. Несмотря на их политически направленное единение, им удалось играть все более независимую роль. В Маннгеймском соглашении 1906 г. Свободные профсоюзы добились внесения положения о том, что ни одна политическая забастовка не должна объявляться вопреки воле руководства⁴.

Профсоюзы уже перед Первой мировой войной проводили преимущественно умеренный курс. Так, Карл Легин, председатель генеральной комиссии Свободных профсоюзов, заявил на профсоюзном конгрессе в 1899 г.: “Gerade wir, die gewerkschaftlich organisierten Arbeiter, wünschen nicht, dass es zum sogenannten Kladderadatsch kommt und dass wir genötigt sind, auf den Trümmern der Gesellschaft Einrichtungen zu schaffen, gleichviel ob sie besser oder schlechter sind als die jetzigen. Wir wünschen den Zustand der ruhigen Entwicklung” [«Именно мы, организованные в профсоюзы рабочие, не желаем, чтобы дело дошло до так называемого бардака и чтобы мы вынуждены были создавать учреждения на обломках общества, все равно, будь они лучше или хуже, чем современные. Мы желаем состояния спокойного развития»]¹. Профсоюзы хотели улучшать положение рабочих непрерывной профсоюзной работой. Разумеется, профсоюзы значительно повлияли на то, что СДПГ в политической практике приняла реформистское направление. Во время Первой мировой войны профсоюзы как бы узнали о государственном признании себя по закону о вспомогательной службе военного времени.

Профсоюзное руководство в решительных ситуациях оказывало политически замедляющее влияние на партийное руководство. Так было и в Веймарское время до 1932–1933 гг., когда профсоюзы искали пути преодоления различий в политических направлениях, что не помешало нацистам их уничтожить. Еще до этого Свободные профсоюзы пытались отсоединиться от СДПГ.

После Второй мировой войны был основан объединенный профсоюз, который тем самым длительное время отделялся от СДПГ. Но так как социал-демократы образовывали самое большое течение в объединенном профсоюзе, то определенная близость к партии сохранялась. Периодически профсоюзы занимали те позиции, которые находились как бы слева от народной партии СДПГ, и все же ее реформистское начало никогда не подвергалось сомнению.

1980; ders.: Die Freien Gewerkschaften zwischen Reichsgründung und Weltkrieg: Organisationsentwicklung, Strukturprobleme und Programmatik // Matthias E., Schönhoven K. (Hg.). Solidarität und Menschenwürde. Etappen der deutschen Gewerkschaftsgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bonn, 1984. S. 39–56, hier S. 54f.

¹ Protokoll der Verhandlungen des Dritten Kongresses der Gewerkschaften 1899 vom 8–13 Mai 1899. Hamburg, 1899 [протокол переговоров Третьего Конгресса профсоюзов в 1899 году от 8–13 мая 1899. Гамбург, 1899].

¹ См. Potthoff H., Miller S. Kleine Geschichte der SPD 1848–2002. 8 Aufl. Bonn, 2002. S. 208ff.

² Tenfelde. Europäische Arbeiterbewegungen im 20. Jahrhundert. S. 18ff.

³ См. Welskopp. Das Banner der Brüderlichkeit. S. 255ff.

⁴ См. Schönhoven K. Expansion und Konzentration. Studien zur Entwicklung der Freien Gewerkschaften im Wilhelminischen Deutschland 1890–1914. Stuttgart,

VI. Возникновение и развитие рабочей культуры в Германии

Развитие рабочего движения в различных европейских странах находилось под влиянием того, что процесс индустриализации проходил в разное время и в разном темпе. Значение имели также политические факты и культурные факторы. Немецкое рабочее движение в известной степени было выражением социально-моральной среды¹, в которой находили свое отражение экономические, социальные и политические факторы. На эту среду не в последнюю очередь наложил отпечаток период преследования во время действия закона о социалистах.

С 90-х гг. XIX столетия важную роль для этой среды играли околопартийные организации в контексте партии: профсоюзы, товарищества (потребительские кооперативы и т. д.) и рабочие культурные организации. Сюда относились учебные заведения, такие как партийная школа, в которой знаменитые социал-демократы обучали функционеров для рабочего движения. Следует назвать также движение рабочей молодежи и все больше выделяющиеся спортивные организации и организации досуга: Рабочий гимнастический и спортивный Союз, Союз рабочих-велосипедистов Солидарность, Рабочий Союз пловцов, Свободный Немецкий Союз гребцов, Немецкий Рабочий певческий Союз, натуралисты, Союз рабочих-самаритян, Союз рабочих-трезвенников, а также союз вольнодумцев².

Система союзов была относительно закрыта только в социал-демократических оплотах. Здесь казалось, что система сопровождала жизнь рабочих от колыбели до могилы. Однако школа, военная служба и частично даже работа были инородным телом в этой рабочей культуре.

Появляется вопрос, в какой мере это «параллельное общество», которое формировало отчасти суб-, отчасти контркультуру, политизировало или, наоборот, деполитизировало обстановку. Невозможно переоценить влияние гражданской культуры с ее формами общения, а также со своим содержанием вопреки стремлению быть самостоятельной, но тем не менее служащей примером. Таким образом, это контробщество все же было частью сословно завышенного классового общества и его культуры.

¹ О понятии социально-моральной среды см. Lepsius M. R. Demokratie in Deutschland. Göttingen, 1993. S. 37f.

² См. Rüdén P. von (Hg.). Beiträge zur Kulturgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung 1848–1918. Frankfurt/M., 1979; Wunderer H. Arbeitervereine und Arbeiterparteien. Kultur- und Massenorganisationen der Arbeiterbewegung (1890–1933). Frankfurt/M., New York, 1980; Ruppert W. Die Arbeiter. Lebensformen, Alltag und Kultur von der Frühindustrialisierung bis zum "Wirtschaftswunder". München, 1986.

После Первой мировой войны рабочая культура в Германии еще больше выделилась, отчасти получив задание охранять социал-демократическую веру в будущее. Но уже в 1920-е гг. она попала под давление современной индустрии развлечений и отдыха. После Второй мировой войны, которая ослабила социально-моральные условия, рабочие культурные учреждения не были восстановлены в Федеративной Республике Германия, но зато возобновили свою деятельность образовательные учреждения партии. Усилиям, направленным на цельную интеграцию и обособление, тем самым был положен конец. Немецкая социал-демократия стала рассматривать себя как часть открытого плюралистского общества, которое, правда, нужно было совершенствовать посредством решительных реформ, направленных на демократизацию общества.

По этому комплексу вопросов – за исключением Германии и Англии – проведено еще слишком мало сравнительных исследований.

VII. Отношение к государственному порядку

На вопрос об отношении социал-демократии к соответствующему политическому строю нужно отвечать по-разному – в зависимости от различных эпох немецкой истории. Перед Первой мировой войной снова можно отметить умеренную позицию немецкой социал-демократии в сравнительном европейском рассмотрении¹. Возникшее и преследуемое как радикальное оппозиционное движение, после 1890-го оно сохраняло противоречивое отношение к Кайзеровской империи. И все же сильно распространяющееся социал-демократическое рабочее движение вросло в империю. Партия – даже во времена преследований – принимала активное участие в работе на парламентском уровне и с 1990-х гг. начала использовать правовой контекст. Дитер Гро касательно немецкого случая говорил много лет тому назад об «отрицательной интеграции», причем интеграция в южной Германии определенно выходила и за пределы этого². Например, в 1910–1912 гг. в Бадене была предпринята попытка образовать «блок от Бассермана до Бебеля», от национал-либералов до социал-демократов. А в Баварии перед Первой мировой войной социал-демократы отказывались от земельного бюджета.

¹ Cp. Tenfelde. Europäische Arbeiterbewegungen im 20. Jahrhundert. S. 18ff.

² Groh D. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Frankfurt/M., Berlin, 1973.

В Западной Европе общественно-политическая интеграция социал-демократического рабочего движения – при некоторых различиях в деталях – перед Первой мировой войной уже продвинулась вперед, а в Германии, напротив, затормозилась. В царской России, однако, не было никакой интеграции. В Западной Европе участие социал-демократических партий в правительстве началось уже на рубеже веков, а для Германии в то же время это было еще невообразимо, в России так и вообще полностью за рамками представления. Этому соответствовали – несмотря на всю собственную важность теоретических споров – разные стратегии. В то время как на западе – как во Франции, так и в Англии – преобладал реформизм, а русское рабочее движение, в частности большевики, представляли революционную стратегию, социал-демократия была революционной силой только в самом широком смысле. Карл Каутский констатировал: немецкая социал-демократия – «революционная», но не «делающая революцию» партия.

Каутский еще в 1893 г. назвал революцию с баррикадами и насильственными столкновениями не соответствующей духу времени «современных» стран, к которым он причислял также и основанную на конституционной монархии Кайзеровскую империю; большинство завоевывает здесь политическую власть благодаря успехам на выборах и тогда проводит преобразования в обществе¹. Только на авторитарном Востоке революция кажется Каутскому в узком смысле уместной. Наверное, Россия представала перед Каутским в несколько стереотипном виде, что было не так уж необычно для немецкой социал-демократии. Известно предложение старого Бебеля, который хотел еще взять ружье на плечо, если бы пошли против царя². Эта картина России определяла отношение немецкой социал-демократии в начале Первой мировой войны. Не случайно Каутский тогда стал одним из самых острых критиков большевизма у власти, который во время своего, с его точки зрения, спорного назначения подавлял «диктатуру пролетариата» демократическими представлениями в Грузии и в других местах³.

Заслуживает внимания специфическое восприятие марксизма в немецкой социал-демократии во время действия закона о преследовании социалистов. Марксизм, с точки зрения многих социал-демокра-

тов, «научно» доказал перспективность движения. Впоследствии он был – частично в комбинации с Дарвинскими учениями («Дарвино-марксизм») – больше эволюционной идеологией интеграции, нежели ведущей к действию теорией. Хотя на съездах партии явно отвергался ревизионизм Бернштейна, но это едва ли касалось повседневной работы партии. У теоретиков марксизма не было конкретной политики последовательности. На практике – несмотря на образование внутривнутрипартийных групп – уже в Кайзеровской Германии немецкая социал-демократия становилась все больше реформистской партией, политика которой вопреки своим высоким требованиям совпадала с политикой профсоюзов.

По всему своему облику немецкие социал-демократы уже перед Первой мировой войной в подавляющем большинстве не были революционерами, несмотря на абстрактные идеи будущего в соседстве с конкретными политическими, а также социальными требованиями, заложенными в Эрфуртской программе (1891), которые характеризовали немецкую социал-демократию того времени. Можно подчеркнуть, что социал-демократия была так успешна в империи потому, «что она связывала будущие надежды и конкретные актуальные политические вопросы, революционную риторику и реформистское действие, противопоставление господствующей политике и соглашения с реальным обществом» [“Weil sie Zukunftshoffnungen und konkrete Tagespolitik, revolutionäre Rhetorik und reformistisches Handeln, Gegensätzlichkeit zur vorherrschenden Politik und Arrangement mit der realen Gesellschaft verband”]¹. Однако оставалось все же неясным, что нужно делать в случае «большого краха».

На фоне истории социал-демократии в Кайзеровской Германии, в которой она осталась как бы на пороге власти, не было удивительным, что социал-демократы, расколовшиеся во время войны из-за вопроса мира, т. е. из-за военных кредитов, выступили после ноябрьской революции в своем подавляющем большинстве за парламентскую демократию и в союзе с лево-гражданской НДП и католическим Центром создали Веймарскую республику. Решение дилеммы демократия–диктатура отличало социал-демократов (не только Б–СДПГ, но и значительные части НСДПГ) от основанной на стыке 1918–1919 гг. КППГ, которая стремилась, в том числе и под впечатлением от российского развития, к диктатуре пролетариата и потому пропагандировала бойкот выборов Учредительного национального собрания.

¹ Kautsky K. Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution. 2. Aufl. Berlin, 1909. S. 44–52 (Artikel aus der Neuen Zeit vom Dezember 1893).

² Речь Бебеля перед Рейхстагом 7-го марта 1904.

³ См. Gilcher-Holtey I. Das Mandat der Intellektuellen. Karl Kautsky und die Sozialdemokratie. Berlin, 1986. S. 272f.

¹ Faulenbach. Geschichte der SPD. S. 31

Фридрих Эберт, являвшийся наряду с Филиппом Шайдеманом ведущим социал-демократом тех лет, утверждал на открытии национального собрания, что «только следуя широкому стратегическому пути парламентского совещания и принятия решений [...] можно произвести неотложные изменения, в том числе в экономической и социальной сферах, не загубив империю и ее экономику» [“Nur auf der breiten Heerstraße der parlamentarischen Beratung und Beschlußfassung [...] sich die unaufschiebbaren Veränderungen auch auf wirtschaftlichem und sozialem Gebiet vorwärts bringen [lassen], ohne das Reich und seine Wirtschaft zugrunde zu richten”]¹. Эберт и другие ведущие социал-демократы были убеждены, что только парламентско-демократическая политика могла бы решить актуальные проблемы. Разумеется, у социал-демократии были проблемы с выполнением своей новой роли, не только из-за быстро растущей непримиримости буржуазных партий в отношении социал-демократических стремлений, но и из-за конкуренции КПП, которая усилилась после перехода в нее части НСДПГ. Историк Клаус Шенховен очень метко охарактеризовал СДПГ Веймарской республики, назвав ее «полуправительственная и полуоппозиционная партия» [“halbe Regierungs- und halbe Oppositionspartei”]².

Особая тема – это отношение немецкой социал-демократии после Первой мировой войны к западным державам, с одной стороны, и к Советскому Союзу и большевизму – с другой. При этом в немецкой социал-демократии играли роль и эмигрировавшие меньшевики³. Развитие в России рассматривалось чрезвычайно критически, как пример опустошительных последствий лево-радикальной политики. Большевицкая Россия усиливала социал-демократическую линию развития, ведя ее к социальной реформистской партии. В целом немецкие социал-демократы Веймарской эпохи были ориентированы скорее на Запад, нежели на Восток, чему, несомненно, способствовала установленная Сталиным политика Коминтерна.

Подавление и преследование СДПГ в Третьем рейхе нанесло глубокую рану немецкой социал-демократии, приверженцы которой

частично эмигрировали, частично вели сопротивление, частично надеялись на лучшие времена, т. е. искали пути «перезимовать». Тем не менее после Второй мировой войны она снова подхватила линию развития Веймарского времени и участвовала в создании Основного закона Федеративной Республики Германия. Но должно было пройти время до 1966 г., прежде чем она снова вошла в правительство на общегосударственном уровне и до 1969 г., когда она впервые выставила канцлера. Теперь она представляла программу объединенной демократии на базе Основного закона. «Отважиться на большую степень демократии» [“Mehr Demokratie wagen”] – вот мотив первого правительственного заявления Вилли Брандта в октябре 1969 г.

Конечно, это развитие, которое здесь невозможно рассмотреть более детально. Следует, однако, констатировать, что из-за раздела Германии и двухгосударственности противостояние социал-демократии и коммунистов (которые преобладали над СЕПГ) было как бы распределено по разным территориям. Противостояние между Западом и Востоком ослабило позицию социал-демократии на Западе. Посредством пропаганды Аденауэра, ХДС, СвДП и других западногерманская социал-демократия была сдвинута в сторону коммунистов, что объективно не имело никакого смысла: до тех пор, пока коммунисты правили в ГДР, конфронтацию между ними и социал-демократами невозможно было прекратить. Разумеется, в 1970-е гг. социал-демократы дистанцировались от определенных форм индифферентного антикоммунизма и работали над преодолением противостояния между Западом и Востоком.

VIII. Резюмирующие заключительные замечания

Вопреки глубоким переломам в немецкой истории, можно проследить значительную непрерывность в развитии социал-демократии от начала до сегодняшнего дня. Появившаяся с целью решать возникающие в контексте индустриализации социальные вопросы и преодолеть авторитарное государство путем создания демократической республики, немецкая социал-демократия еще во время Кайзеровской Германии превратилась в большую реформистскую партию, которая опиралась на работающее население.

Находясь под влиянием западной политической теории, социал-демократия уже в конце XIX столетия была широким движением, «эволюционный путь» которого пролегал между реформистскими дорогами рабочих движений на Западе и направленными на переворот действиями большевиков. Для нее была характерна амальга-

¹ Речь Фридриха Эберта во время открытия Национального собрания 6 февраля 1919 [Friedrich Eberts Rede bei der Eröffnung der Nationalversammlung am 6 Februar 1919]. Вновь напечатана: Mühlhausen W. (Hg.). Friedrich Ebert. Sein Leben, sein Werk, seine Zeit. Heidelberg, 1999. S. 221–226. Zitat S. 221.

² Schönhoven K. Reformismus und Radikalismus. Gespaltene Arbeiterbewegung im Weimarer Sozialstaat. München, 1989.

³ См. Zarusky Ju. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell. Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitische Konzeptionen 1917–1933. München, 1992.

мация демократических и социальных целей, которые все больше и больше становились взаимообусловленными.

Центральное значение для истории немецкой социал-демократии имело то, что она уже во время Кайзеровской империи становилась партией масс с функционирующей организацией, связанной с большими профсоюзами, кооперативами, а также с учреждениями культуры и досуга для рабочих.

Невзирая на некоторые ситуативные просчеты и упущения, немецкая социал-демократия была самой внушительной, но пока лишь абстрактно различимой альтернативой тому, что в немецкой катастрофе принято называть «немецким особым путем». Таким образом, она как раз всегда – и как противоположность господствующему развитию – являлась частью немецкой истории. И все же у нее было много общего с социал-демократией в остальной Европе, хотя различия и противоречия так и не удалось преодолеть.

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕФОРМИЗМ, КЛАССОВАЯ ПАРТИЯ ИЛИ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ? – ДИСКУССИИ В ГЕРМАНИИ¹

Йозеф Моозер

«Революция» и «реформы» – в XIX в. социалистическое и социал-демократическое рабочее движение использовало эти понятия для самохарактеристики, чтобы отмежеваться от других политических сил и заявить о себе как о радикальной оппозиции. Подходя к политической истории с марксистской точки зрения, оно считало себя порождением политической, демократической и экономической революции, капиталистической индустриализации, а также активным фактором грядущей политической и экономической революции, направленной на преодоление капитализма. В то же время понятие «реформа» имело в XIX в. консервативную направленность, его использовали для характеристики патерналистской политики «сверху», противодействующей «самопомощи» рабочего движения, сдерживающей революцию. Революция или реформы? Этот вопрос поэтому казался многим неправильным, лишним. Но по мере превращения рабочей социал-демократии в массовое движение он становился все актуальнее.

Идейные разногласия начались в 1890–1891 гг., когда в партии сформировалась «молодая оппозиция», критиковавшая курс руководства во главе с баварцем Георгом фон Фольмаром. Обе стороны представляли, можно сказать, классическое противоречие между «революционерами» и «реформаторами». Молодежь выступала за внепарламентские действия, пренебрежительно отзывалась об успехах на выборах, заявляла, что движение «уже сейчас выродилось в

¹ Сокращенная версия статьи «Revolution oder Reform? Revisionismusstreit und Massenstreikdebatte 1890 bis 1914». In: Kruke und Woyke (2012) [Революция или реформы? Спор о ревизионизме, дискуссия о массовых забастовках – 1890–1914 гг., в кн.: Крук и Войке (2012)].

чисто реформистскую партию мелкобуржуазного толка», занимаясь в рейхстаге не чем иным, как «попытками примирить пролетариат и буржуазию». Фольмара они называли «предателем» рабочего класса. Он же ссылаясь на парламентскую деятельность «большой партии», выступал на основе «нового курса» за политику удовлетворения «на-
сущных потребностей» (в плане защиты рабочих и их права на создание союзов), встраивая их в перспективу «*расширения* политической власти». Такая модификация общей формулы «*завоевание* власти» ярко характеризует понимание реформ как «постепенного продвижения вперед». Но при этом Фольмар резко отвергал обвинения в том, что он стремится к «примирению» с буржуазным обществом.

В одной из своих знаковых речей на съезде партии в 1891 г. Август Бебель отверг обе позиции, подтвердив своим авторитетом аргументацию, которая будет также не раз использоваться в дискуссиях последующих лет. «Молодых» он считал сумасбродами и анархистами, безответственно призывающими к революции. Оторвавшись от реальности, они, по его мнению, не прислушиваются к избирателям, которые поддерживают партию не как убежденные социалисты, а «потому что видят, что наша партия – единственная, которая говорит о страданиях рабочего класса и борется за улучшение его положения». Фольмар же, на его взгляд, связывает иллюзорные надежды с реформами, потому что не понимает реального соотношения политических сил. Его политика под девизом «Потихоньку вперед!» неизбежно приведет в «болото», в котором рабочий класс утратит «воодушевление» и потеряет из виду свою великую цель. В сокровищницу цитат социал-демократии вошло его «непоколебимое убеждение», что эта «конечная цель», в отличие от прошлых буржуазных революций, должна быть достигнута «совершенно новыми путями и средствами». Буржуазное общество «работает на свою собственную гибель, так что нам нужно лишь дождаться момента, когда мы подхватим власть, выпавшую из его рук». Делегаты «взволнованно» отреагировали на уверение Бебеля, что большинство из них еще доживут до этого момента. Карл Каутский в 1893 г. свел смысл этой речи к фразе, иллюстрирующей приговор истории «революционному аттендизму» (выжиданию): «Социал-демократия – это революционная партия, не стремящаяся к революции».

Марксистская убежденность в неизбежности «краха» капиталистической экономики нашла свое отражение в первой части Эрфуртской программы 1891 года. В этой программе, написанной Каутским и Бернштейном, ключевые положения которой действовали вплоть до принятия Годесбергской программы 1959 г., имелось, как известно, определенное противоречие между теоретической и

практической частью. Сформулированная Бернштейном «практическая» часть Эрфуртской программы описывает широкий спектр возможных политических и социально-политических реформ. Они простираются от широкой политической демократизации, включая прямую демократию, до полноценных основных прав человека, от равноправия женщин до разделения церкви и школы, от реформы правосудия до налоговых реформ и мер по «защите рабочего класса», включая восьмичасовой рабочий день.

Эти требования в экономическом плане, конечно, вполне вписывались в капиталистическую систему, но по отношению к кайзеровской современности они в целом представляли собой настоящую политическую, социальную и культурную революцию, в то же время свидетельствуя о многогранной и глубокой оппозиционности социал-демократии. Реформы вовсе не были «скромными», как их нередко характеризовали оппоненты по спору о ревизионизме, пренебрежительно сравнивая с «конечной целью». Весь комплекс предполагаемых реформ имел очень мало общего с традиционным, буржуазным пониманием реформ в смысле «социальных» уступок рабочим ради сохранения монархии. Тем удивительнее тот факт, что в рамках дискуссии о ревизионизме «практические» требования Эрфуртской программы упоминались редко, в то время как споры о мнимом забвении «конечной цели» всегда были очень жаркими.

В связи с численным ростом партии в 1895 г. впервые заговорили о том, что ради привлечения крестьян и батраков необходимо «пересмотреть профиль партии». Именно с пересмотром профиля связана прежде всего деятельность Эдуарда Бернштейна. В 1899 г. он изложил свои «соображения о пересмотре» в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Эта книга стала серьезным вызовом в плане ревизии задач социал-демократии. Он подверг критике «фразеологию» немецких социал-демократов, противоречия между их политическим языком и практикой, имея в виду язык марксистской интерпретации истории, представленной в Эрфуртской программе. Опираясь на актуальные дебаты о структурном переходе от «аграрного к промышленному государству», Бернштейн предложил новую линию аргументации, ориентированную не на «крушение», а на длительное существование капитализма: кризисы будут, по его мнению, принимать «более мягкие формы», средние классы не будут разрушаться, а жизненный уровень рабочих будет повышаться, так что сильной поляризации классов не будет. «Конечная цель» социалистического общества, согласно Бернштейну, отодвигается в далекое будущее, в этой связи он писал в 1897 г.: «Эта цель, какой бы она ни была, для меня ничто, движение – все. А под движением

я понимаю как общее движение общества, то есть социальный прогресс, так и политико-экономическую агитацию и организацию ради осуществления этого прогресса» (цит. по: Friedemann, 1977. S. 389). В ходе дискуссий этот тезис был риторически и метафорически преобразован в формулу «врастание в социализм». В этом контексте Бернштейн требовал пересмотра самоопределения СДПГ: вместо «революционной партии» она должна была именовать себя «социал-демократической партией реформ».

Ни одна из формулировок Бернштейна не вызвала такого отторжения, как его фраза о том, что конечная цель – ничто, а движение – все. Роза Люксембург быстро и неожиданно остро отреагировала на нее в статье «Социальные реформы или революция?» (1899). Бернштейн, пишет она, «начал отказываться от конечной цели ради движения. Но поскольку социал-демократическое движение не может существовать без социалистической конечной цели, то он неизбежно закончит тем, что откажется и от самого движения» (Luxemburg, 1979. S. 437). Поэтому в споре о бернштейновском «пересмотре профиля» речь идет не о «той или иной тактике, а о самом существовании социал-демократического движения». Эта критика выходила далеко за рамки намерений Бернштейна, но все же была в точку. Дело в том, что Бернштейн своей теорией подрывал исторически сложившееся самосознание социалистического рабочего движения, которое было тесно связано с понятием «революция».

Истинное значение термина «революция» в рамках спора о ревизионизме также следует искать в символической сфере. Оно не исчерпывается картинкой «революционного аттентизма/выжидания» на основе марксистской концепции истории. Революционный язык подпитывался также воспоминаниями о демократических революциях XVIII–XIX вв., о мужестве людей, громивших «троны королей», и – в широком смысле – о бунте низших слоев общества против векового угнетения и несправедливости. Каутский, очевидно, имел в виду последнее, когда писал в 1902 г. в брошюре «Социальная революция»: «Именно идея революции вызвала тот чудесный подъем пролетариата из глубочайшего унижения, который является самым замечательным итогом второй половины девятнадцатого века» (Kautsky, 1918. S. 63).

Иными словами, понятие «революция» несет в себе сильные эмоции и чувства моральной справедливости, которые вновь и вновь материализуются в социальных движениях. Бернштейн чувствовал это, но традиционно воспринимал эти чувства как «идеализм». В то же время его страх перед неконтролируемым насилием в ходе политических революций был столь велик, что он отказывался от легкомысленных речей о «революции». Как показывает его переписка с

Каутским, это было важным мотивом его «ревизии» марксистской «фразеологии». Каутский, разделявший его интуитивную осторожность, не раз отвергал идеи вооруженного захвата власти по старому образцу, но, учитывая настроения в партии, не хотел отказываться от понятия «революция».

Аналогичная многослойность характерна и для понятия «реформы», которое использовалось в ходе дебатов о ревизионизме. История этого термина тесно связана с консервативными тенденциями, поэтому само его употребление было отнюдь не бесспорным. Так что говорили о «мелких шагах», «повседневной работе», «ближайших задачах». Бросается также в глаза смешение реформ разных масштабов. Имелись в виду государственные, законодательные реформы и в то же время деятельность профсоюзов и других организаций по «активизации» рабочего класса, цивилизационное развитие или изменение политических позиций партии, например, по утверждению госбюджета или по отношению к либерализму. Лишь немногие – как, к примеру, Герман Молькенбург, занимавшийся социальной политикой во фракции рейхстага, – указывали на значимость «небольших достижений», стараясь анализировать их в контексте и прогнозировать долгосрочный эффект. «Конструктивный социализм», о котором писал Бернштейн, также можно рассматривать как своего рода теорию реформ. Но дискуссия, разгоревшаяся на рубеже веков, не привнесла ясности касательно занимаемых позиций: в левом крыле движения осталась определенная подозрительность по отношению к «реформаторам», слова «реформист» или «реформизм», употребляемые в адрес «оппортунистов» и «буржуазных соглашателей», стали ругательными.

Дискуссия о ревизионизме была обусловлена ростом партии, профсоюзов, кооперативов и культурных объединений, а также дифференциацией практики рабочего движения. Но именно по этой причине она не привела к «единству» среди «ревизионистов». Их было достаточно много (кроме Бернштейна), чтобы иметь общий форум в «Социалистическом ежемесячнике», но они не смогли сформировать общую политику, если принять во внимание разные темы споров, касавшихся внутренней, внешней, колониальной и военной политики.

Дискуссия в среде немецкой социал-демократии о «реформах» или «революции» на рубеже веков влияла на все сектора политической практики, поколебав самовосприятие партии как силы, организующей в историческом масштабе класс наемных промышленных рабочих. В 1905 г. возник повод к тому, чтобы пересмотреть эту концепцию классовой партии. В ходе выборов в рейхстаг в 1903 г. было проведено вызвавшее большой резонанс социологическое исследование электората СДПГ. Его результаты показали, что из трех

миллионов поданных 750 тысяч голосов не были поданы – вероятно, представителями промышленного рабочего класса. Исходя из этих данных, все чаще стали говорить о «народной партии». При этом следует подчеркнуть, что этот термин все же оставался маргинальным, в том числе для Бернштейна. Ведь он мог бы, распространив свою стратегическую фантазию и на партийную социологию, провозгласить СДПГ «народной партией». Но он этого не сделал. Бернштейн оставался марксистом, говоря о гегемонии (промышленного) рабочего класса над другими социальными группами избирателей.

Этот и другие аспекты дискуссии о ревизионизме – в частности, дебаты о массовых забастовках – позволяют сделать вывод о том, что разногласия по поводу реформ и революции еще не предопределили раскол рабочего движения, произошедший во время войны. Эти споры скорее характеризуют сущность социал-демократического рабочего движения, которому как массовому оппозиционному движению еще предстояло усвоить много исторических уроков. На этот процесс обучения оказывали влияние как интернационализм рабочего движения, так и тенденции в других европейских странах. При этом «революция» обозначала идентичность партии по отношению к, как правило, враждебному окружению, а «реформы» описывали активность в неблагоприятных обстоятельствах. В рамках этой базовой схемы почти непрерывные дискуссии свидетельствовали о дифференциации рабочего движения, а также, как подтверждает взгляд на другие страны и более ранние фазы истории рабочего движения, о его удивительной способности к сохранению единства и преемственности.

Литература

Friedemann P. (Hrsg.) (1977). Materialien zum politischen Richtungsstreit in der deutschen Sozialdemokratie 1890–1917. Frankfurt a.M., Bd. 1 [Фридемманн П. (ред.) (1977). Материалы о политических дискуссиях в рядах немецкой социал-демократии 1890–1917. Франкфурт-на-Майне. Т. 1].

Kautsky K. (1918; zuerst 1902). Die soziale Revolution. Berlin. 3 Auflage [Каутский Карл (1918; впервые 1902). Социальная революция. Берлин. 3-е изд.].

Kruke A., Woyke M. (Hrsg.) (2012). Deutsche Sozialdemokratie in Bewegung: 1848–1863–2013. Bonn, Dientz Verlag [Круке А., Войке М. (ред.) (2012). Немецкая социал-демократия в движении: 1848–1863–2013. Бонн, Дитц Ферлаг].

Luxemburg R. (1979). Sozialreform oder Revolution? // Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin. Bd. 1/1 [Люксембург Р. (1979). Социальные реформы или революция? // Люксембург Р. Собрание сочинений. Берлин. Т. 1/1].

ПРОФСОЮЗЫ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ГЕРМАНИИ – ДИСКУССИЯ О МАССОВЫХ ЗАБАСТОВКАХ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Рудольф Трауб-Мериц

Того, кто хочет сегодня обсуждать темы, бывшие чрезвычайно актуальными сто лет назад, обычно сразу же отсылают на конференции историков. Иное отношение к дискуссии о массовых забастовках, которая, наряду со спорами о ревизионизме, является одной из важнейших идейно-организационных дискуссий в истории немецкой социал-демократии. Вопросы, связанные с целями политических забастовок и контролем над ними, определяли в свое время отношения между социал-демократической партией и профсоюзами. Споры на эту тему между двумя главными течениями рабочего движения не утратили своей актуальности, они по сей день отражаются на их политических и организационных взаимоотношениях.

Когда после Второй мировой войны в Германии возродились профсоюзы, они стали строить свои структуры на основе принципа партийно-политической нейтральности. На этот выбор повлиял исторический опыт: с одной стороны, конечная фаза эпохи Веймарской республики, когда политическое размежевание профсоюзов не позволило создать единый фронт против нацизма, и, с другой стороны, исход дискуссии о массовых забастовках, когда профсоюзы отказались признать руководящую роль социал-демократической партии. Нынешняя структура немецких профсоюзов, в основе которой лежит принцип единого профсоюза, а также целенаправленность забастовок, обусловлена, в частности, результатами споров, разгоревшихся в 1905–1906 гг.

Начнем с выяснения сути терминов. Понятие «массовая забастовка» сейчас практически вышло из употребления, вместо этого говорят о «политической забастовке» или, в ее крайней форме, о «всеобщей забастовке». Между политической и экономической забастовкой

не всегда можно провести четкую грань. Политическая забастовка – это коллективный отказ от работы, чтобы добиться политических уступок от правительства, а экономическая забастовка – это отказ от работы, направленный против работодателя, когда работники хотят улучшить свое материальное положение и, в частности, требуют повышения заработной платы. Обе формы сливаются воедино, если ба-стующие требуют изменений в трудовом праве или в социальной политике, которые прямо или косвенно должны улучшить социальное положение работников.

В Германии после Второй мировой войны под влиянием судов по трудовым спорам сложилось забастовочное законодательство, запрещающее отказ от работы по политическим мотивам. В Европейском Союзе подобные ограничения в отношении политических забастовок действуют, кроме Германии, лишь в Англии и Австрии. Право на политическую забастовку немецкие профсоюзы признают лишь в форме права на сопротивление в случае политико-правовых атак на существование профсоюзов как таковых или на свои фундаментальные организационные права. Так что политическая забастовка будет легальной лишь при условии, что она служит сохранению самой организации или защите свободы объединений (ср., в частности, Däubler, 1973; Dribusch, 2010).

Отсутствие права на политическую забастовку, на первый взгляд, может показаться странным, ведь послевоенная немецкая демократия строилась на руинах нацистского режима. Тот факт, что возможность проведения всеобщей забастовки против национал-социалистов не была использована, многие справедливо считают роковым провалом немецкого рабочего движения. Поэтому, казалось бы, следует ожидать, что законодательно закрепленное право профсоюзов на политическую забастовку должно быть необходимым элементом защиты послевоенной демократии.

Любопытно то, что именно профсоюзы в начале XX в., в эпоху кайзеровской монархии, в большинстве своем высказывались против права на политическую забастовку, видя в ней угрозу для своих организаций. Отказываясь от политической забастовки, они, впрочем, отнюдь не поддерживали власть кайзера. Скептическое отношение к политической забастовке, скорее, отвечало действующей тогда концепции распределения ролей между социал-демократической партией (СДПГ) и профсоюзами.

Профсоюзы и право на забастовку

В известном решении Федерального суда по трудовым спорам 1980 г. имеется краткая и четкая формулировка, касающаяся права

на забастовку: «Тарифные переговоры без права на забастовку были бы не более чем коллективной просьбой о милостыне». Поскольку в Германии только профсоюзы имеют право на ведение тарифных переговоров со стороны наемных работников, это значит следующее: профсоюзы должны обладать правом на объявление забастовки. В то же время профсоюзы, заявляющие, что забастовка не является легитимным средством при ведении тарифных переговоров, не способны вести такие переговоры, а заключенные ими тарифные соглашения не имеют юридической силы.

Германское трудовое право в этом плане отличается исторической последовательностью, поскольку рассматривает профсоюзы как сторону конфликта и признает за ними право на конфликт. Возникшие когда-то как забастовочные кассы, они превратились со временем в забастовочные аппараты, которые используют свой конфликтный потенциал для улучшения материального положения работников. Хотя профсоюзы и называют себя социальными партнерами, конфликт является неотъемлемой частью капиталистических трудовых отношений. Как работодатели имеют право на частную собственность и распоряжение инвестициями, так и профсоюзы обладают неотъемлемым правом на забастовку.

Профсоюзы и партии – модели социал-демократических взаимоотношений

В истории взаимоотношений между профсоюзами и партиями за последние 150 лет – и те, и другие возникли в Германии в середине XIX в. – были фазы подчинения и фазы равноправия, фазы взаимного отчуждения, активного сотрудничества и вражды. Не считая тех случаев, когда профсоюзы создают политические партии, руководят ими или даже ведут или поддерживают партизанскую войну (как на Филиппинах), немецкая социал-демократия и немецкие профсоюзы испытали на собственном опыте почти все основные модели взаимоотношений. Схематически упрощая картину, можно представить историю социал-демократии как цепочку разных моделей отношений с профсоюзами. В исторической последовательности можно выделить пять таких моделей¹:

¹ Если добавить также опыт ГДР, то можно обнаружить также шестую модель, т. е. там СДПГ и КПГ были принудительно объединены в СЕПГ, а профсоюзы слились в монопольную структуру Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП/ FDGB). Профсоюзы играли роль массовой организации государства и партии. Правда,

- 1-я фаза: отсутствие у лассальянцев интереса к профсоюзам;
- 2-я фаза: верховенство социал-демократических профсоюзов в революционном движении;
- 3-фаза: организационное равноправие – партийные профсоюзы, тесное сотрудничество с партией;
- 4-я фаза: раскол на СДПГ и КПП – революционные профсоюзы в оппозиции к СДПГ;
- 5-я фаза: организационное размежевание и партийная нейтральность – принцип единого профсоюза.

Дискуссия о массовых забастовках – исторический контекст

Организационное развитие профсоюзов

Для немецкого рабочего движения характерна следующая особенность: обе его формы, сложившиеся примерно в одно время (60-е гг. XIX в.), были поначалу организационно и политически разобщены. Лассальянцы, создав в 1863 г. Всеобщий немецкий рабочий союз (ADV), ставший основой будущей социал-демократии, стремились всего лишь к «представительству рабочего сословия в законодательных органах Германии» и к «выборному праву в качестве главного лозунга и знамени партии»¹. Они верили в «железный закон заработной платы», согласно которому заработок рабочего, в принципе, не должен превышать прожиточного минимума. Поэтому борьбу за повышение заработной платы они считали несущественной, поскольку она приносила разве что временные победы, которые вскоре сводились на нет за счет роста населения. Так что профсоюзная работа не рассматривалась ими как рычаг социальных перемен или средство трансформации общества.

Более высоко профсоюзную работу ценили ориентированные на марксизм эйзенахцы, которые сначала объединились в 1869 г. в альтернативную Социал-демократическую рабочую партию (СДРП), а затем под растущим давлением репрессий со стороны государства

тот, кто считает тарифные переговоры и право на забастовку неотъемлемыми признаками профсоюза, вряд ли назвал эти структурами настоящими профсоюзами.

¹ Lassalle F. Offenes Antwortscheiben an das Zentralkomitee zur Berufung eines allgemeinen deutschen Arbeiterkongress zu Leipzig vom 1 März 1863. Zit. in: Schneider M. (2000: 496. Dok. 3) [Лассаль Ф. Открытое письмо Центральному комитету о созыве всеобщего немецкого конгресса рабочих в Лейпциге. 1 марта 1863 г. Цит. по: Schneider M. (2000: 496. Док. 3)].

сформировали в 1875 г. вместе с лассальянцами Социалистическую партию Германии (СПГ/SAP, в 1890 г. переименована в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ)). «Закон против социалистов» (1878), ограничивший право на создание союзов, вынудил и партию, и профсоюзы уйти в подполье. Необходимость общего сопротивления отодвинула на задний план идейные разногласия между разными фракциями партии и профсоюзами. Жесткий режим Бисмарка¹ сработал в конечном счете подобно бумерангу. Партия и профсоюзы социал-демократической ориентации в 1890 г. вышли из подполья, не только укрепив свои ряды. Подпольный период сделал более радикальными их политические воззрения, марксизм превратился в главную партийную доктрину, в профсоюзах распространилось мнение, что от кайзеровского полицейского государства ничего хорошего ожидать не приходится.

После отмены «закона против социалистов» и восстановления профсоюзных структур дебаты о взаимоотношениях между двумя главными составляющими рабочего движения разгорелись с новой силой. Эрфуртская программа СДПГ (1891) и Кельнский съезд социал-демократов (1893) подчеркнули неизбежность краха капитализма и первостепенность политической борьбы с капиталистической эксплуатацией. Борьбе за повышение заработной платы отводилась второстепенная роль, поэтому профсоюзы должны были подчиняться партии, выполняя функцию школы партийных кадров. Такое распределение ролей в партии объясняли на основе революционной критики общества, руководство же профсоюзов, исходя скорее из тактических соображений, принимало это как данность, ведь оно – «в этом не было никаких сомнений – не разделяло мнений, преобладавших в партии» (Schönhoven, 2006. S. 52). Данная дискуссия, имевшая принципиальное значение, развернулась, однако, в период организационной слабости профсоюзов. Экономический кризис и неудачные забастовки привели к сильному сокращению членства, серьезные финансовые проблемы заставили многих профсоюзных активистов усомниться в силе и перспективности своих организаций. «Подчинение» партии должно было, по их мнению, способствовать консолидации профсоюзов, поскольку СДПГ в то время наращивала свою популярность, что отражалось на результатах выборов и росте рядов партии.

¹ Запрету подверглись лишь профсоюзы социал-демократической ориентации. Союзы рабочих, склонные к политическому либерализму, а также те, что отrekliсь от социал-демократии, могли по-прежнему легально существовать.

Через несколько лет баланс сил изменился: профсоюзы значительно укрепили свои позиции. Хотя СДПГ постоянно улучшала результаты на выборах, образовав в 1912 г. крупнейшую фракцию в парламенте (35 %), профсоюзы переживали небывалый взлет популярности: по состоянию на 1906 г. в их рядах было почти в пять раз больше членов, чем в рядах СДПГ. Экономический бум, почти непрерывно продолжавшийся с 1895 г., новые возможности для перераспределения доходов и профсоюзная борьба за повышение заработной платы стали сильным рычагом для улучшения условий жизни и труда в капиталистической кайзеровской Германии. Сдвиги в организационном потенциале обоих объединений и успехи в борьбе за повышение зарплат с точки зрения профсоюзов уже не укладывались в прежнюю схему подчинения партийным интересам, в профсоюзах все громче звучали голоса, требовавшие пересмотра этих отношений.

Роль забастовок

Профсоюзы и борьба за повышение заработной платы неразрывно связаны друг с другом. В историческом плане экономическая борьба всегда была связана с вопросом о том, достижимо ли повышение заработной платы в рамках существующего капиталистического строя, или же для кардинального улучшения жизни рабочих необходима его социалистическая трансформация.

Ни Карл Маркс, ни теоретики социал-демократии не разработали теорию классовой борьбы и революционного перехода от капитализма к социализму, и вопрос о том, какие формы конфликтов имеют революционный или же только реформаторский характер, Вторым Интернационалом серьезно не обсуждались. И в СДПГ, и в профсоюзах многие следовали механистической логике саморазрушения. Август Бебель, обращаясь в 1891 г. на Эрфуртском съезде партии к делегатам, заявил, что капитализм рухнет не только вследствие своих внутренних противоречий, и заверил соратников в том, что большинство из них станут очевидцами этого краха.

В то время как экономическая забастовка с самого начала находилась в центре практического внимания профсоюзов, значимость политической забастовки, направленной на достижение политических реформ, вне анархо-синдикалистского движения, которое в Германии было слабым, признавалась не многими. Еще на рубеже веков многие сомневались в том, что всеобщая забастовка вообще возможна. Забастовки имели в основном заводской или локальный характер, казалось, что выйти за рамки обозримого трудового коллектива они

не могут. Самые крупные забастовки охватывали лишь отдельные сектора промышленности или отдельные продукты. Кровавые, но успешные в итоге забастовки 1983 г. в Бельгии, результатом которых стало введение избирательного права, оценивались как исключение из правила. Общенациональные межотраслевые забастовки в Германии казались невозможными.

На рубеже веков акценты в дискуссии сместились. Массовые экономические забастовки, охватившие несколько европейских стран, крупная забастовка шахтеров в Рурской области и всеобщие забастовки в Швеции, Нидерландах и Испании мобилизовали сторонников политической борьбы. Немецкие социал-демократы вдруг обратили взор и на Россию, на политические забастовки в Санкт-Петербурге и Москве после так называемого «кровавого воскресенья» (январь 1905 г.), а также на всеобщую забастовку в рамках Русской революции, которая состоялась в октябре 1905 г. и заставила царя пойти на широкие политические уступки – в частности, на создание парламента. Дискуссия в СДПГ о массовых забастовках касалась теперь прежде всего двух вопросов:

Какие забастовки оправданы в условиях классовой борьбы: политические или только экономические?

Кто вправе призывать к проведению забастовки – партия или только профсоюз?

Дискуссия о массовых забастовках

В отличие от 1891–1893 гг., профсоюзы теперь вели новую дискуссию с позиций силы и выросшего самосознания. Обозначившаяся в предыдущие годы – пусть даже ограниченная – готовность кайзеровского правительства к реформам в социальной сфере, казалось, подтверждала верность курса профсоюзов на достижение небольших, но постоянных улучшений. Имея в своих рядах 1,8 млн членов (на 1906 год; 13 годами ранее их насчитывалось всего 0,22 млн), профсоюзы с самого начала заняли четкую позицию. Карл Легин, первый председатель созданной в 1890 г. Генеральной комиссии немецких профсоюзов (первое большое объединение профсоюзов), называл всеобщую забастовку «всеобщей чепухой». Конгресс профсоюзов, состоявшийся в 1905 г. в Кельне, принял значительным большинством голосов следующую резолюцию:

«Всеобщую забастовку, за которую выступают анархисты и люди, не имеющие никакого опыта в области экономической борьбы, конгресс считает недопустимой; он предупреждает рабочих, что восприятие

и распространение подобных идей лишь отвлекает их от ежедневной кропотливой работы по укреплению рабочих организаций»¹.

Эта резолюция закрепила принципиальное отрицание массовых забастовок. Профсоюзы видели свою задачу в ежедневной кропотливой работе по продвижению реформ, а не в организации шумных переворотов. Допущение всеобщей забастовки – такова была логика профсоюзов – перевело бы забастовочное движение в двойное политико-экономическое измерение, что, в свою очередь, урезало бы компетенции профсоюзов по управлению забастовкой и передало бы часть ответственности – а именно политическую ответственность – в сферу компетенции партии. Политическая забастовка неизбежно ведет к конфронтации с полицейским государством. Проигранные экономические забастовки и так уже нанесли значительный ущерб профсоюзам, некоторые из них даже распались после таких поражений. Политическая забастовка увеличила бы организационный риск: поражение повлекло бы за собой правовые последствия, угрожающие самому существованию профсоюзов. Отрицание политических мотивов для забастовки было в первую очередь обусловлено стремлением к организационной безопасности, такую позицию занимали прежде всего более двух тысяч освобожденных функционеров разросшихся профсоюзов.

Выступая против всеобщей забастовки, руководство профсоюзов в первую очередь подвергало сомнению право партии определять политику профсоюзов. Здесь надо подчеркнуть, что верховенство партии, согласованное в 1893 г., уже было ограничено в результате так называемой «дискуссии о нейтральности». В декларации, принятой на Кельнском конгрессе профсоюзов, они закрепили за собой исключительное право на принятие решений по всем вопросам, связанным с забастовками, что было равносильно утверждению организационной автономии.

В СДПГ существовало несколько позиций, сторонники которых боролись за большинство голосов на съезде партии в Йене (7–23 сентября 1905 г.). Одной из центральных тем была возможность устранения трехклассового избирательного права в Пруссии с помощью забастовки. Группа Розы Люксембург считала политическую массовую забастовку средством наступательной борьбы. Лидер ревизионистов Бернштейн также считал забастовки за выборные права – что стало для многих неожиданностью – оправданным средством. Другие пар-

¹ Resolution des Gewerkschaftskongresses in Köln im Mai 1905 [Резолюция Конгресса профсоюзов в Кельне в мае 1905 г.]. Цит. по: Schneider M. (2006). Приложение, документ 8, с. 505.

тийцы, поддерживая позицию профсоюзов, отвергали политические забастовки. Съезд поддержал внесенный Бебелем проект резолюции, в котором говорилось, что политическая забастовка допустима и легитимна, если она является оборонительной и направлена на отстаивание уже завоеванных прав, таких как избирательное право и право на создание союзов. Такая компромиссная линия (политическая забастовка как оборонительный инструмент) вступала, тем не менее, в противоречие с резолюцией кельнского конгресса профсоюзов.

Концептуальные разногласия могли привести к серьезному расколу. Поэтому Бебель еще в преддверии Мангеймского съезда СДПГ (1906) вел закулисные переговоры о выработке взаимоприемлемого решения. После жарких дебатов на Мангеймском съезде был найден компромисс.

«Необходимость профсоюзов бесспорна... По своей значимости они не уступают социал-демократической партии... Чтобы обеспечить единые подходы при осуществлении действий, в равной мере затрагивающих интересы профсоюзов и партии, центральное руководство обеих организаций должно стараться находить взаимопонимание»¹.

Согласно новым оценкам, массовая забастовка без активной поддержки профсоюзов не имела бы шансов на успех. Даже если партия призвала бы к такой забастовке, последнее слово осталось бы за руководством профсоюзов. Хотя СДПГ, признав это, не отказалась от идеи политической массовой забастовки, она уступила профсоюзам контроль над применением этого инструмента.

Это решение ознаменовало крупную победу профсоюзов. Партия, признав, что профсоюзы *«по своей значимости не уступают социал-демократической партии»*, фактически отказалась от всяких претензий на верховенство. Профсоюзы были поставлены на один уровень с партией².

Дискуссия о массовых забастовках и ее последствия

Не все в СДПГ были согласны с компромиссной формулой. Позже было предпринято несколько попыток – впоследствии безуспешных – поставить ее под сомнение и включить этот вопрос в повестку дня съездов.

¹ Resolution des SPD-Parteitage 1906 in Mannheim [Резолюция съезда СДПГ в Мангейме (1906)]. Цит. по: Schneider (2006). Приложение, документ 8 с. С. 507.

² Приняв Мангеймскую резолюцию, СДПГ отказалась от внепарламентского наступательного оружия для получения уступок от режима, так что для нее осталось лишь одно поле битвы – парламент. Угрозу массовой забастовки как тактическое средство теперь можно было использовать лишь в ограниченном масштабе.

Принципиальную готовность прибегнуть к политической забастовке в качестве средства сопротивления при наличии серьезной политической угрозы профсоюзы продемонстрировали в 1920 г., последовав призыву правящей СДПГ и ее лидера Фридриха Эберта и положив конец путчу Каппа с помощью всеобщей забастовки.

Новая критическая ситуация сложилась на закате Веймарской республики. Отмежевание Коммунистической партии Германии (КПГ/КРД) от СДПГ в 1918–1919 гг. вызвало к жизни новую левую фазу в деятельности профсоюзов, которая поначалу не выходила за рамки существующих союзов. После «ультра-левого поворота» Коминтерна (1928–1929) Красная профсоюзная оппозиция (КПО/RGO) перешла к организационной автономии, создав под началом КПГ коммунистические профсоюзы, которые выступили против СДПГ и близких к ней профсоюзов, обвинив их в «социал-фашизме» и призвав к созданию «единого фронта снизу» и «наступлению с целью установления диктатуры пролетариата» (Дерре, Roßmann, 1964).

Хотя немецкие профсоюзы изначально были партийными, основанные в 1968 г. либеральные союзы Хирша-Дункера и возникшие в 1894 г. христианские профсоюзы играли сугубо второстепенную роль по сравнению с профсоюзами социал-демократической ориентации. Теперь же левая КПО выдвинула на предприятиях, где были профсоюзы, альтернативные списки кандидатов в производственные советы и призвала проводить забастовки без разрешения руководства профсоюзов. КПО, насчитывавшая около 300 тыс. членов, сильно отставала по численности от профсоюзов, входивших во Всегерманское объединение профсоюзов (ADGB; на 1929 насчитывало 4,9 млн членов). Но конкуренция обоих объединений долгое время препятствовала созданию общего фронта против нарождающегося фашизма. Левые призвали к формированию единого фронта лишь тогда, когда уже было поздно. Соперничество партий привело также к соперничеству профсоюзов. Верховенство СДПГ над социал-демократическими профсоюзами, похороненное в ходе дискуссии 1906 г. о массовых забастовках, возродилось в эпоху Веймарской республики в верховенстве КПГ над коммунистическими профсоюзными структурами. Партийность профсоюзов и концепция единого профсоюза вступили в противоречие. Роспуск всех профсоюзов при нацистах обусловил затем понимание того, что немецкая послевоенная демократия нуждается не в партийных, а в единых профсоюзах. Организационная самостоятельность и партийная нейтральность стали новыми принципами работы профсоюзов.

После катастрофы 1945 г. воссозданные профсоюзы были готовы к проведению политических забастовок: в 1948 г. состоялась так

называемая «голодная забастовка», а в 1952 г. была проведена «газетная забастовка» против проекта «Закона о предприятии». После поражения профсоюзов в конфликте из-за этого закона суд по трудовым спорам в обосновании своего решения сформулировал условия, запрещающие политическую забастовку как наступательное оружие и допускающие такие забастовки лишь как средство защиты от нападков на организационные права профсоюзов (Sauerborn Werner, 2012). С определенными ограничениями можно утверждать: при принятии такого решения немецкие судьи исходили из позиции профсоюзов, сформулированной в ходе дебатов о массовых забастовках, чтобы обосновать рестриктивные нормы законодательства Федеративной Республики Германия в отношении забастовок. В последние годы такое толкование права вновь и вновь подвергалось сомнению в профсоюзных кругах, была начата кампания по признанию политической забастовки легитимным правом профсоюзов Германии¹. Но до сих пор в Германии вопрос о легитимности политических профсоюзных забастовок остается спорным.

Литература

Blackledge P. (2014). The great schism: socialism and war in 1914 // *International Socialism*, Issue. P. 143.

Däubler W. (1973). Das Grundrecht auf Streik – eine Skizze // *Zeitschrift für Arbeitsrecht (ZfA)* [Дойблер В. (1973). Основное право на забастовку – очерк // *Журнал трудового права (ZfA)*].

Deppe F., Roßmann W. (1984). Kommunistische Gewerkschaftspolitik in der Weimarer Republik // Matthias E. und Schönhoven K. (Hrsg.) [Деппе Ф., Россмманн В. (1984). Коммунистическая профсоюзная политика в Веймарской республике // Матиас Э., Шёнхофен К. (ред.)].

Dribbusch H. (2010). 60 Jahre Arbeitskampf in der Bundesrepublik. Ein Überblick // Bispinck R., Schulten T. (Hrsg.). *Zukunft der Tarifautonomie*. Hamburg: VSA [Дриббуш Х. (2010). 60 лет забастовок в Федеративной Республике // Биспинк Р., Шультен Т. (ред.). *Будущее тарифной автономии*, Гамбург: VSA].

Matthias E., Schönhoven K. (Hrsg.) (1984). *Solidarität und Menschenwürde. Etappen der deutschen Gewerkschaftsgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Bonn: Verlag Neue Gesellschaft [Матиас Э., Шёнхофен К. (ред.) (1984). *Солидарность и достоинство человека. Этапы истории немецких профсоюзов от начала до современности*].

¹ Ср. «Висбаденский призыв». URL: www.politischer-streik.de (дата обращения: 7.8.2014).

Potthof H., Miller S. (2006). The Social Democratic Party of Germany 1848–2005. Bonn: Dietz Verlag.

Sauerborn W. (2012). Das politische Streikrecht. Wie wir es verloren haben und warum wir es gerade jetzt brauchen // Archiv Labournet.de Germany. URL: www.labournet.de [Зауэрборн В. (2012). Право на политическую забастовку. Как мы его утратили и почему мы в нем нуждаемся именно сейчас].

Schneider M. (2000). Kleine Geschichte der Gewerkschaften: ihre Entwicklung in Deutschland von den Anfängen bis heute. Bonn: Dietz Verlag, 2 Auflage [Шнайдер М. (2000). Малая история профсоюзов: их развитие в Германии от начала до наших дней. Бонн: Дитц Ферлаг. 2-е издание].

Schönhoven K. (1984). Die Freien Gewerkschaften zwischen Reichsgründung und Weltkrieg: Organisationsentwicklung, Strukturprobleme und Programmatik // Matthias E., Schönhoven K. (Hrsg.) [Шёнхофен Клаус (1984). Свободные профсоюзы от учреждения рейха до мировой войны: организационное развитие, структурные проблемы и программы // Матиас Э., Шёнхофен К. (ред.)].

Г. В. ПЛЕХАНОВ О РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ПОИСКАХ ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Татьяна Филимонова

Силы и самоотвержение наших
революционных *идеологов могут* быть
достаточны для борьбы против царей как личностей,
но их слишком мало для победы над царизмом,
как политической системой.

Г. В. Плеханов

Выдающийся русский философ-марксист, один из основателей Группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, Г. В. Плеханов родился в селе Гудаловка Тамбовской губернии 11 декабря 1856 г. По окончании Воронежской военной гимназии в 1873 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге, но вскоре подал прошение об увольнении по состоянию здоровья. Спустя год Плеханов становится студентом Горного института и удостоивается Екатерининской стипендии за прилежание и успехи в учебе. Одновременно начинает заниматься революционной деятельностью, участвует в работе подпольных рабочих кружков, пишет прокламации и принимает участие в организации забастовок, выработке программы и деятельности народнической организации «Земля и воля». 6 декабря 1876 г. в Петербурге состоялась первая политическая демонстрация в России, в ходе которой Плеханов выступил с требованием изменения политического строя. Перейдя в 1876 г. на нелегальное положение, он оказывается вынужденным оставить Горный институт. Систематическое образование, позволившее ему в дальнейшем стать одним из образованнейших людей своего времени, Плеханов получил самостоятельно.

Начало революционной деятельности Плеханова совпало со временем, когда в России, как и в 1859–1861 гг., постепенно начинает

складываться вторая революционная ситуация, вплотную подводящая страну к демократической революции.

Появление конспиративных организаций «Всероссийской социально-революционной организации» (1875), «Земля и воля» (1876–1879), «Народная воля» (1879–1882), «Черный передел» (1879–1881) явилось важным этапом в развитии российского революционного движения, в объединении различных слоев трудящегося населения России в борьбе против самодержавия. Крупнейшая из них, партия «Народной воли», обретшая сторонников в гражданской и военной среде, первой в России стала политическим объединением, в программу которого входило установление парламентской республики, полная свобода слова печати, собраний и агитационной работы, всеобщее избирательное право, национальное равенство, передача средств производства (земли и промышленных предприятий) крестьянам и рабочим.

Опыт освободительной борьбы 1859–1863 гг., практика «хождения в народ», результаты пропагандистской и агитационной деятельности народников в рабочей среде и армии наглядно демонстрировали, что для изменения собственного положения народу недостает сознания, инициативы и организованности. Такая ситуация не оставляла у революционеров надежды на скорое народное (крестьянское) восстание, которое могло бы стать средством осуществления намеченной программы. Поэтому партия, как и их предшественники, революционные демократы 60-х гг., признавала возможным «подталкивать» общество к перевороту, используя, кроме перечисленных средств, террористические акты в отношении царя и наиболее одиозных правительственных чиновников. Кульминацией противостояния самодержавия и революционной части общества явились покушение на Александра II (1 марта 1881 г.), его смерть и последовавшие за ними разгром организаций, репрессии и новый спад в освободительном движении.

Первым, кто в идейных спорах и практической деятельности попытался доказать бесперспективность народнических методов борьбы и необходимость кардинального изменения всей системы взглядов на проблемы общественного развития, был Г. В. Плеханов, являвшийся одним из руководителей организации «Черный передел» и еще в начале 80-х гг. стремившийся найти теоретическое обоснование позициям, на которых стоял сам¹.

¹ Уже в работе «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1878 г.) Плеханов основывает занятую им позицию, опираясь на некоторые положения исторической теории Маркса. Он пытается их интерпретировать таким

Оказавшись из-за полицейских преследований в январе 1880 г. за границей, Плеханов обратился к изучению опыта рабочего движения Западной Европы и современных теорий социализма, одну из которых разрабатывали К. Маркс и Ф. Энгельс. Итоги уже первых размышлений и теоретических поисков заставили Плеханова окончательно пересмотреть народнические воззрения¹.

Тем не менее переговоры о создании единой революционной организации между представителями «Черного передела» и «Народной воли» не прекращались. Зимой 1882/83 г. было принято решение о выпуске совместного журнала. Плеханову поручили составить проект заявления «Об издании будущего журнала».

образом, чтобы эти положения согласовались с программой «землевольцев». В работе высказана критика в адрес сторонников Ткачева и их концепции «захвата власти». Идея Ткачева Плеханов относил к теологической фазе развития социологии, подчеркивая при этом, что более высоким уровнем является позитивная, представленная Марксом и Энгельсом, рядом с которыми Плеханов в тот период ставил Родбертуса-Ягецова и Дюринга.

¹ Приехав в январе 1880 г. в Швейцарию, Плеханов посещает лекции в Женевском университете, приступает к изучению иностранных языков. Занятиями в Сорбонне, работой в библиотеке, участием в рабочих собраниях был заполнен весь 1881 г., который Плеханов провел в Париже, где и познакомился с Ж. Гедом и другими французскими и немецкими социалистами.

Документом, позволяющим представить картину идейной эволюции Плеханова, может служить его записная книжка, датированная 1880–1881 гг. В ней сохранились записи, выписки с комментариями книг по философии, истории, социологии, антропологии, политической экономии, утопическому социализму. Среди прочитанных авторов значатся Бональ, Бюше, Приюдоммо, Фихте, Гегель, Юбервег, Энгельс, Оуэн, Маркс. Значительное количество работ по истории России, среди которых труды Костомарова, Постникова, Сокольского, Чернышевского, Янсона и др. Здесь же записи лекций К. Фогта о Народной воле (ОР РНБ Ф. 1093. Оп. 2. Ед. хр. 802, 803, 804, 797, 800; Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 202–220). Характер записей показывает, как шла идейная эволюция Плеханова.

Тогда же, в конце 1881 г., Плеханов решает осуществить перевод «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. О знакомстве с этой работой Плеханов впоследствии напишет: «...Чтение “Коммунистического манифеста” составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен “Манифестом” и тотчас же решил его перевести на русский язык... Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян» (Лит. наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 22.)

По просьбе Плеханова, хорошо знавший Маркса и Энгельса П. Л. Лавров обратился к ним с просьбой написать предисловие для русского издания «Манифеста». Эта просьба была выполнена. В собственном предисловии, озаглавленном «Несколько слов от переводчика», Г. В. Плеханов написал о необходимости организации русского рабочего класса и популяризации учения Маркса и Энгельса. По признанию Плеханова, работа над переводом сделала его «...марксистом... уже в 1882 г.».

В нем были определены задачи новой революционной организации, ближайшей целью которой должна была стать борьба с самодержавием и организация в России партии рабочего класса с программой, основанной на идеях научного социализма. «Будущий журнал – говорилось в “Заявлении”, – стремится стать органом действующей революционной партии в России посредством выяснения идеалов, на основании которых должен быть преобразован ныне существующий в России социально-политический строй, и тех способов, при помощи которых задача преобразования может быть исполнена.

Издатели убеждены, что историческое развитие цивилизованных народов ведет к торжеству:

1) социализма, т. е. такой организации общественных отношений, при которой как средства производства и его продукты, так и самое заведование его процессом принадлежит всем производителям как органическому целому и

2) народничества, т. е. такой организации общественного управления, при которой народ путем прямого законодательства заведует всеми общественными делами, поручая исполнение принятых им решений установленным для этого учреждениям.

Осуществление такого строя составляет задачу рабочего класса, организующегося в особую рабочую партию. Но самое существование такой партии немисливо при современных политических условиях в России. Поэтому современная русская социалистическая организация самую силу вещей осуждается на существование в виде тайного общества, имеющего целью как подготовку трудящихся масс к созданию названной партии, так и устранение стоящих на пути к этому социально-политических препятствий.

В числе этих препятствий ей приходится прежде всего считаться с абсолютной монархией как отжившей политической формой, не соответствующей более современному общественному развитию России. Издатели полагают, что в устранении абсолютной монархии одинаково заинтересованы все русские партии, но в отличие от сторонников мирного развития они убеждены, что этого можно достигнуть только путем самой энергической революционной борьбы с правительством¹.

Однако попытки объединения не удалась, и 25 сентября 1883 г. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов заявили об образовании социал-демократической груп-

¹ Первая марксистская организация «Группа “Освобождение труда”». М., 1983. С. 303.

пы «Освобождение труда», опубликовали заявление «Об издании «Библиотеки современного социализма», написанное Плехановым, снабженное составленными к документу примечаниями Дейча¹.

Открыла «Библиотеку современного социализма» брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». Автор работы, размышляя о судьбах исторического пути России, исследовал экономику страны, ее социально-классовую структуру, современное состояние крестьянской общины, которую народники рассматривали в качестве основы построения социализма.

Представленный анализ конкретных примеров деятельности зарубежных пролетарских партий², попыток практического взаимодействия партии «Народной воли» и вступившего в борьбу за свои права российского рабочего класса выявляли теоретическую несостоятельность основ народничества, замешанных на абсолютизированной идее «самобытности» российской истории и особой ментальности русского народа, программных положений партии и иллюзорность ее политических упований³.

В этой же работе Плеханов впервые осуществил системное рассмотрение философско-исторических воззрений основателей научного социализма. Отмечая степень разработанности марксизма как теории общественного развития, он указал, «что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога»⁴.

¹ Одной из задач, поставленных группой для «Библиотеки современного социализма», стало издание и пропаганда трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. За 10 лет – с 1884 по 1894 г. – вышло свыше десяти. Как правило, каждому из них предшествовало краткое введение, в котором рассказывалось о значении данной работы для России.

² В брошюре приведены примеры революционной борьбы за экономическое и социальное освобождение, которую вели пролетарии Италии, Германии, Голландии, Великобритании, Соединенных штатов Америки. Дается характеристика и философско-политический анализ партийных программ. См.: Там же. С. 53–69, 78–81 и т. д.

³ Плеханов пишет, что «типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для соглашения практической программы “Народной воли” с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном собрании 90 % депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права» (Г. В. Плеханов. Избр. филос. произведения. Т. 1. С. 68). И добавляет, что в этом положении теория самобытности нашего народа достигла геркулесовых столбов, за которыми ей грозит гибель со стороны самого простого здравого смысла.

⁴ Там же. С. 68–69.

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов устанавливает прямую зависимость между политической борьбой пролетариата и возможностью построения бесклассового общества. Предупреждая о том, что такая задача является стратегической и не может быть осуществлена в ближайшей перспективе, он предлагает рабочим организовываться и сплачивать силы, направляя их на завоевание тех политических прав, которые дали бы им возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, приближая окончательную победу в будущем.

С самого начала своей деятельности группа «Освобождение труда» ставила перед собой в качестве первоочередной задачи установление тесного контакта с действующими на родине революционными кружками, считая необходимым вести с ними совместную работу по подготовке условий для создания в России марксистской партии. В своем обращении в связи с изданием «Библиотеки современного социализма» группа «Освобождение труда» указывала, что успех этого дела будет зависеть от «сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров». Группа предлагала им обмен услугами, «организацию взаимных сношений и совместную выработку более полной программы для работы»¹.

В 1888 г. группа «Освобождение труда» предприняла издание литературно-политического сборника «Социал-демократ», впоследствии преобразованного в литературно-политическое обозрение с тем же названием (1890–1892 гг.). В обращении «От редакции» Плеханов подчеркивал, «что во всех наших изданиях мы всегда останемся верны программе русских социал-демократов, которая, не упуская из виду современного социально-политического положения России, преследует в то же время цели, общие рабочему классу всех цивилизованных стран»². В 1889 г. Плеханов представляет делегацию русских социалистов на I учредительном конгрессе II Интернационала в Париже, в 1900 г. – избирается членом Международного социалистического бюро II Интернационала и остается на этом посту до 1912 г.

В 1894 г. издается книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой представлена концепция становления человека, ставшая первым марксистским опытом историко-философского анализа этой проблемы. Некоторые выдвинутые в ней положения были позднее развиты в работах «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Письма без адреса» и ряде других трудов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 305.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 11.

Подготовка и проведение II съезда РСДРП в 1903 г., принятие программы партии, организация партийных изданий, газеты «Искра» и журнала «Заря», их авторитет и успешное распространение в России могли иметь для русского освободительного движения и социально-политической и культурной жизни страны особое значение в связи с тем, что начавшаяся в России революция 1905–1907 гг. открыла перспективу осуществления легальной политической деятельности партии на законодательном уровне, через депутатов Государственной думы.

Для реализации поставленных партией задач думская практика могла иметь огромное значение, однако ей не суждено было в полной мере исполнить отведенную ей историческую роль.

Плеханов рассматривал думу как наиболее действенное средство культурного и политического воспитания масс. Это был тот путь, по которому, следуя образному выражению К. Маркса, пролетариату необходимо было идти не одно десятилетие «не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству»¹.

Однако учреждение Государственной думы создало еще одну область борьбы между фракциями РСДРП. Полемика по вопросам целесообразности бойкота, организации избирательной кампании, выработки единой тактики, заключения соглашений с непролетарскими партиями, оценки роспуска думы, по подготовке законодательных инициатив думской фракции велась на страницах партийных газет и журналов, на общепартийных конференциях и съездах, встречах и заседаниях партийных групп, объективно препятствуя реальному образованию социал-демократической партии, размывая ее силы.

Вопросы думской тактики политических партий и их возможности воздействия на социальную жизнь общества нашли свое отражение в статьях Плеханова 1906–1907 гг.

Политическая недалекость оказалась свойственной не только социалистам, ее проявляли партии, как и РСДРП стремившиеся обрести влияние. Примером такой непоследовательности может служить поведение партии кадетов, возглавивших оппозиционное движение в Первой Государственной думе и выдвинувших собственную программу демократизации страны.

Осенью 1906 г. Плеханов выступил с предложением, которое, как он полагал, могло объединить усилия ряда думских оппозиционных партий для изоляции реакции. Таким консолидирующим элементом могло стать требование полномочной думы². Но предложение не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 431.

² Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 15. С. 333.

получило поддержки у конституционных демократов, которым оно показалось слишком радикальным. Отказ от предложения сотрудничества объяснил П. Н. Милюков: «Полновластная дума есть хотя и смягченное, но, тем не менее, вполне определенное выражение тех тенденций, против которых всегда восставала партия кадетов»¹.

К сожалению, последующая история России неоднократно обнаруживала неспособность ее граждан действовать совместно и во имя общего блага. Примером могут служить трагические события начала и конца прошлого столетия.

Процесс формирования российского гражданского общества в тот исторический период еще только начинался и протекал, учитывая особенности исторической эволюции страны, достаточно сложно. Наличие этих свойств и отличительных характеристик во многом предопределило проявление крайностей в ходе социальных трансформаций.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Яков Пляйс

Размышляя о различных судьбах и путях развития социал-демократической теории и практики в Европе и России, неизбежно приходишь к вопросу о том, почему они оказались такими разными.

В одном случае (европейском и, в частности, немецком), развиваясь эволюционно и в целом мирно, но далеко не прямолинейно, социал-демократия добилась впечатляющих результатов. Особенно после Второй мировой войны.

В российском же случае социал-демократия, свернув в начале XX столетия на II съезде РСДРП с эволюционного пути на радикальный революционный путь, зашла в конечном итоге в идейно-политический и экономический тупик. Хотя долгое время, а именно с октября 1917 г. до начала 1990-х гг., казалось совсем наоборот, т. е. что в России судьба социал-демократии (в большевистском виде) значительно более успешна, чем в Европе.

В чем дело? Почему произошло то, что произошло? И могло ли случиться иначе? Наконец, есть ли перспективы у сегодняшней российской социал-демократии?

Ответы на эти вопросы, по моему убеждению, надо искать прежде всего в объективном состоянии обществ (европейских и российского) и политике властей в конкретный период времени соотносительно с этим состоянием. Иначе говоря, ответы на поставленные вопросы кроются *в объективных и субъективных факторах*. Чтобы аргументированно, убедительно и основательно осветить их, обратимся к началу истории социал-демократии в Европе и в России. Полагаю, что такой экскурс будет полезен не только нынешним социал-демократам, но и коммунистам, и, кроме того, не только ученым, но и практикам.

¹ Вестник партии народной свободы. 1906. № 4. 24 ноября (7 декабря).

Социал-демократическая теория и практика, зародившиеся в Европе фактически сразу же вслед за марксизмом в середине XIX в., исходили, как известно, из того, что рабочий класс в союзе с остальными эксплуатируемыми работниками наемного труда могут и должны прийти к власти не путем социальной революции, как доказывали К. Маркс, Ф. Энгельс и их идейные последователи, а через выборы и завоевание депутатских мандатов в парламентах. Социал-демократы считали, что изменить тяжелую и несправедливую жизнь при капитализме XIX в. трудящиеся также смогут через реформы и изменение законов, принятых в парламентах по инициативе и под давлением депутатов от рабочих и других трудящихся. Такие взгляды выдвигались и обосновывались, в частности, отцами-основателями социал-демократической идеологии. Ими по праву считаются выдающиеся немецкие социалисты Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, который, не отрицая основных идей и выводов К. Маркса о развитии капитализма и замене его в перспективе социализмом, утверждал, что интересы трудящихся можно постепенно претворять в жизнь в рамках существующей социально-экономической системы посредством реформ.

Здесь оправданно возникает вопрос: кто и почему в этом историческом споре был прав: К. Маркс или Э. Бернштейн?

На мой взгляд, более обоснованными оказались (и это было доказано исторической практикой) выводы Э. Бернштейна и его сторонников. Действительно, за XX столетие мировая социал-демократия добилась весьма важных положительных результатов, особенно в тех странах Европы (в той же Германии, например), в которых после Второй мировой войны социал-демократические партии достаточно долго находились у власти и имели право и возможность осуществлять свои идеи и программы.

Отвечая на вторую часть вопроса – почему прав оказался не один, а другой, – замечу, что это стало возможным главным образом благодаря уровню социально-экономического и, соответственно, культурного развития народов стран Европы.

К середине XIX в. капитализм в ведущих странах Европы уже достиг достаточно высокого уровня развития, и это позволяло ему решать крупные экономические проблемы. Однако его эксплуататорские природа и сущность не способствовали в то время реализации крупных социальных задач. В XX в. ситуация кардинально изменилась. И уровень развития экономики, и внешний фактор (например, СССР), с одной стороны, позволяли, а с другой стороны, вынуждали капитализм заниматься социальными программами и развиваться

в направлении социального государства. Чтобы сохранить власть и доминирующие позиции, капитализму приходилось идти на уступки низам, особенно организованному низам.

В XIX в. капитализм был вынужден в своих же интересах расширять права пролетариата. В частности, в сфере образования и культуры, т. к. капиталистическому производству требовались более квалифицированные и грамотные рабочие, чем кустарному низкоквалифицированному.

Таким образом, в середине XIX в. и позже в Западной Европе существовала в целом значительно более благоприятная среда для распространения социал-демократических идей и возникновения на этой почве организаций рабочих, чем в России. Эта благоприятная среда выражалась, как это не удивительно, с одной стороны, в том, что капитализм, демонстрируя свою эксплуататорскую природу, объективно подталкивал рабочих к организованной и сплоченной борьбе с ним, а с другой стороны, в том, что, развиваясь профессионально и культурно, рабочие все острее и отчетливее чувствовали необходимость создания разного рода организаций (партий, профсоюзов, кооперативов), с помощью которых они могли бы защитить свои жизненно важные интересы.

Одновременно с этим происходил и рост политической культуры рабочих, их организаций и особенно их лидеров, чему в целом способствовало (при всех ограничениях и запретах) и буржуазное законодательство. Особенно в тех странах, в которых победили буржуазно-демократические революции. Иначе говоря, капитализм в интересах своего же развития *был вынужден* расширять границы свободы рабочих (прежде всего политической и экономической), а также заниматься их образованием, в первую очередь профессиональным. Это, безусловно, способствовало повышению уровня их организации, сплоченности, росту их стремления добиваться своих целей и пр. Вместе с тем и буржуазия нарабатывала опыт защиты своих интересов, поиска таких компромиссов, которые, несмотря на уступки, способствовали сохранению ее доминирующих позиций во всех сферах общественной и государственной жизни.

Несмотря на это в XX в., особенно после Октябрьской революции 1917 г. в России, буржуазии пришлось идти на значительно более важные уступки, чем в XIX в. В результате это привело к быстрому росту численности среднего класса во всех развитых капиталистических странах и, соответственно, к развитию среди них социал-демократического движения, росту его популярности и влияния. Не случайно после Второй мировой войны социал-демократические партии все чаще стали приходить к власти в этих странах и все дольше ее

удерживать. Отсюда следует первый вывод: *чем мощнее средний класс со всеми его слоями, тем прочнее позиции социал-демократии*. Вторым выводом состоит в том, что средний класс в развитых странах образовался в результате длительной борьбы, прежде всего рабочего класса, а также в результате уступок со стороны правящих классов, в частности буржуазии, быстро понявшей, что лучше поступиться малым, чем потерять все. Тем более развитие производительных сил, технологий, совершенствование системы организации труда, ускоряющаяся глобализация и пр. позволяли этим классам сохранять не только свои экономические позиции, но и политические.

В России же ситуация почти во всех ее аспектах была совсем иная. И рабочий класс находился в другом состоянии (и в профессиональном, и в культурном отношении), и буржуазия была другая, не желавшая идти на уступки и не преодолевшая период первоначального накопления капитала.

По этой причине распространение социалистических идей в России шло главным образом среди интеллигенции, а не среди рабочего класса, как это было в Европе. И то половое социализма, которое внезапно и стихийно случилось в России после Февральской революции 1917 г., было результатом не кропотливой и долговременной деятельности социал-демократических партий, а результатом суммы факторов: свержения скомпрометировавшей себя монархии; политики Временного правительства, не желавшего прекращения до крайности изнурившей население страны империалистической войны; нерешаемого аграрного (особенно земельного) вопроса и др. В этой ситуации активная деятельность всех левых партий разных направлений и ориентаций была особенно успешной. Поэтому и численность, и популярность их быстро росла, как и популярность их лозунгов и программ. Это была эйфория, которая быстро охватывала все новые слои населения, вселяя в них надежду и даже уверенность, что левые партии смогут все быстро изменить к лучшему. Поэтому и на выборах в Учредительное собрание левые получили большинство. Роль популистских идей, программ, обещаний в ситуации кризиса власти и колебания Временного правительства в решении жизненно важных для абсолютного большинства населения проблем оказалась очень велика. И российские социал-демократы, особенно эсеры в 1917 г., будучи умелыми популистами, оперативно воспользовались критической ситуацией в стране. Низкая политическая культура населения и общая безграмотность были левым партиям на руку. Их агитаторам, которые были очень активны, верили на слово. При низкой политической культуре и общекультурной отсталости это, кстати говоря, обычная ситуация.

Уровень развития капитализма, обуславливающий и уровень общей культуры, образования, организации – это тот фундамент, на котором зарождались и развивались социал-демократические движения в Европе. В России, наоборот, уровень капитализма никак не способствовал развитию таких же движений.

С этой объективной причиной прямо связаны и *субъективные причины*. Стремление партийных, профсоюзных и иных лидеров приобщиться к новым и перспективным во многих отношениях идейным и политическим социал-демократическим движениям было в Европе очевидным уже в середине XIX в.

Здесь важно также подчеркнуть, что все это происходило на родной для них европейской почве. Опять же в отличие от России, где приобщение к социал-демократической теории и практике происходило фактически опосредованно, т. е. из Европы в Россию. Непосредственная связь с родной почвой играет исключительно важную роль и в теории, и в практике. При копировании нередко извращается суть. Долгое время мы копировали социал-демократическую идеологию, попутно задумываясь над тем, как ее приспособить к российской действительности. Этим поначалу за границей занималась группа «Освобождение труда» и прежде всего ее руководитель Г. В. Плеханов. Но, оторванные от родной почвы, и не имея возможности опираться на обширную исследовательскую базу о российском обществе в силу ее неразвитости, первые российские теоретики социал-демократии следовали европейской мысли фактически буквально. Наталкиваясь на иную практику, эта теория начала постепенно, но незначительно трансформироваться, оставаясь в целом в плену европейской матрицы. Из этого впоследствии выросла большая проблема радикализма российской социал-демократии, который вылился на II съезде РСДРП в большевизм, а затем в РКП(б) – ВКП(б) – КПСС с революционной программой фундаментального преобразования общества и государства.

Ее осуществление после отказа от политики НЭПа принесло (особенно в 30-е гг. XX в.) выдающиеся результаты. Но исключительно благодаря сочетанию богатых природных и человеческих ресурсов (дешевой или бесплатной рабочей силы), мобилизационной политике, активной политико-идеологической работе партии среди населения и пр. Затем же, в частности в 60–70-е гг., завело нас в экономический и политический тупик.

Все сильнее расходясь с растущими базовыми потребностями большинства советского социума, его интересами, политика правящей партии (КПСС) вызывала все новые вопросы, а затем и сопротивление. Радикализм, исчерпавший себя уже в первые послевоен-

ные годы (к середине 1950-х гг.), стал помехой и барьером на пути прогресса.

Не углубляясь далее в эту тему, отмечу, что ни партийная, ни государственная, т. е. административная элита, находившиеся в плену идеологических догм, не поняли, что надо решительно от этих догм отказаться и перейти к новой парадигме. Но ее не было, а всякие попытки (даже самые незначительные) ее создать пресекались, что называется, на корню. Таким образом, радикализм российской социал-демократии в конечном счете зашел в тупик и в этот же тупик завел страну. Убежден, что если бы у нашей страны не было ее огромных природных и человеческих ресурсов, этот тупик наступил бы значительно раньше. И не только в КПСС и СССР, но и во всей социалистической системе и коммунистической идеологии. Ресурсы позволяли заниматься экономикой экстенсивно, в то время как в XX в. все больше стран переходило на интенсивный путь развития.

Из всего этого следует, что роль элит (прежде всего политико-административных) чрезвычайно велика в осознании состояния своего общества и мира, их интересов и потребностей, вектора развития и многого другого. Их роль также необычайно велика в принятии решений в отношении необходимых перемен и в идеологии, и в политике. Догматизм и промедление в принятии решений, особенно такие значительные, какие были у нас, приводят к самым печальным результатам. К не менее печальному итогу приводит и отрыв лидеров от масс и партий.

Неадекватность в оценке ситуации, отставание приводят сначала к напряженности, а затем, если меры не принимаются, к кризисам и коллапсам. Попытки преодолеть отставание прыжками, для которых всегда требуется перенапряжение сил и дополнительные ресурсы, изыскание которых всегда превращается в большую головную боль для правящей элиты, редко приводят к положительным результатам. Поэтому своевременное теоретическое осмысление состояния общества и мира, о котором говорилось выше, и корректировка теории имеет принципиально важное значение со всех точек зрения. К сожалению, правящие силы этим очень часто пренебрегают. Полагая, что теория не больше чем абстракция, а практика превыше всего.

Весьма важным обстоятельством, определившим судьбу социал-демократии, была и реальная политика властей в отношении нее. В случае Европы она была значительно более либеральная, чем в России, где различные преграды и ограничения (прежде всего политико-правовые) вынуждали оппозиционные силы действовать нелегально внутри страны или за границей, главным образом в Европе. С этим напрямую связаны и содержание, и методы деятельности рос-

сийской социал-демократии, начиная с группы «Освобождение труда» 1883 г., продолжая Союдами борьбы за освобождение рабочего класса (Петербургским, Московским и другими) конца XIX в. и заканчивая созданием РСДРП в конце XIX – начале XX в.

В связи с обоснованием В. И. Лениным общего вывода о неизбежности развития капитализма в России по европейскому пути и всеми вытекающими из этого последствиями напрашивался и вывод о повторении опыта (в том числе практического) социал-демократии. Оказалось, однако, что объективные и субъективные российские условия, о которых говорилось выше, были более благоприятны для произрастания и развития в нашей стране радикального марксизма как в теории, так и на практике. Поэтому раскол, который произошел на II съезде РСДРП в 1903 г., т. е. 110 лет назад, на большевиков (радикалов) и меньшевиков (реформаторов) был совершенно неслучайным.

Каковы же были исторические последствия этого раскола и радикализации теории и практики социал-демократического движения?

В сравнении с европейской социал-демократией эти последствия для нас были значительно более драматическими. Если же не забывать, в каком состоянии находилось российское общество и государство (опять-таки в сравнении с европейскими странами), то надо будет признать, что радикализм, выразившийся впоследствии в мобилизационной модернизации СССР и создании тоталитарного государства, дал свои положительные результаты. Однако цена этих результатов была во многих смыслах чрезмерной.

Поэтому вопрос, был ли радикализм российских социал-демократов (большевиков) исторически оправдан, относится к разряду риторических. Потому что мы не знаем и никогда не узнаем, как развивались бы события в нашей стране, если бы победили социал-реформаторы?

Сейчас, однако, время для революционного радикализма прошло, т. к. общество находится в качественно ином состоянии, чем в предыдущие два века.

Завершая свои размышления по поводу причин и последствий радикализации социал-демократической теории и практики в России в конце XIX – начале XX в., отмечу, что те перемены в социально-экономическом и политическом развитии мира, которые происходят сейчас и которые ведут, как мне представляется, к смене формаций и возникновению принципиально новой формации, по-новому ставят вопрос о соотношении между реформами и революциями. Однако эту проблему предстоит еще осмыслить.

ДИСКУССИЯ О ТИПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РОССИЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Валентин Шелохаев

В отечественной историографии в последние два десятилетия накоплен огромный материал по истории формирования и функционирования российской многопартийности¹. Имеющиеся в распоряжение исследователей агрегированные данные позволяют сформулировать ряд исходных положений, необходимых для того, чтобы дать научно обоснованные ответы на поставленную в докладе проблему.

Сублимируя мировой опыт формирования и функционирования партийных систем, можно утверждать, что процессы, связанные с многопартийностью и развивавшиеся на протяжении сравнительно длительных исторических периодов, органически (прямо или опосредованно) увязаны с историческими особенностями соответствующих стран. Так, в странах органического типа развития политические партии, образно говоря, «прорастали» снизу, отражая тем самым зрелость правовых и гражданских институтов. В подобных случаях исторического развития политические партии в своей идеологии и программных положениях отражали и выражали вполне назревшие и осознанные в обществе объективные потребности его дальнейшей трансформации, формулируя и транслируя их через коммуникативные средства в общественное сознание, которое, в общем и целом, готово было к восприятию и соответствующим действиям по их реализации.

¹ См.: Непролетарские партии в России. Урок истории. М., 1984; Политические партии России (Количественный анализ). М., 1987; Политические партии России в начале XX века. Энциклопедия. М., 1996; Политические партии России: история и современность. М., 2000; Политические партии в российских революциях. М., 2005. К настоящему времени в рамках проекта «Политические партии России. Документальное наследие». (М., 1994–2012) издано 54 тома документов и материалов по истории российских политических партий.

В сформировавшемся и структурированном гражданском обществе, определившем основной вектор своего исторического развития, число политических партий, как правило, соответствует или приближено к числу реальных возможностей этой трансформации. Представляя на суд общественному мнению эти альтернативные вариации, политические партии выстраивают свою идеологию и программу в соответствии с ними, предлагая обществу собственные проекты видения и оптимального разрешения. Разумеется, это не снимает с повестки дня идейно-политическую борьбу между политическими партиями, однако эта борьба идет в рамках уже общепризнанного вектора общественного развития, с применением правовых цивилизованных форм (пресса, парламент).

Иная ситуация складывается в странах, в которых еще не завершен процесс перехода к правовому государству и гражданского общества. Здесь формирование и функционирование многопартийности имеет свои специфические национальные особенности. В отличие от стран первого типа, в странах второго типа партии начинают возникать не в центре, а на периферии империи, в ее более продвинутых экономически, политически и культурно национальных анклавах (Польша, Финляндия, Армения). При этом процесс формирования партийных структур идет не «снизу», как в странах первого типа, а «сверху», под влиянием интеллектуальных элит, которые в своих исходных идеологических и программных намерениях значительно опережают наличие необходимых предпосылок к общественным переменам. Причем эти предпосылки предполагается создать на «марше», не дожидаясь их естественного созревания. В этом и состоит «ловушка», в которую зачастую попадают интеллектуалы, мысль которых опережает реальные возможности перемен.

В странах второго типа более активно и целенаправленно формируются именно радикальные партии, которые возникают ранее либеральных и консервативных. Характерно, что радикальные партии в России возникли прежде всего в национальных регионах (Польша, Прибалтика, Армения). Несколько позднее формируются радикальные политические партии в центре империи. Немаловажно, что и в этом случае их формирование идет слева направо, т. е. сначала возникают левые радикальные партии, затем либеральные и консервативные. Опережающий характер возникновения радикальных партий модифицирует процесс формирования российской многопартийности в целом.

Отсутствие правового государства и, соответственно, правовых норм, регулирующих процесс формирования партийных структур, с логической неизбежностью способствует герметичности не только са-

мосознания интеллектуальных элит, но и герметичности создаваемых ими партийных структур. Интеллектуальные элиты пытаются навязать обществу переходного типа свое мировидение. Мировоззрение и мироощущение, которые не только находятся в конфронтации друг с другом, но и не соответствуют уровню развития общественного сознания. По сути, речь идет о различающихся картинах мира, с одной стороны, интеллектуальных элит разных общественных ориентаций (консерваторы, либералы, социалисты), а с другой – многочисленных сегментов формирующегося гражданского общества, еще не определившего свой дальнейший транзит. Дискуссии вокруг смыслового содержания самого транзита, ведущиеся в интеллектуальной среде, туманность основного вектора общественного развития способствуют зарождению множества партийных структур (с 1906 по 1917 г. в России функционировало более 280 партий).

Также формирование многопартийности в странах переходного типа обуславливает предельную жесткость противостояния партийных структур, ведущих между собой борьбу на уничтожение. Подчеркну, что наличие значительного числа партий в России ни в коей мере не означало их «укорененности» в самой российской почве. Так, общая численность членов этих партий в 1906 г. составляла всего лишь 0,5 %, а в 1917 г. – 1,2 % от общей численности населения страны. Образно говоря, российская многопартийность «висела в воздухе», не имея прочных корней в соответствующих стратах российского общества. Этим в значительной степени объясняется ее эфемерный, ситуативный характер, зависимость, с одной стороны, от действий авторитарной власти, а с другой – от состояния общественного сознания и стихийного массового движения. Российские политические партии находились под прессингом как властных исполнительных структур, так и действий со стороны общества и стихийного массового движения.

Герметичность интеллектуальных элит, принимавших участие в формировании многопартийности в России, автоматически переносилась на партийные структуры, между которыми и внутри которых шла непримиримая борьба за лидерство, за монополию влияния на общественное и массовое сознание. По сути, авторитарный режим в стране воспроизводился в обществе и интеллектуальных элитах как через идеологию и политику, так и через методы разрешения объективно назревших проблем. Авторитаризмом была пропитана российская ментальность, и, как следствие, в большей или меньшей степени политические партии, инициируемые «сверху» представителями интеллектуальных элит. Все вместе взятое обуславливало и их типологию, зависящую от мировоззренческих, идеологических и

программных установок социалистов, либералов и консерваторов. По сути, это были не партии, отражающие потребности данного этапа общественного развития, а партии-проекции некоего будущего, которое еще предполагалось сконструировать на основе различных интеллектуальных моделей.

Вполне закономерно, что в российском интеллектуальном пространстве шли довольно жесткие дискуссии о более эффективном и рациональном типе политической партии. Консерваторы, делающие ставку на авторитарный режим, ориентировались на формирование такого типа политической организации, которой предстояло мобилизовать общественные силы на поддержку этого режима. В представлении либералов политическая партия должна соответствовать модернизирующемуся российскому обществу, опираться на него в реализации собственной программы. Что касается социалистов, то они стремились создать нелегальную партию политического переворота, которая, опираясь на стихийное массовое движение, должна была осуществить насильственное уничтожение авторитарного режима и приступить к демократическим и социалистическим преобразованиям.

Правовое поле, созданное властью в 1906 г. (Временные правила 4 марта 1906 г.), позволяло легально функционировать только консервативным и либерально-консервативным партиям (октябристы, мирнообновленцы). Подавляющее большинство российских политических партий вплоть до марта 1917 г. продолжало оставаться нелегальными, что, естественно, не могло не поставить их в крайне трудные условия существования. В принципе, мировоззренческие, идеологические и программные позиции консервативных партий не противоречили правительственному курсу. Власти с ними охотно взаимодействовали и оказывали моральную и материальную поддержку. Рассчитывая на это взаимопонимание, консерваторы с самого начала специально не ставили и не разрабатывали вопрос о типе своих партийных объединений. Неслучайно их формирование и функционирование происходило стихийно. Пик создания консервативных партийных структур пришелся на конец 1905 – начало 1906 г. и во многом был обусловлен необходимостью оказания немедленной помощи политическому режиму, положение которого предельно обострилось в период подъема революции. Созданные консервативные объединения способствовали стабилизации режима в центре и отдельных регионах. Однако после поражения революции и укрепления режима наметилась тенденция к распаду консервативных партий и организаций, к нарушению их вертикальных и горизонтальных связей, к падению их влияния среди низов, на которые они вначале попытались сделать ставку.

Дискуссионным был вопрос о типе партии в либеральной интеллектуальной среде. Правые либералы считали, что партия должна быть создана лишь на период перехода от авторитарного к правовому порядку. Однако левые либералы-интеллектуалы с самого начала рассматривали политическую партию как постоянно действующую институцию, играющую ведущую роль не только в текущем преобразовании страны, но и в деле ее дальнейшего развития. Для них важен был опыт развитых европейских стран со сформировавшейся системой правового государства и гражданского общества, со сложившейся традицией ротации политических партий у власти. Фактически, по этой логике формировалась конституционно-демократическая партия, которой, по мнению либералов-интеллектуалов, предстояло выполнить ведущую роль в реформировании России в правовое государство и гражданское общество. Как видим, либералы-интеллектуалы левого толка рассчитывали на формирование и длительное функционирование партии западноевропейского типа.

Формированием партии в социалистическом интеллектуальном секторе проходило сложнее. Эсеры и меньшевики стремились создать демократический тип политической партии, которая должна была соответствовать их идеологической модели революционного преобразования России. Несмотря на то что эти партии до марта 1917 г. оставались нелегальными, меньшевики и эсеры разделяли идею создания партии демократического типа, которые в своей основе соответствовали социалистическим партиям, входящим в 11 Интернационал.

На иных принципах формировалась большевистская партия, с самого начала ориентированная на насильственный политический переворот и радикальное преобразование российского общества. Вся архитектура ее организационного построения свидетельствовала об ее типично авторитарном характере, в принципе, совпадающим с ментальностью большинства российского общества.

Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве свидетельствовала о том, что идеологии консерватизма, либерализма и социализма, в общем и целом, осознавали значимость ролевых функций политических партий в условиях модернизации России. Сама логика трансформирующейся пореформенной страны подсказывала им, что в новых исторических условиях российское общество должно выделить из себя соответствующие партийные структуры, которые возьмут на себя ответственность в деле его реформирования. Однако роль и значение этих структур в значительной степени зависела от качественного состояния данного общества, находящегося в стадии незавершенного транзита, предопределившего и качественное состояние политических партий. Созданные

«сверху» волевыми усилиями интеллектуалов, оторванные от собственной социальной основы и не имеющие массовой базы, российские политические партии прежде всего играли роль «детонатора» для раскачки общественного мнения и разгула стихийных массовых движений, которые впоследствии они уже не могли контролировать.

Для переходных периодов, сопровождаемых деструкциями во всех сферах общественной жизни, более приспособлены нелегальные партии революционного типа, которые при помощи радикальных лозунгов и призывов оказываются способными раскачать массовое сознание и способствовать активизации стихийного движения. Однако далеко не все революционные партии способны удержать эту стихию от анархии и хаоса, чреватых гибелью империи и распадом государственности. Ни либералам, ни социалистам типа меньшевиков и эсеров этого сделать не удалось. Максимально развязать массовое стихийное движение, а затем кровью и железом обуздать его удалось лишь большевикам. Как это ни парадоксально, но большевики стали единственной политической партией, возродившей после Гражданской войны империю на основе коммунистической идеологии и политики. Искусно манипулируя авторитарным типом мышления, пронизывавшим сверху донизу основную массу населения России, большевики создали и соответствующую ему авторитарную партию, которая одержала победу в жесткой конкурентной борьбе с другими партиями за политическую власть.

«УЧИТЬ» ИЛИ «ПОУЧАТЬ»? – О СЛОЖНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НЕМЕЦКОЙ И РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ (1903–1919 гг.)

Лути Хефнер

Описывать историю отношений всегда непросто. Особенно тогда, когда речь идет – как в данном случае – о сосуществовании, взаимодействии и, порой, противостоянии таких неоднородных организаций, как немецкая и российская социал-демократия в течение двух десятилетий, когда обе партии переживали коренную трансформацию.

Как в Социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD), так и в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) существовали группы и кружки, велась ожесточенная фракционная борьба, случались расколы.

Отношения между СДПГ и РСДРП были асимметричными: СДПГ являлась старейшей в мире социалистической партией. Она насчитывала более миллиона членов, имела сильную поддержку со стороны профсоюзов, выпускала несколько десятков газет общим тиражом 1,5 млн экземпляров, на выборах за нее голосовали миллионы избирателей, она обладала третьей мест в германском парламенте (рейхстаге) и располагала значительным имуществом¹. Меншевик Борис Иванович Николаевский дал интересную оценку тогдашнего положения немецкой партии: «Гегемонию немецкой социал-демократии в довоенном международном рабочем движении никто не

¹ Pjatnizki [Pjatnickij] O. A. Aufzeichnungen eines Bolschewiks. Erinnerungen aus den Jahren 1896–1917. Berlin, 1930. S. 218 [Пятницкий О. А. Записки большевика. Воспоминания о 1896–1917 годах. Берлин, 1930. С. 218]; Brandt P., Lehnert D. “Mehr Demokratie wagen”. Geschichte der Sozialdemokratie 1830–2010. Berlin, 2012. S. 90f. [Брандт П., Лейнерт Д. «Больше демократии». История социал-демократии 1830–2010. Берлин, 2012. С. 90]; Walter F. Die SPD. Biographie einer Partei. Überarb. u. erw. Taschenbuchausgabe. Reinbek bei Hamburg, 2011. S. 34 [Вальтер Ф. СДПГ. Биография партии. Исправленное и дополненное издание в карманном формате. Райнбек/Гамбург, 2011. С. 34].

оспаривал – прежде всего в России»¹. Европейские социалисты считали СДПГ образцом, к которому следовало стремиться².

Российские товарищи были новым поколением социалистов: «Они относились к нам, русским, как к детям, только что научившимся ходить. Они не хотели воспринимать нас всерьез»³. Так большевик Мартын Николаевич Лядов описывал свои личные контакты с представителями СДПГ самого разного происхождения – от лидера партии Августа Бебеля и Исаака Зингера до баварского социал-демократа Игнаца Ауэра, Курта Айснера и Георга фон Фольмара. Большевик Михаил Григорьевич Цхакая (Барсов) считал, что «у наших знаменитых товарищей из немецкой социал-демократии надо учиться, учиться и еще раз учиться, во многом им следуя».

Но это восхищение содержало в себе также зерно отчуждения. Цхакая упрекал СДПГ в том, что она хочет «проучить нас и поучить, как недорослей»⁴. Не только большевики воспринимали немецких социал-демократов как менторов. Юлий Осипович Мартов также испытывал чувство определенной неполноценности: «И нас охватило чувство, словно, оказывая нам исключительное почтение за совершение героических поступков, нас в действительности унижают тем, что считают нас неспособными к систематической классовой борьбе в современных, развитых формах»⁵.

Лидеры СДПГ – например, Август Бебель – сожалели о том, что РСДРП даже после начала революции 1905 г. оказалась не в состоянии преодолеть внутривнутрипартийные разногласия, несмотря на общность ближайшей цели – свержения царизма. В то время как

¹ Nikolajewsky [Nikolaevskij] B. Karl Kautsky in Rußland // Ein Leben für den Sozialismus. Erinnerungen an Karl Kautsky. Hannover, 1954. S. 92–97, hier S. 92 [Николаевский Б. Карл Каутский в России // Жизнь за социализм. Воспоминания о Карле Каутском. Ганновер, 1954. С. 92–97, здесь с. 92. (Обратный перевод с немецкого. – *Примеч. перев.*)].

² Sassulitsch W. Die terroristische Strömung in Rußland // Die Neue Zeit. 21, 1 (1902/03) 11. S. 324–329, hier S. 327 [Засулич В. Террористическое течение в России // Ди Нойе Цайт. 21, 1 (1902/03) 11. С. 324–329, здесь С. 327]; Nicolaevsky B. // The making of three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past / Ed. by L. H. Haimson in collaboration with Ziva Galili y Garcia and Richard Wortman. Cambridge, Paris, 1987. P. 214–292, here P. 262.

³ Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903–1907 годах. Воспоминания. М., 1956. С. 15 [Обратный перевод с немецкого. – *Примеч. перев.*]; Ср. также его выступление на III съезде РСДРП: Третий съезд РСДРП, апрель–май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 49.

⁴ Третий съезд РСДРП. С. 58.

⁵ Martoff [Ju. O. Martov] Die preußische Diskussion und die russische Erfahrung // Die Neue Zeit. 28, 2 (1909/10) 51. S. 907–919, hier S. 910 [Мартов Ю. О. Прусская дискуссия и российский опыт // Ди Нойе Цайт. 28, 2 (1909/10) 51. С. 907–919, здесь С. 910 [Обратный перевод с немецкого. – *Примеч. перев.*].

товарищи в царской России нуждались в руководстве, делегаты лондонского съезда, продолжавшегося почти месяц, лишь усугубили внутривнутрипартийный кризис¹. Необычная длительность съездов РСДРП свидетельствовала – в отличие от съездов западноевропейских социалистических партий – о неспособности российской социал-демократической интеллигенции подчиняться дисциплине, вести деловую дискуссию и прежде всего находить компромиссы².

В рамках этой истории взаимоотношений, которая в целом ограничивалась контактами между жившими на Западе ведущими представителями РСДРП и СДПГ, рассматриваются три вопроса. Каково было отношение СДПГ к расколу в РСДРП? Какие причины привели к расколам обеих партий на «большевиков» и «меньшевиков» и на СДПГ и НСДПГ и насколько сравнимы эти расколы? В заключение рассматривается взаимное влияние революций 1917–1918 гг. в России и Германии. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ситуации после 1903 г. и после 1917 г. во многом схожи в том плане, что большинство руководителей СДПГ и НСДПГ разделяют позиции меньшевиков и лишь некоторые поддерживают курс большевиков после Октябрьского переворота 1917 г.

Вновь и вновь затрагивается вопрос о том, следует ли говорить, исходя из растущей, обусловленной не только идеологией автономизации большевиков, о «disentangled history»? Не объясняется ли отчуждение между большевиками и СДПГ, в частности, тем, что Ленин все дальше отходил от ортодоксального марксизма в духе Карла Каутского? Ведь он был характерен для него в работе «Что делать?»³. Но затем он пошел своим путем, оставив позади поле общего революционного опыта и устремившись к небывалым горизонтам, достичь которых он намеревался невиданными политическими средствами и мерами.

Неизменный интерес представляет вопрос о том, почему революции, произошедшие в конце Первой мировой войны в Российской и Германской империях, имели столь разное течение и столь разные

результаты: наряду с социально-экономическими и культурными аспектами важную роль здесь сыграли партии, их организационные формы и, не в последнюю очередь, политические лидеры.

О лассальянцах и эйзенахцах, меньшевиках и большевиках: партийные расколы и попытки их преодоления

Тюбингенский исследователь Дитрих Гайер считал, что в СДПГ не было своего «восточного эксперта». Такая оценка удивительна, если принять во внимание тот факт, что партия могла бы опереться на таких партийцев как Роза Люксембург, Лео Йогихес, Юлиан Б. Мархлевский или Карл Радек, прекрасно знавших русский язык и Россию, а также на Клару Цеткин или Вильгельма Бухгольца. Посредническая миссия была доверена председателю партии Бебелю и Каутскому, которые не владели русским языком и были завалены работой¹. Каутский считал себя недостаточно компетентным, чтобы «объяснять русским Россию», и еще в феврале 1905 г. высказывал надежду на то, что российские фракции смогут уладить свой спор без помощи извне². Но он наблюдал за дискуссией с интересом и растущей заботой, считая движение в России «важнейшим фактом международного социализма»³. В письме от 22 мая 1904 г. меньшевик Павел Борисович Аксельрод охарактеризовал Каутского следующим образом: «[...] Среди зарубежных товарищей ты, возможно, единственный, кто проявляет живой интерес и понимание в отношении российского социал-демократического движения»⁴. Его товарищ по партии Федор Ильич Дан даже высказывал мнение о том, что без вмешательства Каутского вряд ли можно надеяться на воссоединение партии⁵. Роль Каутского в отношениях между немецкой и российской социал-демократией действительно была чрезвычайно значимой. После смерти Фридриха Энгельса в 1895 г. он как теоретик марксизма приобрел авторитет не только в рамках СДПГ, но и во всем социалистическом

¹ Bebel A. Ein Buch über die Revolution in Rußland // Die Neue Zeit. 23, 2 (1904/05) 35. S. 284–286, hier S. 286 [Бebelъ A. Книга о революции в России // Ди Нойе Цайт. 23, 2 (1904/05) 35. С. 284–286, здесь с. 286]; Geyer D. Die russische Parteisplaltung im Urteil der deutschen Sozialdemokratie // International Review of Social History. 3 (1958). S. 195–219 и 418–444, hier S. 440 [Гайер Д. Раскол российской партии в оценках немецкой социал-демократии]; Lösche P. Der Bolschewismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie 1903 bis 1920. Berlin, 1967. S. 44 [Лёше П. Большевизм в оценках немецкой социал-демократии 1903–1920. Берлин, 1967. С. 44].

² Плеханов Г. В. О чрезвычайном партийном съезде. Открытое письмо товарищам // Социал-демократ. № 1. 17.9.1906. С. 6.

³ Lih L. T. Lenin rediscovered: What is to Be Done? in Context. Leiden, Boston, 2006. P. 6, 25, 28, 41, 113.

¹ IISG [Internationaal Instituut voor sociale geschiedenis]. Karl Kautsky Papers. P. 475: Kautsky an Lydin. 23.7.1904; Ibid. D II/315, Aksel'rod an Kautsky, 10.7.1904. Каутский сам рекомендовал Люксембург и Цеткин в качестве докладчиков по российской тематике. Ibid. Aksel'rod Papers, 24–I/38. Kautsky an Aksel'rod. 10.6.1904.

² IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/39. Kautsky an Aksel'rod. 4.7.1904 (цитата); Ibid. Karl Kautsky Papers. P. 475: Kautsky an Lydin. 23.7.1904; P. 474: Kautsky an Michael Lusnia. 4.2.1905.

³ IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/41. Kautsky an Aksel'rod. 19.12.1904.

⁴ IISG. Karl Kautsky Papers. D II/311: Aksel'rod an Kautsky. 22.5.1904; Ibid. D XI/308: Dan an Kautsky. 25.6.1905.

⁵ IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/308: Dan an Kautsky. 25.6.1905.

движении. Близость к нему считалась почетной, его оценки – хотя они, в отличие от мнений Ленина, никогда не были безапелляционными – имели большой вес. Поэтому он считался прирожденным «арбитром»¹. Петер Лёше считал, что критика Каутским большевизма в 1918 г. была обусловлена в значительной мере его хорошими отношениями с меньшевиками, особенно с Аксельродом, в период до и во время Первой русской революции. Значение их переписки и в самом деле трудно переоценить².

Межфракционные споры в РСДРП усиливали среди европейских социалистов настороженность по отношению к российским товарищам. Это относится, в частности, к редакции журнала «Форвертс», которая в течение нескольких лет участвовала в полемике с печатными органами РСДРП и писала о «хаосе раздоров и споров, разрывающих социалистический лагерь», имея в виду товарищей из царской России³.

С весны 1904 г. Каутский стал вмешиваться в тлеющий партийный конфликт, написав несколько статей, опубликованных в таких авторитетных органах, как «Die Neue Zeit», «Leipziger Volkszeitung», «Искра»⁴. Указав на то, что этническое многообразие может способствовать разногласиям, он в то же время подчеркнул, что главная причина споров связана с разными представлениями об организаци-

онной структуре партии¹. И Карл Каутский, и Федор Дан сравнивали раскол РСДРП с предысторией СДПГ, когда друг с другом спорили лассальянцы и эйзенахцы².

В целом же Каутский, не считавший себя «практическим организатором», исходил при оценке фракционного конфликта из прагматических соображений и своего опыта времен «закона о социалистах». Он предполагал, что кроме организационного вопроса между фракциями должны существовать и другие расхождения³, высказывался в условиях подполья против строгой централизации, за разумную меру автономии местных организаций, придавая особое значение категории «доверия» как связующему элементу⁴. Летом 1905 г. Каутский в отчаянии писал Виктору Адлеру: «Раскол марксистов – это большое несчастье. Чем скорее мы его устраним, тем лучше. Я непрерывно работаю над этим, но подвижек нет»⁵. Главную причину тщетности своих прежних усилий по примирению сторон Каутский видел в жевневском эмигрантском марксизме и его двадцатилетних традициях. Там не могло сложиться единство теории и практики. Русские стали доктринерами. Они теоретизируют и критикуют, вместо того чтобы вести организационную работу. Каутский надеялся на то, что их переезд в Россию и повседневная революционная практика помогут разрешить конфликт⁶.

Интеллектуальные центры РСДРП на самом деле находились в Западной Европе. В результате Русской революции 1905–1907 гг. лидеры партии повысили свою репутацию, хотя они – может быть, за исключением Льва Троцкого как председателя Петербургского совета – мало влияли на внутривосточные события. Партией руководили теоретики, практиков в руководстве было мало. Их оружием была критика: революционной работой для них были дискуссии, статьи и интриги, причем они редко писали в связи с конкретными действиями. К этому располагали инфраструктурные и политические рамочные условия Западной и Центральной Европы, где не было цензуры, арестов или ссылок.

Недостаток воли со стороны российских участников обрек посредничество СДПГ на неудачу, как показала резолюция III Съезда

¹ IISG. Karl Kautsky Papers. G 3/166: Lydin an Kautsky. 29.4.1904; Ibid. D II/314: Aksel'rod an Kautsky. 23.6.1904 (цитата); Abramowitsch R. Karl Kautsky und der Richtungsstreit in der russischen Sozialdemokratie // Ein Leben für den Sozialismus. Erinnerungen an Karl Kautsky. Hannover, 1954. S. 83–91, hier S. 83 [Абрамович Р. Карл Каутский и дискуссия о направлении российской социал-демократии // Жизнь за социализм. Воспоминания о Карле Каутском. Ганновер, 1954. С. 83–91, здесь с. 83]. О недовольстве Каутского своей ролью ср. Dietrich G. Kautskys Russisches Dossier. Deutsche Sozialdemokraten als Treuhänder des russischen Parteivermögens 1910–1915. Frankfurt/M., New York, 1981. Dok. 38. S. 308f [Дитрих Г. Российское досье Каутского. Немецкие социал-демократы как управляющие российским партийным имуществом 1910–1915. Франкфурт-на-Майне, Нью-Йорк, 1981. Док. 38. С. 308].

² IISG. Karl Kautsky Papers. G 3/168: Potresov an Kautsky. 27.6.1904; Adler. Переписка. С. 465; Dan Letters. P. 58, 348; Axelrod A. P. 94f.; Geyer. Parteispaltung [Раскол партии]. P. 201; Lösche. P. 33.

³ Vorwärts. № 4, 5.1.1902. P. 3; Kautsky K. Die Differenzen unter den russischen Sozialisten [Каутский К. Разногласия среди российских социалистов] // Die Neue Zeit. 23, 2 (1904/05) 29. S. 68–79, hier S. 68. Каутский испытывал недоверие к центральному органу и полемизировал с его редакцией, подозревая ее в чрезмерных симпатиях к эсерам, к их тактике политических терактов и союзническим отношениям с либералами в рамках «Союза освобождения». Каутский отвергал не только термин «хаос», активно используемый в «Форвертс», но и приветствовал тонкий подход «Винер Арбайтер-Цайтунг» к российским делам. Там же. С. 76–79; Adler. Briefwechsel. S. 462; IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/307: Dan an Kautsky. 31.3.1905.

⁴ Каутский о наших разногласиях // Искра. Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии. № 66. 15.5.1904. С. 2–4; ср. Adler. Переписка. С. 453.

¹ Kautsky K. Die Differenzen unter den russischen Sozialisten [Каутский К. Разногласия среди русских социалистов] // Die Neue Zeit. 23, 2 (1904/05) 29. S. 68–79, hier S. 70; IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/44, 14.2.1905.

² Там же; Dan. Letters. P. 58, делал это еще в сентябре 1903 г.

³ IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/37. Kautsky an Aksel'rod. 4.6.1904.

⁴ Каутский о наших разногласиях. С. 2; Abramowitsch. P. 85.

⁵ Adler. Briefwechsel [Переписка]. S. 464.

⁶ Adler. Briefwechsel. S. 464f. IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/311: Dan an Kautsky. 14.7.1905: Дан выступал за переезд в Вену.

РСДРП, в которой идея арбитража была решительно отвергнута¹. Эти бесконечные склоки настолько надоели Бебелю, что между ним и русскими товарищами, очевидно, возникло стойкое отчуждение. Тем более что все это происходило на фоне революционных событий 1905 г., которые Бебель также оценивал скептически²: вместо того чтобы активно вмешаться в события, российские социал-демократы в основном были заняты фракционной борьбой³. У сторонних наблюдателей складывалось впечатление, что единственным, что связывало между собой обе фракции РСДРП, было негативное отношение к партии эсеров, действия которых постоянно пытались критиковать⁴. В конце июня 1905 г. Бебель видел единственную возможность для того, чтобы «прекратить споры между нашими русскими товарищами», в принятии решения исполкомами интернационалов: «В крайнем случае можно было бы обратиться ко всему Бюро как к последней инстанции»⁵. В целом меньшевики были разочарованы неудачей его примирительной миссии⁶.

Ленин, в свою очередь, негативно отнесся к вмешательству со стороны СДПГ или Международного социалистического бюро⁷, о чем он сообщил Бебелю в письме в начале февраля 1905 г. Он аргументировал в формально-юридическом плане, указав на то, что такие вопросы может решать только съезд РСДРП. Кроме того, он заявил, что вмешательство СДПГ запоздало. Если бы это произошло несколькими месяцами раньше, был бы еще шанс на проведение общего партийно-

го съезда, но Каутский помешал этому своей поддержкой одной стороны. Теперь раскол – свершившийся и непоправимый факт¹.

Каутскому не только лично, но также идейно и организационно были ближе меньшевики, чем ленинисты². Своей неприязни к неговорчивому Ленину Каутский никогда не скрывал³, в то же время он неоднократно заверял Аксельрода в своей симпатии к нему, не отказываясь, впрочем, от критики в адрес меньшевиков и его лично. Он писал: «Верность делу для меня важнее, чем верность человеку»⁴. Поведение Ленина лишь подогревало неприязнь: Георгия Валентиновича Плеханова, «отца русского марксизма», он теперь называл не «товарищ», а пренебрежительно «гражданин»⁵. Кроме того, он упрекал Каутского в предвзятости и «неправде»⁶, т. е. практически во лжи. Несмотря на все сомнения Ленина в надпартийности Каутского⁷, его вряд ли можно упрекнуть в антибольшевистской односторонности: он не раз передавал большевикам крупные суммы денег⁸. Причины этого неясны: Абрахам Ашер считает, что Каутский не видел во внутрироссийском конфликте непреодолимых разногласий и не терял надежды на воссоединение конфликтующих крыльев в интересах международного социалистического движения⁹. Если исходить из резкости антибольшевизма Каутского после Октябрьского

¹ Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии 1905 года. М., 1924. С. 350; ср. Brachmann. S. 654. Die *men'sheviki* hatten ein Schiedsgericht begrüßt [Меньшевики приветствовали третейский суд]; IISG. Karl Kautsky Papers. D II/318 u. 319: Aksel'rod an Kautsky. 10 и 14.5.1905.

² Adler. Briefwechsel. S. 468.

³ Ср. Adler V. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky sowie Briefe von und an Ignaz Auer, Eduard Bernstein, Adolf Braun, Heinrich Dietz, Friedrich Ebert, Wilhelm Liebknecht, Hermann Müller und Paul Singer / Gesammelt und erläutert von F. Adler. Wien, 1954. S. 445f [Адлер В. Переписка с Августом Бебелем и Карлом Каутским, а также с Игнацем Ауэром, Эдуардом Бернштейном, Адольфом Брауном, Генрихом Дитцем, Фридрихом Эбертом, Вильгельмом Либкнехтом, Германом Мюллером и Паулем Зингером / Подбор и комм. Ф. Адлера. Вена, 1954. С. 445].

⁴ Poetzsch. Russland. S. 815.

⁵ Lenin W. I. Sämtliche Werke. Einzige vom Lenin-Institut in Moskau autorisierte Ausgabe. Ins Deutsche übertragen nach der zweiten, ergänzten und revidierten russischen Ausgabe. Wien, Berlin, 1931. Bd. 8. S. 581 [Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Единственное издание, авторизованное Институтом Ленина в Москве. Перевод на немецкий по второму, дополненному и исправленному русскому изданию. Вена, Берлин, 1931. Т. 8. С. 581].

⁶ IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/311: Dan an Kautsky. 14.7.1905; Dan, Letters. P. 137–140.

⁷ IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/310: Dan an Kautsky. 4.7.1905.

¹ В. И. Ленин – А. Бебелю. 7 февраля 1905 г. // Ленинский сборник (1926) 5. С. 172–175, здесь с. 172; LW. Bd. 34, Berlin (Ost), 1962. S. 283. На назначенный на апрель 1905 г. в Лондоне III Съезд РСДРП Ленин пригласил Бебеля в конце февраля 1905 г. Lenin W. I. Briefe. Bd. 2: 1905 – November 1910. Berlin (Ost), 1967. S. 13f. [Ленин В. И. Письма. Т. 2: 1905 – Ноябрь 1910. Берлин (Восточный), 1967. С. 13–14]; ср. Lenin. SW. Bd. 8. S. 12.

² Adler. Briefwechsel. S. 452f.; Abramowitsch. S. 86; IISG. Karl Kautsky Papers. D XI/293: Dan an Kautsky. 12.11.1903; ср. Lenin W. I. Sämtliche Werke. Einzige vom Lenin-Institut in Moskau autorisierte Ausgabe. Ins Deutsche übertragen nach der 2., ergänzten und revidierten russischen Ausgabe. Bd. 7: Die Revolution von 1905 bis zum Aufstand des Panzerkreuzers "Potemkin". Wien, Berlin, 1929. S. 599 [Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Единственное издание, авторизованное Институтом Ленина в Москве. Перевод на немецкий по второму, дополненному и исправленному русскому изданию. Т. 7: Революция 1905 года до восстания на броненосце «Потемкин». Вена, Берлин, 1929. С. 599].

³ IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/37 и 24–I/44: Kautsky an Aksel'rod. 4.6.1904 и 14.2.1905.

⁴ Adler. Briefwechsel. S. 463; Geyer. Dossier. S. 252; Geyer. Parteispaltung. S. 439; Lösche. S. 43.

⁵ IISG. Karl Kautsky Papers. G 3/169; LW. Bd. 9. S. 132.

⁶ LW. Bd. 8. S. 534; Lenin W. I. Sämtliche Werke. Bd. 7. S. 599.

⁷ IISG. Karl Kautsky Papers. G 3/169; LW. Bd. 9. S. 135f.

⁸ IISG. Aksel'rod Papers. 24–I/43 и 24–I/44: Kautsky an Aksel'rod. 6.2. и 14.2.1905; Там же. Karl Kautsky Papers. D XI/309: Dan an Kautsky. 3.7.1905.

⁹ Ascher. Axelrod. S. 105.

переворота 1917 г., можно констатировать, что в период Первой русской революции он имел равноудаленные отношения с фракциями РСДРП¹.

Первая мировая война и раскол СДПГ на MSPD и USPD

Раскол РСДРП произошел внезапно, словно гром среди ясного неба, причем повод был не слишком важный – формулировки партийного устава. Родовые муки НСДПГ (USPD) продолжались более двух лет, что говорит о том, насколько трудным был процесс размежевания со старой партией, который произошел в несколько этапов. В конце мая 1916 г. произошло создание «Социал-демократического рабочего сообщества» как самостоятельной фракции в рейхстаге, в начале января 1917 г. – исключение из партии и на Пасху 1917 года – учреждение Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ/USPD). Делегаты учредительного съезда были готовы пойти на раскол партии, к которому они раньше не стремились², заявив, что к расколу привели серьезные противоречия, уже давно существовавшие в СДПГ³. Первая мировая война, по их мнению, лишь усугубила эти противоречия⁴.

USPD оказалась конгломератом не только диссонантных, но и в конечном счете несовместимых элементов⁵. Интеграция происходила в негативном ключе, т. е. на основе отрицания военных кредитов, аннексий и «политики гражданского мира»⁶. Согласия не было даже в вопросе войны и мира: в USPD присутствовали пацифисты, сторонники оборонительной войны и поборники превращения империалистической войны в классовую. Размытость политических целей, серьезные внутренние разногласия, трудности политической работы в условиях военного положения и цензуры, организационные сложности децентрализованных структур и слабая поддержка в регионах

затрудняли для USPD конкуренцию с MSPD (СДПГ большинства), хотя USPD, насчитывая в 1917 г. более 100 тыс. членов, отнюдь не была маргинальной партией. В то же время ей удалось мобилизовать часть рабочего движения, как показали стачки весны 1917 г. и января 1918 г.¹

USPD заявляла о своей приверженности делу социализма и демократии², но в выборе средств для достижения этих целей – парламентаризма, классовой борьбы и революции – согласия не было. Ее симпатии к большевикам также не были однозначными³. Георг Ледебур считал в 1918 г., что сторонники USPD «в Германии – это примерно то же самое, что большевики в России»⁴, что противоречило позиции правого крыла партии. Чем больше проявлялись черты большевистской диктатуры, представлявшей собой отрицание власти советов, тем резче звучала критика со стороны меньшевика Александра Штейна или Карла Каутского⁵.

Октябрьский переворот в восприятии MSPD, USPD и KPD

После Октябрьского переворота Ленин продемонстрировал склонность к насильственному разрешению конфликтов, к «критике силой оружия»⁶. В статье «Как организовать соревнование?», написанной в декабре 1917 г., он с ненавистью обрушился на классового врага. Используя биологические метафоры, он призвал к «очищению русской земли от всякой нечисти, [...] от клопов – богачей [...]»⁷. Ленин считал классовую борьбу в форме гражданской войны

¹ Miller. S. 176f., 292–295, 374–379, 385; Wheeler R. F. USPD und Internationale: Sozialistischer Internationalismus in der Zeit der Revolution. Frankfurt/M., 1975. S. III [Уилер Р. Ф. USPD и Интернационал: Социалистический интернационализм в эпоху революции. Франкфурт-на-Майне, 1975. С. III].

² Protokoll USPD. S. 52, 89.

³ Tormin. Rätediktatur [Диктатура советов]. S. 30–34.

⁴ Цит. по: Verov N. E. Das Selbstbestimmungsrecht der Völker in der Auffassung der Bolschewiki [Веров Н. Э. Право народов на самоопределение в понимании большевиков] // Die Neue Zeit. 36, 1 (1917/18) 22 и 23. S. 511–516 и 542–546, hier S. 512.

⁵ LVZ. № 293. 17.12.1917. S. 1; LVZ. № 299. 24.12.1917. S. 1; ср. реплики сторонников большевиков Меринга и Амалина. LVZ. № 295. 19.11.1917. S. 1; LVZ. № 298. 22.12.1917. S. 1. Аналогично Штейну аргументировали: LVZ. № 153. 4.7.1918. S. 1; ср. также: Mitteilungs-Blatt. № 16, 21.7.1918. Beilage. S. 4.

⁶ LW. Bd. 26. S. 319; MEW. Bd. 1. S. 385.

⁷ Ленин призывал «к борьбе не на жизнь, а на смерть с богачами и их нахлебниками, буржуазной интеллигенцией, с жуликами, бездельниками и хулиганами», с «рабовладельцами», «лакеями богачеев, наемниками эксплуататоров, господами буржуазными интеллигентами». Он требовал послать их чистить клозеты, сажать в тюрьму,

¹ IISG, Karl Kautsky Papers. G 3/166: Lydin an Kautsky. 29.4.1904; P. 475: Kautsky an Lydin. 23.7.1904.

² Согласно протоколу USPD. С. 94; Müller. S. 82–85; Miller. S. 125–128, 152, 156ff.; Miller. Potthoff. S. 77.

³ Schorske C. E. Die große Spaltung. Die deutsche Sozialdemokratie 1905–1917. Berlin (Ost), 1983. Engl. Ausgabe, 1955 [Шорске К. Э. Большой раскол. Немецкая социал-демократия, 1905–1917. Берлин (Вост.), 1983. Английское издание, 1955]; Miller. S. 167.

⁴ Protokoll USPD. S. 11, 79.

⁵ Protokoll USPD. S. 4f.; Müller. S. 88. О различных течениях ср. Kaiserreich K. S. 29f.; Wheeler. S. 25.

⁶ Müller. S. 89.

катарсисом, «единственной правомерной, единственной справедливой, единственной священной войной [...] угнетенных [...] за свержение этих угнетателей». Ленин, таким образом, выступал за «систематическое применение насилия против целого класса»¹.

Декрет о судах от 5 декабря 1917 г. узаконивал насилие, создавал основу для советской классовой юстиции и безграничного произвола тех, которые заявляли, что действуют именем революции: «Диктатура [пролетариата] – это опирающаяся непосредственно на насилие власть, не связанная никакими законами»². Ленин категорически отвергал основы демократического правового государства. Используя парадокс ультимативного насилия, он уже в начале 1918 г. пропагандировал массовый террор³. Идея будущей благодати, строительства нового общества, в котором не будет антагонистических классов, служила оправданием не только физического насилия над представителями «старого режима» вообще, но и его масштаба: чем больше будет насилия, тем скорее будет достигнута цель. Этический кодекс Ленина определял его диалектическое понимание революции⁴. Он ссылаясь на высшую мораль: *Salus revolutionis suprema lex*. Товарищи, исходившие из этики ответственности, из моральных соображений, отвергали идею Ленина о том, что цель оправдывает средства.

Центральной вехой в истории русской революции, оттолкнувшей MSPD и правое крыло USPD от большевиков, стал насильственный разгон Учредительного собрания⁵. Этот отказ от парламентаризма означал не только пренебрежение волей большинства населения. Здесь напрашиваются, по крайней мере, две исторических па-

раллели: либо Ленин действовал так же, как десятилетием раньше царь, дважды разогнавший Государственную думу, либо же разгон Учредительного собрания стал выражением радикально-бланкистского стиля политики, опиравшегося исключительно на насилие. Насилие как фундамент социализма неприемлемо. Социализму необходима демократия¹. MSPD не скупилась на самые жесткие выражения в адрес большевиков, они говорили о «диктатуре [...] горстки узколобых фанатиков», «социальном дилетантизме и бессовестном изнасиловании»², о «бандитской политике» и азиатском извращении социалистической демократии и анархистском терроризме³. Октябрьский переворот называли диктаторским государственным переворотом⁴. Признаком претензии большевиков на единовластие считали их «декретинизм»⁵.

В 1918 г. дискуссия о диктатуре и демократии занимала большое место в социал-демократической и социалистической прессе. Господство одной партии отнюдь не равнозначно диктатуре пролетариата, писали некоторые органы, а скорее представляет собой диктатуру одной части пролетариата над другой. Диктатура – будь то горстки фанатиков или одной партии над пролетариатом – замещает собой, по мнению СДПГ, демократию⁶. Без демократии, считал Каутский, социализм невозможен⁷.

Представления Ленина о диктатуре пролетариата сильно отличались не только от представлений Каутского, но и от концепции Карла Маркса, у которого она упоминается лишь вскользь. Ленин подчеркивал прежде всего два аспекта: во-первых, руководящую роль собственной партии. Во-вторых, сущность диктатуры пролетариата

выдавать им “желтые билеты”», расстреливать за «паразитизм» [Обратный перевод с немецкого. – *Примеч. перев.*] LW. Bd. 26. S. 413.

¹ Ленин отвергал, например, высказанную в газете М. Горького «Новая жизнь» критику большевистской пропаганды насилия как «интеллигентское нытье» и «пресмыкание перед денежным мешком» [Обратный перевод с немецкого. – *Примеч. перев.*] LW. Bd. 26. S. 399f.

² LW. Bd. 28. S. 234.

³ LW. Bd. 25. S. 451; ср. Ryan J. “Revolution is War”: The Development of the Thought of V. I. Lenin on Violence, 1899–1917 // SEER 89 (2011) 2. P. 248–273, here S. 251.

⁴ Клара Цеткин с учетом российских обстоятельств одобряла курс большевиков «через диктатуру к демократии». Mitteilungs-Blatt. № 29. 20.10.1918. Beilage. S. 2.

⁵ Kautsky. Diktatur des Proletariats. S. 61–65; Lösche. S. 121, 132; Matthias E. Die Rückwirkungen der russischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterbewegung // Deutschland und die Russische Revolution / Hrsg. v. H. Neubauer. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1968. S. 69–93, hier S. 86 [Маттиас Э. Влияние российской Октябрьской революции на немецкое рабочее движение / Под ред. Г. Нойбауэра. Штутгарт, Берлин, Кельн, Майнц, 1968. С. 69–93, здесь с. 86]; Tormin. Parteien. S. 64; Parteien. Rätediktatur. S. 32; Wette. S. 319. Люксембург по этому вопросу, в отличие от СДПГ большинства, заняла неоднозначную позицию. Она соглашалась с аргументом, что списки избирателей были устаревшими. Luxemburg. Werke. Bd. 4. S. 353.

¹ Vorwärts. № 46. 15.2.1918. S. 2.

² Цит. по: Schippel M. Das bolschewistische Zerrbild des Sozialismus [Шиппель М. Большевистское искажение социализма] // Sozialistische Monatshefte. 24 (1918) 21. S. 1183–1189, hier S. 1183.

³ Bloz W. Revolutions-Experimente [Блос В. Революционные эксперименты] // Die Neue Zeit. 36, 1 (1917/18) 24. S. 553–559, hier S. 557; Vorwärts. № 46. 15.2.1918. S. 1–2, особенно С. 2. Упрек в бланкизме связан еще с эпохой революции 1905 г. Ср. Dan, Letters. S. 208; Национальная революция и наши задачи // Социал-демократ. Издание Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. № 1. 17.9.1906. С. 1–3, здесь с. 2.

⁴ Schippel. S. 1185.

⁵ Schippel. S. 1186.

⁶ LVZ. № 293. 17.12.1917. S. 1; Volkswacht (Breslau). № 17. 21.1.1918. S. 1; Vorwärts. № 290. 21.10.1918. S. 1f.; Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats // Kautsky gegen Lenin / Hrsg. v. P. Lübke. Berlin, Bonn, 1981 [Каутский К. Диктатура пролетариата // Каутский против Ленина / Под ред. П. Люббе. Берлин, Бонн, 1981]. S. 28–77, hier S. 35f., 42, 49, 61ff., 77.

⁷ Kautsky. Diktatur des Proletariats. S. 31. Аналогично аргументировали: Arbeiter-Zeitung (Wien). № 22. 24.1.1918. S. 1 и Отто Браун в Vorwärts. № 46. 15.2.1918. S. 2.

состояла прежде всего в насильственных репрессиях¹, которые не обходили стороной и советы, представлявшие собой, согласно Ленину, «высшую форму демократизма»². Своим авторитаризмом большевики глубоко дискредитировали систему советов, в результате чего последняя в Германской империи воспринималась как нечто недемократичное и пугающее³.

Сравнивая методы большевиков с репрессивной практикой царизма, СДПГ оживила глубоко укорененную антипатию к восточным соседям. Партия вновь использовала арсенал испытанных русофобских стереотипов и враждебности, накопленный при старом режиме. Социал-демократы демонизировали восточного соседа, сетовали на его варварство⁴, говорили о русской, восточной, азиатской деспотии⁵,

¹ LW. Bd. 25. S. 451; James R. Lenin's The State and Revolution and Soviet State Violence: A Textual Analysis // *Revolutionary Russia* 20 (2007) 2. P. 151–172, here P. 152, 155; Service R. W. Lenin: Eine Biographie. München, 2002 [Сервис Р. В. Ленин: биография. Мюнхен, 2002]. S. 462; Häfner L. Lenin als Theoretiker und politischer Pragmatiker // *Marx-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung* / Hrsg. v. M. Quante und D. P. Schweikard. Stuttgart, Weimar [Хефнер Л. Ленин как теоретик и политический прагматик // Справочник о Марксе: Жизнь – творчество – влияние / Под ред. М. Кванте и Д. П. Швайкарда. Штутгарт, Веймар].

² LW. Bd. 27. S. 259.

³ «Разве вы не заметили, что большевистские власти имеют право от случая к случаю по своему усмотрению формировать курию рабочих представителей, что, к примеру, объясняет тот факт, что в Петербурге мнимый совет рабочих даже на шестую часть не избирается рабочими, в то время как остальные 85 % состоят из делегатов властей? Разве не достаточно этого факта, чтобы объяснить людям, что выбор между демократией и советской системой, даже если он будет сделан в пользу системы советов, вовсе еще не означает, что надо поддерживать клику, которая в России играет роль правительства? Ведь в якобы советской России нет никаких советов рабочих, а существует система, по сравнению с которой даже ныне счастливо устранившая избирательная система Прусского королевства являет собой истинное воплощение народной свободы. Непредвзятое чтение ленинской конституции должно ведь показать всякому, кто не хочет полностью заслониться от реальности, что то, что творится в России под вывеской коммунизма, на самом деле имеет с социализмом и коммунизмом столько же общего, сколько сальная свеча с таблицей умножения». Lewin M. Was in Russland unter dem Namen Kommunismus getrieben wird [Левин М. Что творится в России под вывеской коммунизма] // *Sozialistische Monatshefte*. 25 (1919) 8. S. 534–544, hier S. 536.

⁴ Bebel Vp. Buch. S. 285; Protokoll (Mannheim). S. 144; Protokolle der Sitzungen des Parteiausschusses [Протоколы заседаний Комитета партии]. S. 472. Слово «варварство» встречается и у Аксельрода: HSG. Karl Kautsky Papers. D II/317: Aksel'rod an Kautsky. 2.4.1905.

⁵ Vorwärts. № 176, 29.7.1904. S. 1; Schippel M. Russland und wir [Шиппель М. Россия и мы] // *Sozialistische Monatshefte*. 23 (1917) 7. S. 339–346, hier S. 339; Adler. Briefwechsel. S. 468 («Walze des Despotismus» / «Каток деспотизма»); Protokoll (Mannheim). S. 144; Bebel. Buch. S. 284; Calwer R. Russland // *Sozialistische Monatshefte* 9 (11) (1905) 2. S. 111–113.

о знаменитой «азиатчине»¹. Они указывали на низкий уровень культурного и общественного развития восточного соседа, чтобы объяснить его недостаточную зрелость и обусловленную этим неспособность сформировать демократическое государство².

К этому многоголосому хору присоединился также Каутский, критикуя «Союз Спартака» и упрекая его в антипарламентаризме и отказе от демократии. Бременский левый радикал Отто Рюле на учредительном съезде Коммунистической партии Германии (КПГ/КРД), состоявшемся в декабре 1918 г., назвал улицу «самой лучшей сценой» и высказался против участия в выборах в Национальное собрание³.

¹ Навешивание на царизм ярлыка «азиатчины» было в СДПГ распространенной практикой. Она подхватывала как размышления Маркса, так и оценки россиян, например, см.: Axelrod P. Der historische Sinn der internationalen Ehrungen zum Gedenken Bebels // *Die russische Revolution und die sozialistische Internationale: Aus dem literarischen Nachlaß von Paul Axelrod* / Hrsg. v. I. Tsereteli and W. Woytinsky. Jena, 1932 [Аксельрод П. Б. Исторический смысл международных мероприятий в память Бебеля // *Русская революция и социалистический Интернационал: Из литературного наследия Павла Аксельрода* / Под ред. И. Церетели и В. Войтинского. Йена, 1932]. S. 85–97, hier S. 97; A. R. Der Fall Asew und die russische Revolution [А. Р. Дело Азефа и русская революция] // *Die Neue Zeit*. 27, 1 (1908/09) 22. S. 796–808, hier S. 797; Bebel. Buch. S. 284; Martoff L. [Martov Ju. O.]. Der Staatsstreich in Rußland [Государственный переворот в России] // *Die Neue Zeit*. 25, 2 (1906/07) 42. S. 516–528, hier S. 527; Protokoll über die Verhandlungen des Gründungsparteitages der USPD vom 6–8. 4. 1917 in Gotha / Hrsg. v. E. Eichhorn. Berlin, 1921 [Протокол о переговорах Учредительного съезда НСДПГ от 6–8.4.1917 г. в Готе / Под ред. Э. Айххорна. Берлин, 1921]. S. 58; Schiebel J. Marxism and Aziatchina: Secular Religion, the Nature of Russian Society, and the Organization of the Bolshevik Party // *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia. Essays in Honor of Donald W. Treadgold* / Ed. by C. E. Timberlake. Seattle, London, 1992. P. 145–167. О феномене русофобии: Faulenbach. S. 34; Walter. S. 46. Ср. Также как феномен европейской идейной истории: Ekkehard K. Das «asiatische» Rußland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils [Эккхард К. «Азиатская» Россия. О возникновении европейского предубеждения] // *HZ* 245 (1987). S. 265–289; Zarusky J. Vom Zarismus zum Bolschewismus. Die deutsche Sozialdemokratie und der «asiatische Despotismus» // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht*. Bd. 5: Deutschland und die Russische Revolution, 1917–1924 / Hrsg. von G. Koenen und L. Kopelew. München, 1998 [Царуски Ю. От царизма к большевизму. Немецкая социал-демократия и «азиатский деспотизм» // *Русские и Россия глазами немцев*. Т. 5: Германия и русская революция 1917–1924 / Под ред. Г. Кенена и Л. Копелева. Мюнхен, 1998]. S. 99–133; Koenen G. Der Rußland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945 [Кенен Г. Комплекс России. Немцы и Восток 1900–1945]. München, 2005. S. 9.

² Stampfer Vgl. Erfahrungen. S. 103f.; David E. Sozialdemokratie und Ostpolitik [Давид Э. Социал-демократия и «восточная политика»] // *Die Neue Zeit*. 35, 2 (1917/18) 21. S. 481–489, hier S. 484; Protokolle der Sitzungen des Parteiausschusses. S. 472.

³ Der Gründungsparteitag der KPD. Protokoll und Materialien / Hrsg. und eingeleitet v. H. Weber. Frankfurt/M., Wien, 1969. S. 98 [Учредительный съезд КПГ. Протокол и материалы / Ред. и предисл. Г. Вебера. Франкфурт-на-Майне, Вена, 1969. С. 98]. Роза Люксембург еще в конце 1904 г., участвуя в дискуссии о массовых забастовках, высказывалась в пользу «прямых действий пролетарских масс», см.: Luxemburg. Werke. C. 1, 2, 454. Под впечатлением от событий в России она выступала за применение форм

По его мнению, улица, т. е. насильственные действия, должна была сделать то, чего не удалось достичь из-за организационных упущений и недостаточной зрелости. Куда Каутский ни бросал взгляд, он встречал – исходя из уровня развития марксизма – лишь деградацию левых, которые прибегали ко все более примитивным средствам политической борьбы. Критикуя «Союз Спартака», Каутский на самом деле критиковал ленинизм¹.

Каутский был одним из самых резких критиков, отвергавших перенос этапов русской революции на революцию в Германии – например, механический трансфер идеи о власти советов. Когда Каутский писал: «Нынешняя революция в Германии имеет собственные закономерности»², он подразумевал не отход от исторического материализма и общих закономерностей исторического развития, а скорее признание более высокого уровня политического и социально-культурного развития в Центральной Европе. Германии советы были не нужны, потому что она могла опереться на другие работающие организационные формы и институции масс – такие как партии, общественные организации и т. п. Организация – это «принцип рабочего класса», а «пролетарская», «сплоченная организация – его наилучшее оружие»³.

Тем самым Каутский подыгрывал тому крылу СДПГ, которое смотрело на Россию свысока, как на отсталую, «полуазиатскую» страну. Поэтому идея советов как экспортного российского товара изначально не пользовалась поддержкой в MSPD: эту идею считали – пусть ошибочно – «большевистской», не несущей ничего хорошего. В ходе политических дебатов поздней осенью 1918 г. MSPD использовала «большевистские советы» как пугало⁴, которое, будучи ядром широкой публицистической кампании, возымело значительный эмоциональный эффект. Логическая цепочка была такой: «Союза Спартака» = большевики = советская власть. А последняя – это на-

борьбы, которые вряд ли были совместимы с общими условиями Германии, традициями и ментальностью немецких рабочих, см.: Kautsky K. Zwischen Baden und Luxemburg [Между Баденом и Люксембургом] // Die Neue Zeit. 28, 2 (1909/10) 45. S. 652–667, hier S. 657f., 663f.; ср. Lehnert B. S. 94.

¹ Kautsky K. Das Weitertreiben der Revolution [Подталкивание революции]. Berlin. S. 5f., 12.

² Kautsky. Weitertreiben. S. 7.

³ Kautsky K. Kriegsmarxismus. Eine theoretische Grundlegung der Politik des 4. August [Каутский К. Военный марксизм. Теоретическое обоснование политики 4-го августа]. Wien, 1918. S. 85.

⁴ Ср. Lösche. S. 144; Mommsen W. J. Die deutsche Revolution, 1918–1920. Politische Revolution und soziale Protestbewegung [Моммсен В. Й. Германская революция 1918–1920. Политическая революция и движение социального протеста] // GG 4 (1978). S. 362–391, hier S. 365f.; Wette. S. 340.

силе, террор, гражданская война и хаос¹ – проще говоря, «ситуация, как в России»². Вальтер Тормин охарактеризовал эмоциональное и моральное отвержение большевизма как «своего рода новую интеграционную идеологию» СДПГ³.

Целями MSPD в ходе Ноябрьской революции были, во-первых, спокойствие и порядок, во-вторых, обеспечение снабжения, в-третьих, недопущение интервенции союзников и, в-четвертых, стабилизация общей ситуации в стране⁴. Они в корне отличались от целей большевиков. В психологическом плане MSPD имела преимущество перед левыми радикалами, политические утопии которых вызывали прежде всего ощущение неопределенности и нестабильности, т. е. обратное тому, чего хотел средний немецкий рабочий. Широкие рабочие массы хотели мира, «нормальной жизни», регулярной и соразмерно оплачиваемой работы, приличных условий труда и жизни, уютного жилья, отсутствия угнетения и произвола⁵. К тому же многие рабочие были тесно связаны с социал-демократией и хотели, чтобы обусловленный войной раскол партии был преодолен путем слияния всех левых сил, чтобы было восстановлено положение, существовавшее до 4 августа 1914 г.⁶

Выводы

В СДПГ важную роль играли традиции и соображения престижа – российские товарищи воспринимались как новички. «Героическая» борьба со «старым режимом» и опыт, накопленный в ходе русской революции 1905 г., несомненно, подняли престиж РСДРП, вызвав определенное уважение к ней со стороны западноевропейских социалистов⁷. Асимметричные отношения постепенно становились отношениями на равных.

¹ Vorwärts. № 287. 18.10.1918. S. 1; № 306. 6.11.1918. S. 1.

² Vorwärts. № 306. 6.11.1918. S. 1.

³ Tormin. Parteien. S. 64

⁴ Geyer. Sowjetrußland. S. 11.

⁵ Wette W. Frieden durch Revolution? Das Scheitern der Friedenskonzepcion der radikalen Linken in der deutschen Revolution 1918/19 // Frieden, Gewalt, Sozialismus. Studien zur Geschichte der sozialistischen Arbeiterbewegung / Hrsg. v. W. Huber u. Johannes Schwardtfefer. Stuttgart, 1976 [Ветте В. Мир через революцию? Крах мирной концепции левых радикалов во время немецкой революции 1918/19 годов // Мир, насилие, социализм. Материалы по истории социалистического рабочего движения / Под ред. В. Хубера и Йоханнеса Швердтфегера. Штутгарт, 1976]. S. 282–357, hier S. 297.

⁶ Wette W. Frieden durch Revolution? S. 335.

⁷ Leipziger Volkszeitung. № 15. 18.1.1905, 1. Beilage, S. 3.

Общим для обеих партий был опыт работы в подполье. Для СДПГ период действия «закона против социалистов» продолжался двенадцать лет. Что же касается РСДРП, то «период свободы» после Октябрьского манифеста 1905 г. длился для нее всего несколько месяцев. У РСДРП не было тех 24 лет, в течение которых (с 1890 по 1914 г.) СДПГ могла мирно и свободно работать.

Разным у СДПГ и РСДРП был уровень институционализации и организации. Вспомогательные классы, образовательные кружки и потребительские товарищества были важным фактором влияния СДПГ на немецкое общество¹. Все названные организации внесли существенный вклад в улучшение социально-политического положения рабочих в кайзеровской Германии. В СДПГ преобладал корпоративный патриотизм, Виктор Адлер говорил о «партийной родине», которая дает своим членам то, чего им не дают кайзеровский рейх и его элиты². Значительный капитал и имущество, накопленные партией, подогревали опасения их потерять, что подталкивало СДПГ и профсоюзы, с одной стороны, к отказу от внепарламентских форм борьбы, а с другой – к сближению со старыми элитами. Следствием этого было то, что СДПГ все больше встраивалась в систему кайзеровского государства, что имело отнюдь не только негативные последствия. Несмотря на всю радикальную риторику, которую Каутский использовал еще в 1909 г. в работе «Путь к власти», где он писал о необходимости революции, для политической программы СДПГ были характерны правовое мышление и легальная деятельность – в частности, методы парламентаризма³. Революционный attentизм привел к пассивности⁴.

¹ Müller R. Eine Geschichte der Novemberrevolution. Vom Kaiserreich zur Republik – Die Novemberrevolution – Der Bürgerkrieg in Deutschland / Hrsg. v. Jo. Gerster, R. Hoffrogge u. R. Knirsch. Berlin, 2011 [Мюллер Р. История Ноябрьской революции. От кайзеровского рейха до республики – Ноябрьская революция – Гражданская война в Германии / Под ред. Й. Герстера, Р. Хофрэгге и Р. Книрша. Берлин, 2011]. S. 53; Brandt P., Lehnert D. "Mehr Demokratie wagen". Geschichte der Sozialdemokratie 1830–2010. Berlin, 2012 [Брандт П., Ленерт Д. «Больше демократии». История социал-демократии 1830–2010. Берлин, 2012]. S. 90f.; Faulenbach. S. 22; Walter. S. 20ff.

² Adler. Briefwechsel. S. 608; Lösche. S. 12.

³ Cp. Groh D.; Boll F. Die deutsche Sozialdemokratie zwischen Resignation und Revolution. Zur Friedensstrategie 1890–1918 // Frieden. Gewalt, Sozialismus. Studien zur Geschichte der sozialistischen Arbeiterbewegung / Hrsg. v. W. Huber u. Jo. Schwerdtfeger. Stuttgart, 1976 [Болль Ф. Немецкая социал-демократия между резигнацией и революцией. О мирной стратегии 1890–1918 годов // Мир, насилие, социализм. Материалы по истории социалистического рабочего движения / Под ред. В. Хубера и Йоханнеса Швердтфегера. Штутгарт, 1976]. S. 179–281, hier S. 199f.; Faulenbach. S. 34f.; Walter. S. 23, 35f., 43; Pjatnizki. S. 219.

⁴ Vgl. Hoffrogge. S. 192, 196; Matthias E. Kautsky und der Kautskyanismus. Die Funktion der Ideologie in der deutschen Sozialdemokratie vor dem Ersten Weltkrieg [Мар-

После Февральской революции меньшевики и социалисты-революционеры поставили цели так называемой «государственности» выше реализации классовых социальных требований¹, руководствуясь при этом принципами, которые, по крайней мере, после 4 августа 1914 г. лежали в основе действий СДПГ.

«В немецкой социал-демократии, однако, издавна действовал принцип, согласно которому революций устраивать не надо»². Это кредо, усвоенное также марксистским теоретиком Карлом Каутским, опиралось прежде всего на идею экономической и политической зрелости материальных и общественных условий. Этот «attentизм» СДПГ Лениным воспринят не был. Он настаивал на ускорении процессов исторического развития и в декабре 1905 г. в Москве, и в октябре 1917 г. в Петрограде. В этом бланкизме состояло его коренное отличие от политики СДПГ, которой был чужд всякий волюнтаризм³.

Петроградская «Красная газета» накануне празднеств по поводу первой годовщины октябрьского переворота ярко демонстрировала резкий рост самосознания большевиков. В передовице под заголовком «Мы готовы!» было написано: «Российское советское посольство в Берлине стало центром всех революционных манифестаций [...]. Красный флаг над зданием посольства стал знаменем красного берлинского пролетариата. Советская Россия – вдохновитель и вождь мировой революции»⁴. «Правда» привела историческую аналогию, написав, что бывший германский рейх находится в преддверии «немецкого Октября»⁵. Смысл этой эволюции самосознания большевиков был ясен: вчерашние ученики стали учителями современности, указывающими путь в будущее. Прежние менторы из СДПГ были, однако, не готовы принять такое распределение ролей. Они не видели у большевистских «homines novi» достаточной компетентности и зре-

тиас Э. Каутский и каутскианство. Функция идеологии в немецкой социал-демократии перед Первой мировой войной] // Marxismus-Studien. Bd. 2 / Hrsg. v. I. Fetscher. Tübingen, 1957. S. 151–197, hier S. 197.

¹ Letters. Dan. S. 609.

² Kautsky. Mein Verrat. S. 857 [Каутский. Мое предательство. S. 857]. О более ранней критике позиций Ленина со стороны СДПГ см.: Streltsov Roman. Die Duma und die Sozialisten [Роман Стрельцов. Дума и социалисты] // Sozialistische Monatshefte 10 (12) (1906) 6. S. 464–468; Nedow A. Die nächsten Aufgaben der russischen Sozialdemokratie [Недов А. Ближайшие задачи российской социал-демократии] // Sozialistische Monatshefte 10 (12) (1906) 7. S. 538–542; Streltsov R. Die beiden Richtungen in der russischen Sozialdemokratie [Стрельцов Р. Два направления в российской социал-демократии] // Sozialistische Monatshefte 10 (12) (1906) 12. S. 1001–1004.

³ Streltsov R. Die beiden Richtungen... S. 858.

⁴ Красная газета. № 215. 6.11.1918. С. 1 [Обратный перевод с немецкого. – Примеч. перев.].

⁵ Правда. № 263. 4.12.1918. С. 1.

лости и поэтому не хотели у них (ничему) учиться. С точки зрения тогдашнего руководства СДПГ можно было говорить об истории неудачной передачи политического опыта, но о «запутанной истории» не могло быть и речи.

Лути, Хефнер

**«БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»:
ВОПРОС ВОЙНЫ И МИРА В ДИСКУССИЯХ
РОССИЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В 1917–1918 ГОДАХ**

«Если мировая война породила русскую революцию, *то революция призвана разгромить мировую войну*» [Выделено в оригинале. – Л. Х. Здесь и далее цитаты из российских источников в обратном переводе с немецкого языка. – *Примеч. перев.*], – написано в прокламации организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) к 1 мая 1917 г. (Рабочая газета. № 34. 18.4.1917. С. 1; Галили и др. 1994. С. 194; ср. Народная нива. № 51. 24.6.1917. С. 3; Земля и воля. № 43. 16.5.1917. С. 3). Интернационалистское крыло Партии социалистов-революционеров (ПСР) заявило: «Не к войне, а к революции должны мы призывать народы; ведь только всеобщая революция несет мир всему миру» (Иванов-Разумник, 1917b. С. 3). Среди российских левых социалистов звучали, правда, и тревожные голоса: «...Война может убить русскую революцию» (Третий съезд ПСР 1917. С. 113; Земля и воля. № 35. 5.5.1917. С. 2; ср. Дан, 1926; Ерманский, 1927. С. 156)¹.

Война и революция 1905 и 1917 гг. в самом деле были, словно сямские близнецы. Коренное различие состояло в том, что Русско-японская война была двухсторонним, ограниченным в пространстве конфликтом, в то время как Первая мировая война была многосторонней и трансграничной. Если принимать во внимание ее масштабы, длительность и последствия для социалистического движения, распавшегося на многочисленные конфликтующие группировки и лагеря, становится ясно, что способы завершения войны, заключение мира и возрождение Интернационала были для социалистических

¹ Ср. также IISG, Karl Kautsky Papers D II, 500 Otto Bauer an Kautsky. 28.11.1917.

партий вопросами величайшей значимости. Хотелось бы рассмотреть эту проблему на примере дебатов между фракциями и группировками РСДРП и ПСР в России в период между Февральской революцией и ратификацией сепаратного мира, заключенного в Брест-Литовске в марте 1918 г.

Наш тезис состоит в том, что партии, полностью не используя имеющееся у них пространство для маневра, считали объявленные цели несвоевременными или недостижимыми. Громкими заявлениями они прикрывали либо отсутствие реального политического чутья, либо нерешительность, обусловленную, прежде всего, у РСДРП, а также у ПСР внутривнутрипартийными разногласиями. Критически обобщая ситуацию, можно было бы сформулировать две крайних позиции. Правые и умеренные социалисты придерживались древней формулы: «*Si vis pacem para/gere bellum*» («Хочешь мира – готовься к войне»), в то время как интернационалисты считали: «Хочешь мира – готовь социализм» (Liebknecht, 1966. С. 229). Что касается ПСР, то разногласия по вопросу войны и мира не только ограничили дееспособность партии в 1917 г., но и в решающей мере способствовали ее расколу после Октябрьского переворота (Народная воля. № 51. 24.6.1917. С. 3).

Не завершив войну тем или иным способом, невозможно было решить ни одну из ключевых проблем, которые стояли перед российским государством и обществом после Февральской революции 1917 г. Несмотря на давние требования крестьян дать им больше земли, Временное правительство переложило решение аграрного вопроса на будущее Учредительное собрание. Правительство опасалось, что любое распределение земель сильно подорвет дисциплину в армии, состоявшей преимущественно из крестьян, так что она не сможет выполнить свою оборонительную миссию. Поскольку после начала войны посевные площади – прежде всего из-за недостатка рабочей и тягловой силы – сократились, стало невозможно наращивать объем сельхозпродукции. Ситуацию усугубили транспортные проблемы, что в целом привело к ухудшению снабжения городов, особенно крупных. Сначала Временное правительство выступало за то, чтобы созвать Учредительное собрание лишь по окончании войны, чтобы не допустить безудержной агитации и пропаганды в пользу простых (лево)радикальных решений военного и аграрного вопросов. Наконец, социальный вопрос: галопирующая инфляция во время войны привела к значительному сокращению реальных доходов работников. После Февральской революции заработная плата была значительно повышена, но по вопросу продолжительности рабочего дня продолжались жаркие споры. 8-часовой рабочий день не был введен ни под моральным давлением, ни под влиянием лозунгов «Все

для фронта». В связи с нерешенными проблемами то и дело вспыхивали забастовки, объявлялись локауты, закрывались заводы, за организацию производства брались рабочие советы – политическая революция стала перерастать в социальную. Было непонятно, как повлияют на рынок труда окончание войны и демобилизация армии. Но надо всем как дамоклов меч висел ключевой вопрос – вопрос войны и мира.

На этом общем фоне в докладе сначала рассматривается влияние, которое Февральская революция оказала на решение вопроса о войне и мире. При распаде социалистического движения выделилось два крупных лагеря: лагерь «защитников отечества» и лагерь «интернационалистов». Одновременно политический расклад в России 1917–1918 гг. определяли четыре политические опции, которые рассматриваются во второй части доклада: «защита отечества», «революционная война», родственной, но не конгруэнтной лозунг «не война, но восстание» и, наконец, сепаратный мир, который Ленин в 1918 г. охарактеризовал как «передышку». При этом обращает на себя внимание тот факт, что многие аргументы использовались лишь ситуативно, в привязке к определенному контексту, и их поборники зачастую не относили себя к тому или иному лагерю: границы фракций были весьма подвижны.

Февральская революция и ее влияние на вопрос войны и мира

27 марта Временное правительство заявило, что его цель – не господство над другими народами, а прочный мир на основе права народов на самоопределение. Оно подтвердило намерение защищать свои границы и уважать интересы союзников (Дело народа. № 11. 28.3.1917. С. 2; ср. Wade, 1994. С. 28). В то же время российский министр иностранных дел П. Т. Миллюков заявил 18 апреля, что Россия будет вести войну до победного конца (Hellmann, 1977. Р. 155).

Позиция Миллюкова была несовместимой с целями Петроградского совета. Еще 14 марта он опубликовал воззвание «К народам всего мира», в котором отвергал «захватническую политику господствующих классов» и призывал все народы к тому, чтобы они взяли вопрос войны и мира в свои руки (Старцев, 1993. С. 323)¹. Отсюда был все-

¹ Критику заявления правительства от 27 марта см.: Там же. С. 616–623; Скобелев, 2013. С. 195–198; Известия. № 15. 15.3.1917. С. 1; Суханов, 1991. С. 268; Wade, 1969. Р. 15f.

го лишь шаг до требования мира без аннексий и контрибуций, которое меньшевики сделали своим лозунгом 19 марта 1917 г. (Галили и др., 1994. С. 157) и которое Петросовет выдвинул 22 апреля. 2 мая Петросовет еще раз подтвердил это требование в призыве «К социалистам всех стран» с таким уточнением: «На основе права народов на самоопределение» (Hellmann, 1977. P. 202; Рабочая газета. № 45. 2.5.1917. С. 2).

Возможные варианты действий. Защита отечества (оборончество)

Что делать? Этот вопрос встал перед обеими партиями большинства в Петроградском совете – эсерами и особенно меньшевиками. Ведь новая ситуация в стране, сложившаяся под влиянием войны, никак не укладывалась в рамки марксистской теории: крестьяне, составлявшие большую часть царской армии, были главным политическим фактором, который приходилось принимать во внимание (Галили, 2007. С. 79). После Февральской революции большинство простых солдат были настроены на продолжение войны. Чтобы избежать социальной напряженности, офицеры убеждали своих подчиненных в том, что тоже готовы защищать революцию до последней капли крови (Wildman, 1980. P. 291). Британский историк Эван Модсли считал, что «революционное оборончество» весной 1917 г. пользовалось популярностью среди населения (Mawdsley, 1978. P. 25). В начале апреля большевистские агитаторы сетовали на то, что их радикальная пацифистская пропаганда не имеет успеха среди рабочих. Рабочие воспринимали большевистский лозунг «Долой войну!» как угрозу для революции (Mandel, 1984. P. 72). Фабричные комитеты на крупных столичных предприятиях, таких как «Арсенал», «Обуховский» или «Трубочный», а также железнодорожники даже приветствовали наступление, начатое в середине июня 1917 г. Керенским (Рабочая газета. № 90. 25.6.1917. С. 4).

Эсеры и меньшевики шли двумя путями: с одной стороны, они хотели созвать в Стокгольме конференцию социалистических партий всех стран. Как западноевропейские социалисты, так и державы Антанты скептически относились к этим планам, упрекая советские партии в близости к левым циммервальдистам (Галили и др., 1994. С. 142–145; Kirby, 1982. P. 710). С другой стороны, эсеры и меньшевики стремились к заключению мира без аннексий и контрибуций. Поэтому они оказывали давление на Временное правительство, чтобы оно уговорило западных союзников России пойти тем же курсом и согласиться на «соответствующий пересмотр союзных договоров»

(Дан, 1926. С. 297). ЦК меньшевиков выразил в середине апреля убежденность в том, что русская революция положит конец мировой войне (Рабочая газета. № 34. 18.4.1917. Ко всем рабочим и работницам России; PISG, Menshevik Press. Bd. 2). Это показывает, что ЦК сильно переоценивал международное влияние русской революции – эту ошибку много лет спустя признал Федор Дан (Дан, 1926. С. 300, 302)¹.

Еще сильнее верность союзникам проявлялась в правом крыле неопопулистского лагеря: правые эсеры выступали не только за стратегический единый фронт с западными союзниками России, но и высказывались за «активную оборону», т. е. за наступательные операции (Штейнберг, 1920. С. 26). Они даже подвергали сомнению принцип «без аннексий и контрибуций», чтобы позволить Франции присоединение Эльзаса и Лотарингии, а также обеспечить Бельгии и другим государствам доступ к финансовым компенсациям за причиненный ущерб (Третий съезд ПСР. С. 142; Вишняк, 1954. С. 257)². Народно-социалистическая партия (НСП) призывала к защите родины не только от внешнего врага, но и от «максимализма некоторых... партий» внутри страны, к борьбе с «анархией», к подчинению частных интересов интересам всего населения, к самопожертвованию ради спасения отечества (Известия Гельсингфорского совета. № 163. 30.9.1917. С. 3). НСП, таким образом, связывала в своей аргументации внешнюю и внутреннюю политику, используя при этом типичные приемы антиреволюционной риторики и обвиняя оппонентов в максимализме и анархизме, чтобы дискредитировать радикалов.

«Отечество в опасности!» – под этим лозунгом уже в апреле 1917 г. выступало оставшееся вне РСДРП крайнее правое крыло социал-демократии вокруг Георгия Плеханова, Льва Дейча и Веры Засулич, а также правые меньшевики-оборонцы во главе с Александром Потресовым. В их понимании судьба России была неразрывно связана с судьбами западных союзников. Заявляя, что каждая страна должна сама решать свою судьбу, меньшевики-оборонцы в то же время сами нарушали этот принцип, исключая любые переговоры с императорами Германского рейха и Габсбургской империи (Единство. № 20. 22.4.1917. С. 1)³.

¹ Причину слабости России он видел в финансовой и материальной зависимости от западных союзников.

² Эсер-интернационалист Ю. Стеклов явно лукавит, утверждая, что все социалисты как один поддерживали эту формулу (Новая жизнь. № 7. 26.4.1917. С. 1).

³ Ср. критику Ленина. ПСС. Т. 24. С. 208.

Пока Центральные державы не принимали программу переговоров, предлагаемую Петросоветом, советские партии пропагандировали революционную защиту отечества (Дан, 1926. С. 296)¹. Их кредо точно сформулировал Ираклий Церетели: он говорил о почетной обязанности защищать российскую революционную демократию от разгрома империалистическими силами, тем самым обеспечивая ее существование (Цапенко, 1927. С. 41). Военные займы были срочно переделаны в «революционные займы»², а центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» в конце мая 1917 г. даже заявила, что российская армия уже не находится в руках «империалистов» (Рабочая газета. № 67. 28.5.1917. С. 2).

Такие заявления вызывали возмущение у левых интернационалистов. Пока союзники России тоже не откажутся от аннексий, война, по их мнению, будет служить интересам «буржуазии» и останется империалистической (Земля и воля. № 5. 28.3.1917. С. 3; Леонтьев, 2000. С. 54). Более того: русская кровь проливается за интересы, враждебные российской социалистической демократии (Третий съезд ПСР. С. 113). Такой конфликт социалисты не могут оправдывать, они не должны в нем участвовать, они должны с ним бороться (Устинов, 1917. С. 3; Иванов-Разумник, 1917b. С. 3). Левые эсеры (ЛСР) шли еще дальше, увязывая вопрос войны и мира с государственным устройством: Временное правительство, считали они, не сможет завершить войну, потому что оно не подвергает сомнению союзнические обязательства с «империалистическими» державами Антанты. На это способна только советская власть (Земля и воля. № 35. 5.5.1917. С. 2). Левые эсеры цитировали Коммунистический манифест: «У рабочих нет отечества» (Мстиславский, 1917. С. 16)³ и отвергали «революционную защиту отечества» как «социальный патриотизм» (Иванов-Разумник, 1917a. С. 25, 28). Они выступали также за то, чтобы меры по повышению боеспособности российских вооруженных сил принимались лишь после того, как западные союзники примут российскую формулу «без аннексий и контрибуций»,

¹ «Защищая русскую революцию, мы защищаем международное рабочее движение, которое везде и особенно в Германии упорно поднимает голову, вставая на решающую борьбу за мир. Оставить русскую революцию безоружной стало бы пробкой делу возрождения Интернационала. Революционная демократия России никогда не допустит такого предательства. Она будет защищаться до последней капли крови, потому что знает, что тем самым защищает дело пролетариев всех стран» (Заем свободы / Народная нива. № 1. 25.4.1917. С. 3).

² О критике интернационалистов в этой связи см.: Земля и воля. № 51. 26.5.1917; Там же. № 53. 28.5.1917. С. 2.

³ Он ссылался, правда, на Эрфуртскую программу.

и чтобы повышенная боеспособность использовалась исключительно для защиты от международного империализма (Третий съезд ПСР. С. 114; Земля и воля. № 53. 28.5.1917. С. 3).

В середине июня 1917 г. российская армия перешла в последнее крупное наступление. Революционные «оборонщики» оправдывали эту кампанию, с одной стороны, как стратегическое средство, служащее целям революции и, в частности, политике мира (Рабочая газета. № 85. 20.6.1917. С. 1; Там же. № 87. 22.6.1917. С. 1), с другой стороны, они прибегали к идейно-этическому парадоксу, считая, что можно достичь мира, в последний раз использовав насилие. Цель для них оправдывала средства (Weber, 2005. S. 604). В то же время они отмежевывались от правых социал-демократов во главе с Потресовым и Плехановым, а также их органов «День» и «Единство», прославлявших войну и русскую армию (Единство. № 70. 21.6.1917. С. 2; Рабочая газета. № 86. 21.6.1917. С. 2; Там же. № 88. 23.6.1917. С. 2; Там же. № 92. 28.6.1917. С. 1–2).

Наступление укрепило левых радикалов в убеждении, что в капиталистической системе «справедливый» мир невозможен, потому что «буржуазия» изначально ориентирована на аннексию и ее интересы несовместимы с интересами других классов или «народа». «Буржуазия», на их взгляд, скорее мешает мирным устремлениям пролетариата (Народная нива. № 50. 23.6.1917. С. 1; Третий съезд ПСР. С. 73; ср. Юрьев, 2011. С. 54). Большевики, левые эсеры и социал-демократы-интернационалисты сформулировали совместные резолюции (Рахметов, 1930. С. 42), в которых они призывали к превращению империалистической войны в гражданскую (Allgemeines Verwaltungsbüro Wien [Венский общедминистративный архив]. Бюллетень № 4. 22 апреля 1916. С. 15; Земля и воля. № 42. 14.5.1917. С. 3; Сухомлин, 1918. С. 5; Ленин. Собрание сочинений [СС]. Т. 23. С. 74; Т. 24. С. 151, 163, 225, 227; Шелохаев, 2002. С. 116), т. е. к борьбе с «империалистами» в собственной стране (Земля и воля. № 54. 30.5.1917. С. 1). Только классовая борьба в международном масштабе (Н. И., 1917. С. 8; Устинов, 1917. С. 3), полное освобождение всех эксплуатируемых наций в процессе мировой революции, на их взгляд, гарантировали настоящий демократический мир. Такие лозунги, как «Войне – война», «Гражданская война вместо гражданского мира» и «Мир через революцию» были частью идеологии радикальных интернационалистов (Земля и воля. № 50. 25.5.1917. С. 1; Социалист-революционер. № 7. 16.7.1917. С. 3; Трудовая республика. № 1–2. 25.6.1917. С. 1; Там же. № 6. 30.7.1917. С. 6; ГАРФ. Ф. р-6153. Оп. 1. Д. 67: Листовка левых эсеров «Под красным знаменем» (1917 г.). Л. 1; Воля народа. № 14. 14.5.1917. С. 3; Там же. № 29. 2.6.1917. С. 1; Третий

съезд ПСР. С. 111, 164; Камков, 1917. С. 38; Устинов, 1917. С. 15), среди них были также такие популистские лозунги, как, например, «Буржуев в окопы» (Трутовский, 1917. С. 1). Антивоенная пропаганда и усталость от войны достигли небывалых масштабов (Гельцер, 1983. С. 104).

Тот факт, что меньшевики упорно держались за марксистский тезис о том, что Россия нуждается в длительной фазе буржуазного развития, прежде чем созреет для перехода к стадии социализма, прочно привязывал партию к конституционным демократам, как партнеру по коалиции, и к западным державам Антанты. Хотя в анонимной статье, опубликованной в «Рабочей газете» еще в середине марта 1917 г., говорилось, что Россия не будет просить мира, но объявит войну «всем зачинщикам и пособникам международной бойни» (Рабочая газета. № 10. 17.3.1917. С. 1). ЦК РСДРП для крупных демонстраций, которые должны были состояться в Петрограде 18 июня, в момент начала наступления принял лозунг «Непримиримая борьба с империалистами всех стран!» (ИИГ, Menshevik Press. Bd. 2; Рабочая газета. № 82. 16.6.1917. С. 1), но это были лишь слова, за которыми не последовало никаких действий. Их цель состояла в том, чтобы успокоить массы. Неразрывно связывая свою судьбу вплоть до Октябрьского переворота с буржуазными силами, меньшевики не только способствовали продлению войны, но и сужали собственное пространство для маневра. Априори исключая переговоры о сепаратном мире, они не могли оказывать давление на западных союзников. Интернационалисты без основания упрекали меньшевиков в том, что они распрощались с борьбой за мир, требуя предъявить союзникам ультиматум: если они не согласятся на общие переговоры, то Россия не будет связана прежними обязательствами и будет вынуждена выйти из войны (РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 5. Л. 110б; Ascher, 1976. P. 103)¹.

Революционная война

Большевики – и Ленин в этом плане не были исключением – в течение 1917 г. по теме революционной войны систематически не высказывались. Но каждый раз, когда их подозревали в склонности к сепаратному миру с центральными державами, они это категорически отрицали – по крайней мере, до Октябрьского переворота (Ленин. СС. Т. 25. С. 21; ср. Дан, 1926. С. 295). Они во главе с Лениным даже

¹ Аналогичной позиции придерживались также эсеры-максималисты. Шелухаев, 2002. С. 111; Земля и воля. № 55. 31.5.1917. С. 2.

выступали за революционную войну (Ленин. СС. Т. 24. С. 152; Т. 25. С. 14, 26–29, 76). Еще в середине марта 1917 г. он высказывался за такую войну, чтобы предложить свои радикальные мирные условия¹. На тот случай, если в Германском рейхе не разразится революция, заявил Ленин в середине апреля 1917 г., нужно вести революционную войну (Ленин. СС. Т. 24. С. 162). К концу весны 1917 г. Ленин на словах даже выступал за революционную войну против капиталистов Англии, Японии и США, если они будут противиться заключению справедливого мира (Ленин. СС. Т. 25. С. 44). Но поскольку революционная война противоречила радикальной пацифистской пропаганде большевиков, в публичном пространстве они избегали выдвижения столь крайних требований (Service, 1992. P. 304–325).

8 декабря 1917 г. Лев Троцкий поставил перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) вопрос о том, что будет, если Учредительное собрание не одобрит мирный курс Совета Народных Комиссаров. Троцкий заявил, что большевики должны выйти из правительства, чтобы вместе с левыми эсерами призвать к «священной войне с милитаристами всех стран» (Троцкий, 1926. С. 143). О том, насколько популярной эта позиция была среди большевиков, свидетельствует тот факт, что из 400 членов их фракции в Московском совете 387 проголосовали за революционную войну (Фельштинский, 1992. С. 225). А еще десятью днями позже, т. е. во время рождественского перерыва в мирных переговорах в Брест-Литовске, Ленин потребовал в проекте резолюции Совета Народных Комиссаров агитировать за необходимость революционной войны (Ленин. СС. Т. 26. С. 395).

Более реалистичной позиция Ленина стала в новогодние дни, когда он был вынужден признать тот факт, что государства Антанты не будут принимать участие в мирных переговорах, а центральные державы не откажутся от аннексий и контрибуций: он отошел от требования начала революционной войны, объявив, что теперь нужна «передышка». В течение следующих почти двух месяцев Ленин боролся за то, чтобы убедить партию большевиков в верности предложенного им нового курса. После того как центральные державы 18 февраля возобновили военные действия, Советская Россия не начала

¹ Они звучали так: публикация всех секретных соглашений, никаких ограничений политики этими соглашениями, немедленное предложение перемирия всем воюющим сторонам, право народов на самоопределение, недоверие буржуазным правительствам, призыв «рабочего класса всех стран к свержению этих правительств, покрытие всех военных долгов исключительно «капиталистами»» (Ленин. СС. Т. 23. С. 373; Т. 26. С. 45). Левые эсеры также требовали опубликования секретных соглашений (Третий съезд ПСР. С. 115).

никакой «революционной войны». В проекте прокламации Совета Народных Комиссаров от 20 февраля было, правда, записано: «У нас только один выход: вести беспощадную революционную войну не на жизнь, а на смерть, войну за революцию, за власть народа, за самостоятельное решение собственных дел, за триумф мировой революции, за социализм» (Амиантов, 2006. С. 357). За этим призывом, однако, последовала не вооруженная борьба, а подписание аннексионного сепаратного мира. Ни левые коммунисты, призывавшие к «полевой гражданской войне» (Коммунист. № 8. 14.3.1918. С. 2), ни Троцкий, который всеми средствами затягивал переговоры в Брест-Литовске, опираясь на широкую поддержку в партии и правительстве своей позиции «ни мира, ни войны», не проявляли упорства в отстаивании своих убеждений. Они, скорее, подчинялись Ленину – очевидно, чтобы не допустить раскола партии. Так что «революционная война» осталась всего лишь идейно-стилистической фигурой. В политической практике социалистических партий в ходе Русской революции существенной роли она не сыграла.

«Не война, но восстание»

В середине января 1918 г. в центральном органе Партии левых социалистов-революционеров вышла статья члена ЦК Сергея Мстиславского под заголовком «Не война, но восстание» (Знамя труда. № 116. 12.1.1918. С. 2; Мстиславский, 1918b. С. 189). Автор как бы продолжал свою статью «Прямым путем» (Дело народа. № 63. 1.6.1917. С. 1; ср. Воля народа. № 30. 3.6.1917. С. 1; Мстиславский, 1918с. С. 7–12), напечатанную в начале июня 1917 г. в газете «Дело народа», – центральном органе ПСР. Мстиславский использует знаменитый фольклорный сюжет, изображённый художником Виктором Васнецовым в 1898 г. на картине «Три богатыря». В его интерпретации, русская революция находится на перепутье: «правая дорога» – к возобновлению военных действий на стороне Антанты, «левая дорога» – к сепаратному миру, а «дорога прямо» – это прекращение мирных переговоров и продолжение войны. Продолжение военных действий на стороне союзников, считает автор, невозможно по внутри- и внешнеполитическим причинам. Армия и население больше не хотят воевать. В данных условиях сепаратный мир хотя и представляется неизбежным, но его надо отвергнуть с учетом революции в Западной Европе. «Священную войну» советская власть вести не может. Еще Керенский претендовал на ведение такой войны. Кроме того, Мстиславский, который в качестве члена советской делегации

ездил в Брест-Литовск и пересекал при этом русские линии обороны, знал, что старая армия находится в состоянии распада. Автор сомневается в том, что трудящиеся массы поддержат возобновление военных действий. Пока нет социалистической армии, Советская Россия, на его взгляд, сражаться не может.

Размышления Мстиславского, превратившиеся в начале 1918 г. в главную внешнеполитическую линию его партии, в основном соответствовали концепции Троцкого «ни мира, ни войны», но отличались от нее одной существенной деталью: ЛСР и социал-демократы-интернационалисты намеревались начать восстание и на фронте, и в тылу с помощью небольших отрядов добровольцев и партизан. Они считали, что уже произошедший захват земель крестьянами ведет к тому, что крестьяне боятся возврата к старым порядкам и будут защищать свою землю (Знамя труда. № 116. 12.1.1918. С. 2; № 145. 1.3.1918. С. 1; № 147. 3.3.1918; № 148. 5.3.1918. С. 1; Наумова, 1918. С. 2)¹. До V Всероссийского Съезда Советов в июле 1918 г. диверсионные акты действительно происходили в приграничных областях и на Украине.

Сепаратный мир и передышка

После Февральской революции сепаратный мир представлялся не только политически совершенно нереальным, но и просто «немыслимым». На этом фоне становится понятным масштаб идейного переворота, совершенного отдельными социалистами-радикалами, в том числе многими видными представителями ЛСР, для которых идея сепаратного мира в течение 1917 г. была неким последним доводом – на тот случай, если западные союзники России не станут отказываться от своих военных целей, давая тем самым повод Германскому рейху к неучастию в мирных переговорах на основе российских предложений (Земля и воля, № 43, 16.5.1917: 3; там же, № 55, 31.5.1917: 2; Третий съезд ПСР: 159; Wildman 1987: 390).

Такая осторожная тактика постепенного выхода на позиции, прежде казавшиеся невозможными, просматривается в опубликованной в середине мая 1917 г. статье «За что сражается Россия», автором которой является известный литератор Р. Иванов-Разумник, идейно близкий левым эсерам. Рассмотрев интересы империалистиче-

¹ О позиции СД-интернационалистов см.: РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 18. Л. 5об.; Учредительный съезд. С. 10. О создании партизанских отрядов: Мандель, 1985. С. 388; Рабинович, 2007. С. 207.

ских государств, включая Россию, он задает вопрос: «Что делать? Немедленно закончить войну, выйти из нее, заключить отдельный мир с Германским рейхом? Этого не предлагает народу ни одна революционная социалистическая партия». Единственно возможным вариантом действий является оказание давления на державы Антанты, чтобы заставить их отказаться от аннексий и контрибуций. Если же союзники России на это не пойдут – этим Иванов подготавливает резкий поворот, – тогда «революционная Россия обязана немедленно выйти из войны, даже если это произойдет путем сепаратного мира с Германией», которая, правда, должна со своей стороны отказаться от захвата территорий (Иванов-Разумник, 1917b. С. 3). Иванов недвусмысленно заявляет, что партикулярные интересы России важнее, чем ее международные обязательства, но при этом он не требует мира любой ценой (Read, 2013. P. 74).

В принципе все российские социалистические группировки отвергали сепаратный мир (Шелохаев, 2002. С. 121)¹. Даже в лагере тех, кто – как ЛСР – в течение 1917 г. постоянно требовал проведения самостоятельной внешней и военной политики, декрет о мире, предложенный в конце октября II Всероссийскому съезду советов, был встречен весьма прохладно. Мстиславский (ЛСР) называл его «пустой болтовней». Реально оценивая последствия «Декрета о земле», также принятого съездом советов, он высказывал опасения по поводу обороноспособности российских вооруженных сил и предполагал, что крестьяне покинут свои подразделения, чтобы участвовать в распределении земли. В обстановке распада армии предлагаемые властью советов переговоры о перемирии, по его мнению, сыграли бы на руку империалистам обоих блоков (Мстиславский, 1918a. С. 5, 6–7, 23).

В «Апрельских тезисах» Ленин требовал не только братания, за которое решительно выступали группировки интернационалистов (Шляпников, 1992. С. 402) и которое столь же решительно отвергали «оборонщики» (Ленин. СС. Т. 24. С. 4; Единство. № 23. 23.4.1917. С. 2; Социалистическая революция, 1981. С. 56), но и категорически не соглашался со сторонниками революционной защиты отечества. Не стоит, однако, абсолютизировать эти высказывания. Позиции

¹ О позиции Трудовой народно-социалистической партии см.: Сыпченко, 2005. С. 499. Меньшевики и эсеры отвергали сепаратный мир из уважения к социалистам стран Антанты и демократическим традициям западноевропейских государств. ПСР категорически отвергли его на III съезде в мае 1917 г. Columbia University, Bakhtmeteff Archive. SR-Party. Box 4: Manuscripts – Anonymous. 3; Третий съезд. С. 197, Воля народа. № 6. 5.5.1917. С. 4; № 11. 11.5.1917. С. 2; РСДРП: Рабочая газета. № 52. 10.5.1917. С. 2; Галили и др., 1994. С. 348; Дан, 1926. С. 295. Левые эсеры (ЛСР), как правило, также отвергали сепаратный мир, см.: Штейнберг, 1917. С. 2.

Ленина обусловлены конкретным контекстом, но при определенных условиях социалисты-радикалы – от эсеров-максималистов (Додин, 1917. С. 6; Задачи момента, 1917. С. 3; 1-я Областная конференция. С. 2) и социал-демократов-интернационалистов (РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 18. Л. 5об) до большевиков (Ленин. СС. Т. 23. С. 384; Т. 24. С. 293; Т. 25. С. 14) – были готовы защищать революцию (Ленин. СС. Т. 24. С. 3–4). Когда Ленин в феврале 1918 г. после возобновления военных действий писал призыв «Социалистическое отечество в опасности», он призывал народ к оружию. Качественное отличие состояло теперь в том, что на карту были поставлены не интересы «капитала», «буржуазии» или партии Конституционных демократов, а интересы первого в мире социалистического государства¹.

На рубеже 1917–1918 гг. большевики были отнюдь не едины в вопросе войны и мира. В партии, скорее, имелись две крайних позиции, которые Троцкий пытался примирить посредством лозунга «Ни мира, ни войны»: левые коммунисты вокруг Николая Бухарина выступали за революционную войну, Ленин же решительно высказывался в пользу сепаратного мира. Ленин был убежден, что господствующее положение его партии можно обеспечить только с помощью радикального мирного курса. Это убеждение подкреплялось тем фактом, что после Февральской революции именно радикальная пацифистская пропаганда больше всего способствовала повышению популярности большевиков. В то время как все остальные советские партии отвергали сепаратный мир, Ленин его не боялся. Эта линия выделила большевиков среди других партий: они были единственной «партией мира», все остальные по разным причинам выступали за вооруженную борьбу. Таким образом, имеется достаточно оснований для предположения, что Ленин сменил политический курс, умело просчитав соотношение внутривнутриполитических сил (Häfner, 1994. S. 364).

Итак, сначала Ленин, затем большевистский ЦК (после 18 февраля), 24 февраля ВЦИК, высший орган исполнительной власти между съездами советов, после VII чрезвычайного съезда, состоявшегося в начале марта 1918 г., затем партия и, наконец, неделей позже IV чрезвычайный Съезд советов выразили готовность признать мирный договор, чтобы консолидировать советскую власть на внутри- и внешнеполитическом уровне и получить за счет этого передышку, которую все большевики считали эфемерной. К тому же, чтобы улучшить положение Советской России, Троцкий обратился к США с вопросом,

¹ Аналогичная логика уже имела место в статье «Не то» (Трудовая республика, № 6, 30.7.1917: 1).

может ли Советская Россия рассчитывать на военную помощь со стороны государств Антанты в случае продолжения военной конфронтации с Центральными державами (Bakhmeteff Archive. Ms. Coll. Thacher, Robins, Raymond [Petrograd]. 10 March 1918. P. 1–3).

Внутрироссийские споры по вопросу войны и мира были очень жаркими. Чтобы обеспечить себе большинство внутри партии, Ленин не останавливался перед угрозой ухода в отставку, а Свердлов грозил лишить противников заключения мира императивных мандатов или даже исключить их из партии (Service, 1997. P. 237). Партия левых эсеров, состоявшая с начала декабря 1917 г. в коалиции с большевиками, не была готова к заключению мира под диктовку центральных держав (Камков, 1918а. С. 27). Левые эсеры – как и значительная часть членов партии большевиков – отвергали «передышку». Они считали, что это не только капитуляция перед «германским империализмом», но и своего рода грехопадение русской революции, предательство дела интернационализма (Камков, 1918а. С. 27–29; Мстиславский, 1918а. С. 65). Член ЦК ЛСР Павел Шишко заявил в конце февраля 1918 г.: «Пусть немцы идут куда хотят – нас спасет революция на Западе; но наша революция должна оставаться чистой и незапятнанной» (Известия Гельсингфорского совета. № 36. 26.2.1918. С. 2). Моральное возмущение условиями предлагаемого мира было велико: говорили о «социалистическом позоре», «купленном мире» (Мстиславский, 1918b. С. 198), о зашоренности и национальной ограниченности (Камков, 1918b. С. 218). Согласно чрезвычайно жестким условиям Брестского мирного договора, Советская Россия теряла более одного миллиона квадратных километров площади, 26 % населения, 37 % среднего урожая, 73 % производимого железа и 75 % добычи угля. Кроме того, она была обязана компенсировать затраты центральных держав на содержание российских военнопленных, т. е. фактически заплатить миллиардную контрибуцию (Häfner, 1994. S. 337–338). Левые эсеры заявили, что надежды на передышку – это всего лишь иллюзия, хотя бы из-за политических и экономических издержек в связи с мирным договором (Леонтьев-Нечаев, 1918. С. 11).

Было бы ошибкой утверждать, что негативное отношение к Брестскому миру было непопулярным или что идея революционной войны не пользовалась поддержкой масс (Mawdsley, 1978. P. 146). Скорее все было как раз наоборот. Это подтверждают результаты опросов, проводившихся по всей стране. В первую очередь пролетарские центры, губернские советы, а также крестьянские советы голосовали против мирного договора (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 35; Häfner, 1994. S. 380–389). Но между словесным отрицанием и готов-

ностью с оружием в руках реально сражаться за убеждения зияла непреодолимая пропасть. Отряд кронштадтских матросов, который под Нарвой попытался подняться на борьбу непосредственно перед подписанием мира 3 марта, вскоре ударился в панику и разбежался (Mawdsley, 1978. P. 145).

Этот эпизод, однако, не означает, что заключение мира было неизбежным. Германский рейх нуждался в войсках с восточного фронта для проведения наступательной операции «Михель» на западном фронте. В 1918 г. в условиях американской интервенции Германский рейх был готов к ведению войны на два фронта еще меньше, чем в 1914 г. В этом состоял шанс на выживание Русской революции.

Резюме и выводы

Радикалы-циммервальдисты в 1917 г. находились в удобном положении политической оппозиции. Они могли в равной мере критиковать как политику Временного правительства, так и политику большинства Петросовета, не беря на себя при этом никакой ответственности. В своем сочинении «Политика как профессия», увидевшем свет непосредственно после революции 1919 г., либерал Макс Вебер не только по идейным соображениям демонстрирует негативное отношение к революционно-социалистическим позициям леворадикальных циммервальдцев. Поставленные перед выбором: «еще несколько лет войны и потом революция или же мир сейчас и никакой революции», они решили, руководствуясь идейно-этическими аргументами, что цель оправдывает средства и надо продолжать войну (Weber, 2005. P. 604). Ему претила одержимость «определенного типа интеллигентов – прежде всего русских», которую Вебер, ссылаясь на Георга Зиммеля, называл «стерильным возбуждением» (Weber, 2005. P. 598).

Меньшевики и эсеры не относились к этому типу. Они действовали политически ответственно, потому что после Февральской революции поставили государственность выше партийно-политических интересов, вступили в коалицию с либералами, взяли на себя административную ответственность и искали компромиссов. Несмотря на свою «страсть в смысле деловитости: страстной преданности “делу”» и чувство ответственности, умеренные русские социалисты все же не отвечали веберовскому типу идеального политика, поскольку не обладали третьим качеством, которого он требовал, – глазомером.

На собственном болезненном опыте меньшевикам пришлось убедиться в том, что революции – это не только моменты истины, но и

периоды ускоренного течения времени. Вместо того чтобы прагматично действовать, они настаивали на выполнении якобы объективных, заданных историческим развитием условий. Вместо того чтобы пригрозить державам Антанты выходом из войны, чтобы, возможно, добиться в ходе переговоров политических, финансовых и экономических уступок, они признали договоры, заключенные старым режимом. Но без уступок эти дипломатические обязательства оказались – прежде всего во внутривосточном плане – неисполнимыми, поскольку пропасть между революционной претензией на роль самого свободного в мире государства и политической реальностью была непреодолимой. Пространство для маневра обеих умеренных социалистических партий сокращалось по мере того, как обострялась конфронтация с либералами и «буржуями», с одной стороны, и собственной пролетарской базой – с другой. Закрытие первых предприятий поздней весной 1917 г. показало, что даже военная экономика не гарантирует надежных рабочих мест. Длинный рабочий день, инфляция и сокращение реальных зарплат усилили забастовочные настроения среди рабочих. Следствием этого стали локауты и закрытие предприятий – одним из ответов было управление производством фабрично-заводскими комитетами. Политическая революция все больше приобретала социальный характер.

Растущая поляризация российского общества делала его все более восприимчивым к радикальной пропаганде левых циммервальдцев. Большевики наращивали свое политическое влияние, в частности, благодаря радикальной антивоенной пропаганде. Они представляли собой альтернативу меньшевикам и эсерам, которые поддерживали Временное правительство. Если не принимать во внимание небольшую группу эсеров-максималистов, то большевики были единственной организованной и самостоятельной политической силой, выступавшей за мир. Все остальные социалисты, разделявшие позицию большевиков по вопросу войны и мира, такие как левые эсеры или меньшевики-интернационалисты, были всего лишь фракциями в рамках более крупных партий, одобрявших войну.

Именно эти внутривосточные разногласия привели к фатальной негибкости и неподвижности, следствием которых было то, чего меньшевики и эсеры хотели избежать – утрата доверия к основанной на праве демократической парламентской системе, подъем политического радикализма, распространение произвола и аннексионистский сепаратный мир. Лишь в эмиграции один из лидеров меньшевиков Дан признал, что «немедленное прекращение войны [так в оригинале. – *Примеч. автора*], даже ценой тяжелейших жертв» было политическим императивом, *conditio sine qua non* для обеих ведущих

советских партий (Дан, 1926. С. 303). Хотя история и не имеет сослагательного наклонения, но учитывая имеющееся на тот момент соотношение сил, надо признать, что условия сепаратного мира в 1917 г. были бы для революционной России намного мягче, чем реальные условия Брестского мира 1918 г.

Левые эсеры отвергали такой сепаратный мир, потому что он, по их мнению, не мог спасти русскую революцию, а наоборот ставил на карту ее существование. Он укреплял империалистический лагерь центральных держав, уничтожая последнюю надежду на мировую революцию. Сочетание уступчивой политики по отношению к центральным державам, трудностей со снабжением населения и закрытием предприятий из-за потери украинских житниц и угольно-рудных запасов превращало в химеру «передышку», о которой говорил Ленин. Ее прекращение представлялось левым эсерам панацеей от всех недугов, которыми страдала Советская Россия.

В то же время нельзя упускать из виду тот факт, что Брестский мир подрывал авторитет большевиков (Юрьев, 2011. С. 215). Рабочие все больше отворачивались от них, как показывали результаты многочисленных региональных выборов в советы, прошедших до июня 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 33; Дело народов. № 2. 19.1.1918. С. 2; Дело. № 1. 23.1.1918. С. 2; Новая жизнь. № 18 (232). 25.1.1918. С. 3; Бернштам, 1981. С. 55–105; Бровкин, 1983; Гетцлер, 1983. С. 183, 186; Мандель, 1984. С. 390–391; Smith, 2011. P. 16–17).

В конечном счете Брестский мир оказался эфемерным: после начала Ноябрьской революции в Германии (13 ноября 1918 г.) Совет Народных Комиссаров денонсировал мирный договор. Но по причине его глубокого влияния на внутривосточные процессы он является важнейшей вехой ранней советской истории (Häfner, 2013. S. 122–123). Ратификация мирного договора IV Чрезвычайным Всероссийским съездом советов в середине марта 1918 г. стала в то же время знаком упущенных внутривосточных шансов на основе негативной интеграции под влиянием извне: сотрудничество или нечто вроде единого фронта всех социалистических партий было возможно, но цена этого единства была бы высока – продолжение войны (Новая жизнь. № 28 (242). 19.2.1918. С. 1; № 29 (243). 20.2.1918. С. 1; Стенографический отчет, 1920. С. 47; ср. текст резолюции Нижнетагильского совета: Знамя труда. № 144. 28.2.1918. С. 3; Гетцлер, 1983. С. 184–185). Общенациональная оборонная кампания как интегративный фактор могла бы сработать, если бы ей были подчинены партикулярные интересы разных сил. Эту возможность не стоит, конечно, переоценивать, но советские партии во многих органах смогли прийти к согласию – от ВЦИК и Второго Всесибирского

съезда советов до Орловского и Саратовского губернских советов (Известия Саратовского Совета. № 34. 26.2.1918. С. 1; Коваленко, 1967. С. 152). Догматическое упорство Ленина, настаивавшего на необходимости «передышки», подавило, однако, противоречащий его политическим взглядам процесс взаимного сближения социалистических партий. Социал-демократ, интернационалист Б. В. Авиллов в этой связи метко подчеркнул, что большевики выступали за сепаратный мир с центральными державами и одновременно за продолжение гражданской войны внутри страны (Новая жизнь. № 29 (243). 20.2.1918. С. 1)¹.

Источники и литература

Архивы

Allgemeines Verwaltungsarchiv Wien: SD Parteistellen 190: Korrespondenz A–K: Internationale sozialistische Kommission zu Bern, Bulletin № 4. 22. April 1916 [Общий административный архив Вены: СД партийные органы 190: Переписка А–К: Международные социалистические комиссии в Берне, Бюллетень № 4. 22 апреля 1916 г.].

Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Columbia University. New York: Ms. Coll. Thacher. SR–Party Collection.

ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации):

Фонд Р–6153: Профессиональный союз литературных работников из России, живущих за границей, – г. Париж. Оп. 1.

IISG (International Instituut voor Sociale Geschiedenis): Karl Kautsky Papers. Menshevik Press. Bd. 2: резолюции Центрального комитета меньшевиков.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории): Ф. 274: Центральный комитет партии социалистов-революционеров (эсеров) за 1891–1923 гг. Оп. 1; Ф. 444: Российская социал-демократическая рабочая партия (интернационалистов). Оп. 1.

Ежедневные газеты, периодика

Дело. Орган Петроградского комитета Партии социалистов-революционеров

Дело народа. Орган Центрального комитета Партии социалистов-революционеров

Единство. Ежедневная рабочая газета

Голос социал-демократа. Орган Центрального комитета Росс. Социал-демократ. Раб. Партии (интернационалистов)

Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов

Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих

Известия Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Районного исполнительного комитета

Коммунист. Еженедельный журнал экономики, политики и общественной жизни. Орган Московского областного бюро Р.К.П. (большевиков)

Народная нива. Гельсингфорский отдел Партии социалистов-революционеров

Новая жизнь. Общественно-литературная социал-демократическая газета

Рабочая газета. Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии

Социалист-революционер. Орган Гельсингфорской группы левых социалистов-революционеров-интернационалистов

Трудовая республика. Издание Петроградской и Кронштадтской инициативных групп эсеров-максималистов

Воля народа. Литературно-политическая ежедневная газета Партии социалистов-революционеров

Воля труда. Орган Союза эсеров-максималистов. Издание Петроградской и Шлиссельбургской организаций

Земля и воля. Ежедневная народная газета. Издание Петроградского областного комитета Партии социалистов-революционеров

Знамя труда. Орган Центрального комитета Партии левых социалистов-революционеров

Источники

1-я Областная конференция Союза эсеров-максималистов // Воля труда. № 3. 15.10.1917. С. 1–2.

Амиантов Ю. Н. (ред.) (2006). Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М.: РОССПЭН.

Бернштам М. С. (ред.) (1981). Независимое рабочее движение в 1918 году: Документы и материалы. Париж: УМСА.

Вишняк М. В. (1954). Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд. Имени Чехова.

Галили З., Ненароков А., Хеймзон Л. (ред.) (1994). Большевики в 1917 году. Т. 1: От января до июльских событий. М.: РОССПЭН.

Додин А. (1917). О войне // Воля труда. Орган Союза эсеров-максималистов. Издание Петроградской и Шлиссельбургской организаций. № 1. 1.9.1917. С. 6–7.

Ерманский О. А. (1927). Из пережитого (1887–1921 гг.). М.; Ленинград: Государственное издательство.

Задачи момента // Воля труда. № 2. 12.9.1917. С. 1–3.

Иванов-Разумник Р. В. (1917а). Социализм и революция // Наш путь (1917). № 1. С. 25–30.

Иванов-Разумник Р. В. (1917б). За что идет война. За что воюет Россия? // Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. № 52. 18.5.1917. С. 3.

Камков Б. Д. (1917). Два пути // Наш путь (1917) 1. С. 37–40.

¹ Аналогично высказался также саратовский меньшевик Димант (Известия Саратовского Совета. № 45. 10.3.1918. С. 2).

Камков Б. Д. (1918a). Две тактики. Москва: Революционный социализм.
Камков Б. Д. (1918b). В плену у контрреволюции // Наш путь (1918) 2. С. 214–223.

Левин В. М. (1918). Эволюция советских организаций // Наш путь (1918) 2. С. 224–232.

Леонтьев Я. В. (ред.) (2000). Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1: июль 1917 г. – май 1918 г. М.: РОССПЭН.

Леонтьев-Нечаев И. (1918). Очерк возникновения партии левых социалистов-революционеров // Резолюции и постановления I и II всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С приложением проекта программы и организационного устава. М.: Революционный социализм.

Мстиславский [Масловский] С. Д. (1918a). Брестские переговоры. (Из дневника). С приложением протоколов 1-й Брестской конференции и других документов. 2-е изд. СПб. [sic]: Скифы.

Мстиславский С. Д. (1917). «Спасение революции» // Наш путь (1917) 1. С. 12–25.

Мстиславский С. Д. (1918b). Испытание властью // Наш путь (1918) 2. С. 187–213.

Мстиславский С. Д. (1918c). Не война, но восстание. 3-е изд. М.: Революционный социализм.

Н. И. [Николай Иванович Ривкин (?)] (1917). О патриотизме и социальной революции // Трудовая республика. Издание Петроградской и Кронштадтской инициативных групп эсеров-максималистов № 3. 2.7.1917.

Наумова Е. (1918). Почему наша партия не ратифицировала мирный договор // Революционная работница. Двухнедельный журнал, издаваемый инициативной группой работниц партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. № 3 (апрель 1918). С. 1–3.

Не то // Трудовая республика. Издание Петроградской и Кронштадтской инициативных групп эсеров-максималистов. № 6. 30.7.1917.

Рахметов В. Н. (ред.) (1930). Первый Всероссийский съезд советов Р. и С. Д. / Предисл. Я. А. Яковлева. М.; Ленинград: Государственное издательство.

Скобелев М. И. (2013) // The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 / Ed. by S. Lyandres. Oxford: Oxford University Press. S. 166–218.

Старцев В. И., Токарев Ю. С. (ред.) (1993). Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года. В 5 т. Т. 1: 27 февраля – 31 марта 1917 года. 2-е изд. М.; СПб.: РОССПЭН.

Стенографический отчет 4-го чрезвычайного съезда советов рабоч., солдатск., крестьянск. и казачьих депутатов. М.: Государственное издательство, 1920.

Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3 тт. М.: Изд. Политической литературы, 1991, 1992. Т. 1, 2. М.: Изд. Республика. Т. 3.

Сухомлин В. В. (1918). Борьба за мир и стокгольмская конференция // Партийные Известия. Двухнедельный журнал. Издание Центрального комитета Партии социалистов-революционеров. № 6. 21.3.1918. С. 1–10.

Третий съезд Партии социалистов-революционеров. Петроград: Изд. Центрального комитета, 1917.

Троцкий Л. Д. (1926). Сочинения. Серия 5: На пути к социализму. Т. 17: Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1: Первоначальный период и организации сил. М.: Государственное издательство.

Трутовский В. Е. (1917). Буржуи в окопы! // Земля и воля. Ежедневная народная газета. Издание Петроградского Областного комитета Партии социалистов-революционеров. № 72. 20.6.1917. С. 1.

Устинов А. М. (1917). Интернационал и война (Лекция, прочитанная 21 сентября 1917 г. на курсах Северного комитета П. С.Р.). Петроград: Революционный социализм.

Учредительный съезд Р. С.-Д. Р. Партии (интернационалистов) (бывших организаций объединенн. Интернац.) 14–20 января 1918 года // Голос социал-демократа. Орган Центрального комитета Росс. социал-демократ. раб. партии (интернационалистов) (Петроград). № 5–6. 11.2.1918. С. 7–40.

Цапенко М. Н. (ред.) (1927). Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство.

Шелохаев В. В. (ред.) (2002). Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М.: РОССПЭН.

Шляпников А. Г. (1992). Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 2 т. Т. 2. М.: Республика.

Штейнберг И. З. (1917). Почему у нас новое правительство? // Земля и воля (Уфа). № 18. 17.5.1917. С. 2.

Штейнберг И. З. (б.г. [1920]). От февраля по октябрь 1917 г. Берлин; Милан: Скифы.

Dan Th. [Fedor] (1926). Die Sozialdemokratie Rußlands nach dem Jahre 1908 // Martow [Martov] Ju. Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Mit einem Nachtrag von Th. Dan. Autorisierte Übersetzung von Alexander Stein. Berlin, rpt. Erlangen: J. H.W. Dietz Nachf., 1973 [Федор Дан (1926): Социал-демократия России после 1908 года // Ю. Мартов. История российской социал-демократии. С дополнением Ф. Дана. Авторизованный перевод Александра Штейна. Берлин, Эрланген: Й. Х.В. Дитц насл., 1973]. S. 223–329.

Hellmann M. (Hg.) (1977). Die russische Revolution 1917: Von der Abdankung des Zaren bis zum Staatsstreich der Bolschewiki [Хельманн М. (ред.) (1977). Русская революция 1917 года: От отречения царя до государственного переворота большевиков]. München: dtv.

Lenin W. I.: Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der KPdSU. Ins Deutsche übertragen nach der 4. russ. Ausgabe. Bd. 1–40, Ergänzungsbände 1 u. 2. Berlin (Ost), 1955–1965, 1969 u. 1971: Dietz [Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КСС. Перевод на немецкий по 4-му русскому изданию, тт. 1–40, дополнительные тома 1 и 2. Берлин (Вост.), 1955–1965, 1969 и 1971: Дитц].

Liebkecht K. (1966). Gesammelte Reden und Schriften. Bd. 8: August 1914 bis April 1916 [Либкнехт К. (1966). Собрание речей и сочинений. Т. 8: август 1914 – апрель 1916], Berlin (Ost): Dietz.

Sozialistische Revolution in einem unterentwickelten Land? Texte der Menschewiki zur Russischen Revolution und zum Sowjetstaat aus den Jahren 1903–1940 [Социалистическая революция в отсталой стране? Тексты

меньшевиков о русской революции и советском государстве, 1903–1940]. Hamburg: Junius, 1981.

Weber M. (2005). Politik als Beruf // M. Weber. Politik und Gesellschaft [Вебер М. (2005). Политика как профессия // М. Вебер. Политика и общество]. Frankfurt/M.: Zweitausendeins. S. 565–610.

Литература

Галили З. (2007). От группы кружков до зенита политического влияния. Документы меньшевистской партии первых шести месяцев революционного 1917-го // РСДРП (о) в 1917 году. Историко-документальные очерки. М.: Новый хронограф. С. 71–111.

Коваленко Д. А. (ред.) (1967). Советы и первый год пролетарской диктатуры, октябрь 1917 – ноябрь 1918. Т. 2. М.: Наука.

Сыпченко А. В. (2005). Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 годах // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: РОССПЭН. С. 488–504.

Фельштинский Ю. Г. (1992). Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Книговек.

Юрьев А. И. (2011). Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле.

Ascher A. (1976). The Mensheviks in the Russian Revolution. London: Thames & Hudson.

Brovkin V. N. (1983). The Mensheviks' Political Comeback: The Election of the Provincial City Soviets in Spring 1918 // Russian Review 42, 1. С. 1–50.

Getzler I. (1983). Kronstadt 1917–1921, The fate of a Soviet democracy. Cambridge: Cambridge University Press.

Häfner L. (1994). Die Partei der Linken Sozialrevolutionäre in der Russischen Revolution 1917/18 [Хефнер Л. (1994). Партия левых социалистов-революционеров в Русской революции 1917/18]. Köln, Weimar, Wien: Böhlau.

Häfner L. (2013). Von “Sturmvoegeln” und “Don Quixoten”: Vier Publikationen zu den Parteien des neonarodničestvo in Revolution und Bürgerkrieg // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas [Хефнер Л. (2013). О «буревестниках» и «донкихотах»: Четыре публикации о партиях нео-народничества в годы революции и гражданской войны // Ежегодники по истории Восточной Европы]. 61, 1. С. 119–125.

Kirby D. (1982). International Socialism and the Question of Peace. The Stockholm Conference of 1917 // Historical Journal 25, 3. S. 709–716.

Mandel D. (1985). The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days, 1917. London: Macmillan.

Mawdsley E. (1978). The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 – April 1918. London, Basingstoke: Macmillan.

Rabinowitch A. (2007). The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd, Bloomington, IN: Indiana University Press.

Read C. (2013). War and Revolution in Russia, 1914–1922: The Collapse of Tsarism and the Establishment of Soviet Power. Basingstoke: Palgrave, Macmillan.

Service R. (1992). The Bolsheviks on Political Campaign in 1917: A Case Study of the War Question // Revolution in Russia: Reassessments of 1917 / Ed. by Jo. Frankel, G. Frankel and B. Knei-Paz. Cambridge: Cambridge University Press. S. 304–325.

Service R. (1997). The Bolshevik Party // Critical Companion to the Revolution 1914–1921 / Ed. by E. Acton, V. Iu. Cherniaev, W. G. Rosenberg. London, Sydney, Auckland: Indiana University Press. P. 231–244.

Smith S. B. (2011). Captives of revolution, the socialist revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh: Pittsburgh University Press.

Wade R. A. (1969). The Russian Search for Peace, February–October 1917. Stanford, CA: Stanford University Press.

Wildman A. K. (1980). The End of the Russian Imperial Army. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Wildman A. K. (1987). The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, NJ: Princeton University Press.

ОТНОШЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К РОССИИ И СССР В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Юрген Царуски

Возникновение Советской России и затем Советского Союза поставило перед немецкой социал-демократией Веймарской республики сразу несколько крупных вопросов. Первый из них касался ее самоидентификации. До Первой мировой войны немецкая социал-демократия была передовым организационным и идейным отрядом международного социалистического рабочего движения. Карл Каутский, влияние которого распространялось далеко за границы Германии, предложив умеренно-эволюционную интерпретацию марксизма, задал интеллектуальные рамки для парламентско-реформистской практики, при этом не отказываясь от перспективы построения социалистического общества. В то же время большевики, претендовавшие на роль хранителей печати истинного марксизма, совершив государственный переворот, установили так называемую «диктатуру пролетариата» в стране, где пролетариат составлял сравнительно небольшое меньшинство. Но их решительность и четкий отказ от продолжения Первой мировой войны быстро обеспечили им популярность в широких кругах европейских рабочих.

Многие увидели в русской революции образец для социалистического рабочего движения. Этим был обусловлен второй вызов для социал-демократии – раскол социалистического рабочего движения.

Наконец, Россия и затем Советский Союз стали внешнеполитическим вызовом для социал-демократии, которая в Веймарской ре-

спублике впервые получила возможность серьезно влиять на международную политику Германии. В этой сфере также с самого начала обнаружилось серьезные противоречия.

Эти вызовы и реакцию на них социал-демократии автор иллюстрирует несколькими конкретными примерами.

Раскол социалистического рабочего движения

Надежда Ленина и Троцкого на то, что начавшаяся в России революция распространится на промышленно развитые страны Европы и прежде всего на Германию, перейдет в мировую революцию и тем самым разрешит парадокс социалистической революции в социально-экономически отсталой стране, не оправдалась. Революция в Германии пошла, как известно, в другом направлении. Леворадикальное крыло немецкого рабочего движения было этим разочаровано не меньше. На этом фоне росло восхищение успехами большевиков. Коммунистическая партия Германии (КПГ/КПД), основанная зимой 1918/19 г., стала партией, которая в значительной мере ориентировалась на советскую модель, но поначалу оставалась относительно малочисленной. Идеи революции в Германии продвигала созданная в апреле 1917 г. Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ/USPD), объединившая социал-демократов, выступавших против войны. В ноябре 1918 г. она насчитывала 100 тыс. членов. Под влиянием революционных событий в нее вливалось большое количество сторонников, зачастую только что включившихся в политическую жизнь, так что к осени 1920 г. ее численный состав превысил 800 тыс. Симпатии к революционной России в партии настолько выросли, что критиков большевизма уже вряд ли кто-то стал бы слушать. При этом надо отметить, что основные направления социал-демократической критики большевизма сложились прежде всего в структурах НСДПГ.

Еще в конце 1917 г. Карл Каутский в газете «*Leipziger Volkszeitung*» подверг критике волонтаризм большевиков, которые хотели построить социализм в стране, в которой не было для этого социальных предпосылок. Александр Шейн, рижский меньшевик, эмигрировавший после революции 1905–1906 гг. в Германию, передавал полученную от российских товарищей информацию о жесткой диктатуре большевиков и их планах, касающихся роспуска Учредительного собрания, если результаты выборов не будут отвечать их ожиданиям. Противоречие между социалистическими идеями и социально-экономической реальностью, а также неприятие жестокого подавления

¹ Основой выступления является работа: Zarusky J. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell. Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitische Konzeptionen [Царуски Ю. Немецкие социал-демократы и советская модель. Идеологическая дискуссия и внешнеполитические концепции]. München, 1992. На русском языке вышли работы: От царизма к большевизму. Немецкая социал-демократия и «азиатский» деспотизм // Германия и русская революция 1917–1924. Издание Герда Кенена и Льва Копелева / Под ред. Я. Дабкина. М., 2004. С. 100–123.

демократических свобод составляли основу критики большевизма со стороны социал-демократов, которая отвечала идеологии немецкой социал-демократической партии большинства (MSPD), но замалчивалась в 1919–1920 гг. в рядах USPD. Это табу было нарушено лишь тогда, когда независимым (USPD) летом и осенью 1920 г. пришлось принимать решение о вступлении в Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Состоявшая из четырех человек делегация USPD приняла участие во II Съезде Коминтерна, прошедшего в Москве в конце июля – начале августа 1920 г. Не только жестко сформулированный Лениным перечень условий приема, состоящий из 21 пункта, но и то, что рассказали о реальной жизни Советской России два делегата от правого крыла USPD Артур Криспин и особенно Вильгельм Дитманн, определили затем направление дискуссии в партии. Дитманн рассказал в органах печати USPD о разочаровании немцев, переехавших в Россию, которые хотели как можно скорее покинуть страну своей мечты, что вызвало в партии жаркие споры. Неоднозначный отклик вызвала и вторая публикация, в которой советский социализм был представлен как жестокая диктатура небольшой верхушки. О том, насколько важную роль отношение к Советской России играло в идейных дебатах USPD, свидетельствует также тот факт, что и сторонники, и противники вступления в Коминтерн на решающем съезде партии в октябре 1920 г. в Галле попросили выступить со своей стороны видных российских политиков – председателя Коминтерна Григория Зиновьева и незадолго до этого выдворенного в Германию лидера меньшевиков Юлия Мартова. Мартов выступил с резким осуждением преследования в Советской России социалистов, не входящих в коммунистическое течение. Но исход дебатов был предопределен составом съезда, в котором сторонники Коминтерна имели небольшое преимущество. Так что большинство членов USPD влились в KPD, членский состав, которой вырос более чем в пять раз, достигнув 450 тыс. Оставшаяся часть USPD в 1922 г. вновь объединилась с MSPD. Дискуссия вокруг 21 условия, которые многими воспринимались как воплощение жесткого централизма Москвы и как «диктатура над рабочим классом», а также дебаты о политической действительности России все отчетливее переходили в дискуссию о демократии или диктатуре – именно по этому вопросу расходились идейные позиции социал-демократов и коммунистов.

Символично то, что меньшевик Юлий Мартов выступил против большевистской диктатуры как главный свидетель и доверенное лицо социалистов. После того как в 1922 г. значительная часть руководства меньшевиков была депортирована в Германию, многие из

этих эмигрантов стали экспертами СДПГ по России. Они публиковали в социал-демократической прессе компетентные и полные критики материалы о Советском Союзе. Коммунисты редко обращали на них внимание, иногда реагируя попытками дискредитации и отказом от восприятия реальности.

Политические репрессии, проводившиеся в СССР, вновь и вновь вызывали возмущение у немецких социал-демократов – особенно это касалось громких показательных процессов 1920-х и начала 1930-х гг. Большое внимание привлек к себе судебный процесс 1922 г. против руководства Партии социалистов-революционеров, в котором в качестве защитников приняли участие члены USPD Теодор Либкнехт и Курт Розенфельд. Очень скоро они, правда, поняли безнадежность своего предприятия и вернулись в Германию. Процесс 1925 г. по делу Киндерманна-Вольшта, когда нескольким немецким студентам было предъявлено абсурдное обвинение в планировании покушений на Сталина и Троцкого, Шахтинский процесс 1928 г., где среди обвиняемых фигурировали также пятеро немецких инженеров, или так называемый «Меньшевистский процесс» 1931 г., направленный, в частности, на дискредитацию социал-демократии, – нигде в немецкой прессе они не подвергались более жесткой и интенсивной критике, чем в органе социал-демократов «Vorwärts». Принципиальная критика режима, при котором социалистическая риторика сочеталась с подавлением свобод, одновременно была нацелена также против политических конкурентов из компартии Германии.

Германская внешняя политика и позиции социал-демократии

Во внешнеполитическом плане социал-демократия была в эпоху Веймарской республики той силой, которая занимала самую критичную позицию по отношению к СССР. Разрыв дипломатических отношений с Советской Россией правительством Макса Баденского 5 ноября 1918 г. произошел, в частности, по инициативе социал-демократов, входивших в правительство. Этот шаг был направлен на то, чтобы не допустить поддержки левых радикалов со стороны советского посольства, в то же время это был сигнал в адрес западных держав-победителей. Торговля за выгодные условия заключения мира, а после Версаля – за смягчение жестких требований победителей была одним из ключевых элементов социал-демократической внешней политики Веймарской республики. В перспективе предполагалось создать союз демократических государств как главный инструмент мирного и равноправного урегулирования конфликтов.

Несмотря на принципиальную критику большевизма, настрой веймарской СДПГ вовсе не был принципиально антироссийским – она стремилась к консолидации демократической революции в Германии и улучшению отношений с Россией. В представлении социал-демократов о формировании мирового порядка Россия всегда присутствовала, но практический приоритет отводился отношениям с державами Запада. То, что там действовал демократический порядок и в качестве партнеров присутствовали социал-демократические партии, естественным образом усиливало западную ориентацию. В то же время Советская Россия принципиально отвергала версальскую систему как порождение империализма, а скорее находила точки соприкосновения с представителями правых национальных течений – например, с дипломатами Восточного департамента германского МИД, которые видели в оживлении связей с Россией один из факторов «активизации внешней политики», или с рейхсвером, который с 1920 г. осуществлял тайное военно-техническое сотрудничество с Красной армией.

Рапальский договор от 16 апреля 1922 г., посредством которого парии международной системы – Германия и Россия – на полях Генуэзской конференции возобновили свои международные отношения, вызвал среди немецких социал-демократов неоднозначный отклик. Приветствуя, в принципе, восстановление отношений, они не одобряли этот акт как выпад против западных держав, каковым он, собственно, и являлся. В конечном счете они согласились с этим договором, так же как и с Берлинским договором 1926 г., но прежде всего они способствовали в парламенте заключению всех соглашений с западными державами, которые СССР не приветствовал (в том числе подписанию Локарнских соглашений 1925 г.).

То, что социал-демократическая пресса своими сенсационными публикациями о тайном сотрудничестве рейхсвера с Красной армией вывела эту тему на уровень большого скандала, обеспечило ей жесткие нападки как справа, так и со стороны коммунистов. Скандал не привел, однако, к сворачиванию этой практики, которая была продолжена и при канцлере-социал-демократе Германе Мюллере (1928–1930). Тот факт, что Советский Союз, подписав 9 февраля 1929 г. вместе с другими восточно-европейскими государствами так называемый «Протокол Литвинова», присоединился к Пакту Бриана-Келлога об отказе от войны, «Vorwärts» назвал «образцом социал-демократической внешней политики».

Но Москва и КПП тем временем проводили непримиримый анти-социал-демократический курс под знаком так называемой «теории социал-фашизма» – как раз в то время, когда нарастала угроза гитле-

ровского нацизма. В конце 1931 г. члены Правления СДПГ Брайтшайд и Штафмппфер пытались наладить более или менее приемлемые отношения с КПП. Штампфер, главный редактор «Vorwärts», несколько снизил в своем органе накал критики в адрес СССР. В конце 1932 г. он даже пытался наладить контакт с советским посольством, правда, безуспешно. В феврале 1933 г. секретарь посольства Виноградов, с которым Штампфер контактировал, заявил, что дальнейшие беседы большого смысла не имеют, поскольку в Москве убеждены, что приход Гитлера к власти – это необходимая переходная стадия к победе коммунизма в Германии...

В сложившейся ситуации защита немецкой демократии никакой роли не играла. Она не имела значения для Кремля, скорее наоборот. Перед лицом угрозы, которая вскоре окажется смертельной и для СССР, еще раз проявился непреодолимый, фундаментальный конфликт между немецкой социал-демократией веймарской эпохи и Советским Союзом, то есть конфликт между демократией и диктатурой.

ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ–ДЕМОКРАТИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Борис Орлов

В этой статье мы подробно рассмотрим деятельность германской социал-демократии, оказавшей наиболее существенное влияние на становление социал-демократии в России. Именно в этой партии разрабатывались теоретические основы социал-демократии, формировались партийные структуры. Эмигранты из России были свидетелями этих процессов и делали для себя соответствующие выводы.

Коротко расскажем об обстановке, в которой протекал этот процесс.

В 1863 г. ставится вопрос о создании уже общегерманской партии рабочих – за восемь лет до объединения Германии, а в России в 1861 г. объявляется об освобождении крестьян от крепостной зависимости (Манифест Александра II), и становление рабочего класса только начинается.

Через 20 лет, 1 марта 1881 г., народовольцы после серии покушений убивают царя-освободителя. Оглядываясь назад, можно сказать, что во всей многовековой истории России это был самый успешный период: реформы целенаправленно проводились в разных областях – от судебной до земской, – что объективно создавало предпосылки для формирования гражданского общества.

Дворянин Георгий Валентинович Плеханов, который в это время находился в эмиграции, наблюдал за тем, с каким воодушевлением было воспринято известие об убийстве императора. Что за этим последует? – задавал он вопрос восторженным коллегам-эмигрантам. Внятного ответа он не получал.

Кстати, уже тогда проявилась застарелая болезнь российских политиков – готовность задавать вопрос «Что делать?», но неумение продумать необходимые в дальнейшем действия. После убийства Александра II на российский престол вступил его сын Александр III,

и начался долгий период «подмораживания» России, который в конце концов привел к революционному взрыву в 1905 г. и последующим революционным потрясениям.

Продолжавшаяся террористическая деятельность не устраивала эмигрантов, являвшихся противниками царского режима, не только по моральным соображениям, но и из-за отсутствия исторических перспектив. Между тем в работах Маркса и Энгельса научно обосновывалась логика исторического процесса, взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями, открывалась цель классовой борьбы трудящихся – построение справедливого общества.

Появилась возможность реализации марксистских положений и в России, вступавшей в период раннего капитализма, и, соответственно, формирования рабочего класса.

Этими соображениями руководствовался Г. В. Плеханов, создавший вместе с немногими единомышленниками просветительскую группу под названием «Освобождение труда». Именно в рамках этой группы Г. В. Плеханов приступает к знакомству российской общественности с марксизмом, начиная с работы «К вопросу о монистическом взгляде на историю». Такое научнообразное название позволяло издать ее легально в России. Затем последовали и другие работы, которые позволяли российскому читателю масштабно осмысливать исторический процесс, видеть движущие силы истории, открывать для себя и другие перспективы деятельности.

Христианский мыслитель Нель-Бройнинг скажет позднее, что все хотевшие осмыслить логику исторического процесса «стояли на плечах Маркса». Это относится прежде всего к тем российским эмигрантам, которые внимательно читали Маркса и пытались понять, как марксистские положения воплощались в деятельности молодой германской социал-демократии.

При этом обнаруживалось, что между сторонниками марксизма и сторонниками Лассаля существуют серьезные разногласия, которые дали о себе знать на объединительном съезде, состоявшемся в 1875 г. в Готе.

Свои замечания к проекту программы прислал Маркс. Но Вильгельм Либкнехт, который вел съезд, ознакомившись с текстом замечаний Маркса, решил их не доводить до сведения делегатов съезда. Так они и пролежали до тех пор, пока Энгельс не настоял на их публикации в журнале «Neue Zeit» спустя 15 лет. Такая вот история полудетективного характера. Но что любопытно, на съезде в 1891 г. в Эрфурте партия принимает новую программу принципов. В тео-

ретическую часть программы Карл Каутский включает отрывок из 24-й главы «Капитала» Маркса, не учитывая при этом замечания Маркса к Готской программе. А ведь именно в них Маркс подробно излагает, что конкретно должно быть предпринято на первой и второй фазе коммунистического общества. Примечательно, что и в последующих программных дискуссиях германские социал-демократы не принимали во внимание эти соображения Маркса. Более того, и в программах западных коммунистических партий не ставится вопрос о коммунистическом обществе и путях продвижения к нему согласно установкам Маркса.

Этот документ Маркса действительно требует подробного рассмотрения. Известно, что Ленин еще в январе 1917 г. не предполагал возможности ближайших революционных потрясений в России. Но буквально через месяц, в самом конце февраля революция разразилась, и Ленин 3 апреля прямым ходом через воюющую с Россией Германию прибывает в революционный Питер и тут же объявляет о необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Но что это означает? Какие конкретные действия должны быть предприняты, чтобы от лозунгов перейти к конкретной практике? Никто об этом понятия не имел, а Плеханов, который прибыл в Питер несколькими днями ранее, вообще назвал ленинский призыв «бредом», полагая, что к социалистическим преобразованиям Россия не готова. Но вот 3–4 июля в Питере происходят вооруженные столкновения, направленные на свержение Временного правительства. В подготовке путча обвиняют большевиков, а Ленину грозит арест.

Ленин скрывается на станции Разлив, и здесь в знаменитом шалаше набрасывает стратегию дальнейших действий большевиков в случае прихода к власти. Даже поверхностное знакомство с этим текстом (позднее он будет носить название «Государство и революция») показывает, что он буквально списан с замечаний Маркса к проекту Готской программы.

Но если бы дело обошлось простым литературным заимствованием. После захвата власти в октябре 1917 г. большевики пытаются реализовать эту программу, что будет названо политикой «военного коммунизма». Эта политика вела к полной катастрофе, и Ленину пришлось обращаться к опыту рыночной экономики. Новая стратегия получила название «Новая экономическая политика».

Но на основе положений Маркса, получивших название «Критика Готской программы», стала разрабатываться теория научного коммунизма и его ответвлений – диалектического материализма и исторического материализма.

Документы, содержащие разработку этой теории, хранятся до сих пор, но теорию научного коммунизма в общественных дискуссиях предпочитают не упоминать.

Но вернемся в Эрфурт в 1891 г. Примечательно, что на съезде в Готе партию назвали социалистической, а в Эрфурте вернули название «социал-демократическая».

Немаловажно и то, что во второй части программы, составленной под руководством Эдуарда Бернштейна, содержатся требования их реализации в существующем капиталистическом обществе.

Заметим, что еще книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» вызвала гнев и возмущение не только в самой партии, но и в эмигрантской среде русских социал-демократов. Особенно резко выступал публично Г. В. Плеханов. Бернштейна клеймили как ревизиониста, ставящего под сомнение теоретические основы социал-демократии.

Кличка «ревизионист» в Советском Союзе была такой же позорной, как кличка «троцкист», хотя по большому счету первым ревизионистом, т. е. пересмотрщиком, был Карл Маркс, который на вопрос в анкете дочерей, какой у него главный жизненный принцип, ответил: «Все подвергать сомнению».

В 1977 г. в ходе сбора материалов к диссертации о программной деятельности СДПГ мне довелось посетить «партийный барак» СДПГ в Бонне и побеседовать с рядом теоретиков этой партии. На прощание руководитель Международного отдела подарил мне тоненькую книжечку в красном переплете с шутивным комментарием «Мао-Bibel» [Библия Мао]. Это были все программы партии со вступительной статьей Вилли Брандта. В этой статье я встретил фразу, которая заставила меня размышлять еще долгое время. Брандт писал: «Все эти годы партия теоретизировала по Каутскому, а действовала по Бернштейну».

Известно, что СДПГ со временем отказалась от марксистского видения социализма, сосредоточившись на реализации основных ценностей – свободы, справедливости, солидарности – в условиях демократии и методами демократии. В самое последнее время тематика социализма вообще исчезла со страниц теоретических изданий. Предпочитают говорить об обществе социальной демократии, о «хорошем обществе» и даже о «хорошем капитализме», «социал-капитализме».

Как все это понимать?

Мне не раз приходилось встречать выражение «Компромисс – душа социал-демократии». И это действительно так. Но только в рамках тех ценностей, которые составляют ее суть, и прежде всего

стремление к социальной справедливости. Наглядный пример – последние события в ФРГ. Выборы в Бундестаг состоялись в конце сентября 2013 г. Расклад сил оказался таковым, что наиболее оптимальный оказался вариант правительственной коалиции – христианские демократы и социал-демократы, т. е. третья по счету Большая коалиция. Но социал-демократы не торопились идти на этот компромисс. Только после серии переговоров на уровне правительства и референдума в СДПГ социал-демократы в декабре дали добро на эту коалицию.

Тем не менее проблема сохранения вдохновляющих ориентиров продолжает оставаться на повестке дня. В свое время я обратил внимание на то, что молодежная организация СДПГ предпочитает называть себя «Молодые социалисты в СДПГ». В силу своего характера и возрастного темперамента молодые люди не очень воодушевлены перспективой «улучшения капитализма». Если не социализм, то к чему в таком случае должны стремиться социал-демократы? Эта тематика, на мой взгляд, должна быть рассмотрена в том числе с учетом тех новых явлений, которые возникают в процессе развития интернет-коммуникаций.

В свое время (1983 г.) известный либеральный мыслитель Ральф Дарендорф писал, что социал-демократия, наложив свой отпечаток на XX в., выполнила свое предназначение и может отправляться на покой.

Последующие события и прежде всего рост имущественного неравенства, влияние мирового финансового капитала, выпадение из мирового цивилизационного процесса целых стран ставят человечество перед необходимостью осмыслить эти новые явления, найти их оптимальное решение. Для осуществления этих задач ближе всего подходит со своими мировоззренческими и практическими принципами социал-демократия. И прежде всего СДПГ, за спиной которой полтора столетия опыта теоретической и практической деятельности.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И БОЛЬШЕВИЗМ – АНТИПОДЫ

Реплика на заседании 23 ноября 2013 г.

По рассматриваемой теме хотелось бы представить весьма интересный афоризм: также как нельзя быть немного беременной, так и нельзя быть немного социал-демократом. Или ты полностью при-

нимаешь правила представительной демократии, или любой ценой удерживаешь власть, придумывая всякого рода «фильтры».

У меня вызывают сомнения рассуждения о постепенной социал-демократизации КПСС, и уже тем более я решительно возражаю, когда в докладе профессора Валерия Журавлева говорится о большевизме как левом крыле российской социал-демократии.

Социал-демократы и большевики – крайние антиподы, это две принципиально различные политические культуры.

Большевик – это не просто коммунист. Это особое явление российской политической жизни. Поэт Николай Тихонов в свое время писал о большевиках: «Гвозди бы делать из этих людей. Не было б в мире крепче гвоздей».

Явлению большевизма посвящен огромный пласт литературы. Наиболее объективный взгляд со стороны – брошюра Бертрана Рассела.

Большевики последовательно расправились с социал-демократами в России. В сознание людей десятилетиями внедрялось, что социал-демократы – это предатели интересов рабочего класса, прислужники капитала и даже социал-фашисты.

В 1990 г., когда появилась возможность возродить в стране социал-демократию, опираться было практически не на что. Все началось с нуля.

И, разумеется, молодые социал-демократы понятия не имели, как влиять на становление капитализма в России. Об этом в учебниках ничего не сообщалось.

В русской народной сказке часто фигурирует сюжет, когда Иванушку-дурачка отправляют в кипящий котел, и оттуда он выходит обновленным, красивым и энергичным. Нечто похожее произошло с Россией. Свыше семи десятилетий предпринималась попытка сформировать человека, который руководствовался бы не эгоистическими побуждениями, а общим благом. Людей с предпринимательской жилкой либо выпроваживали из страны, либо даже расстреливали за попытку шить кофточки из швейных обрезков. Слово «частник» стало оскорблением.

И это общество, совершенно неподготовленное, сунули в котел кипящих рыночных страстей. И появились первые «челноки», которые с сумками отправились за дешевым барахлом в какую-нибудь Турцию, а так называемые «братки» надели розовые пиджаки и нацепили на шею золотые цепочки. Только потом уже появились риэлторы, олигархи и другие явления дикого капитализма.

Будучи участником деятельности социал-демократии первой волны (после 1990 г.) и второй (после 2000 г.), могу подтвердить

что Фонд Эберта много помогал нам в налаживании элементарных правил представительной демократии, проводя многочисленные круглые столы, симпозиумы, конференции. Но что могли наши немецкие коллеги, глядя на своеобразное становление капитализма в стране, пережившей семь десятилетий государственно-бюрократического социализма. Российское общество продолжает барахтаться в кипящем котле рыночных страстей, в котором возрастающую роль играет государственная бюрократия.

Как разруливать складывающуюся ситуацию?

Уже выходят на улицу демонстранты, которые во всю ширину улицы несут перед собой плакат «Отобрать и поделить». С другой стороны, в закрытых поселках формируется особый образ жизни имущих людей. В результате расслоение не только имущественное, но и ментальное, ведущее к формированию двух разных культур. На эти противоречия должна найти свой ответ социал-демократия.

Мой личный опыт подсказывает следующий образ действий: формирование эффективной экономики (рабочие места, высокая заработная плата, налоговые отчисления) в сочетании с активной социальной политикой, направленной на формирование образованного, высокопрофессионального, ответственного гражданина.

При такой постановке вопроса необходима не просто борьба с «олигархами», но налаживание диалога с развивающимся предпринимательством и, конечно, соблюдение того принципа, который в свое время обозначил Михаил Ходорковский и который был сформулирован в Основном законе ФРГ краткой, но емкой фразой: «Собственность обязывает».

Те, кто в рамках социал-демократии намерен двигаться в сторону социализма, для решения этой непростой задачи не подходят. А между тем суть современной социал-демократии – действовать в рамках рыночной экономики и вместе с тем постепенно наполнять гуманистическим содержанием общественные отношения. Быть готовым к компромиссу и вместе с тем твердо придерживаться правил демократии и основных ценностей.

Найдутся ли для такой модели поведения политики в России, вопрос открытый.

Как мне представляется, любые попытки вновь вывести социал-демократию на политическую сцену России и предложить обществу реальный проект обновления существующей системы должны учитывать эти обстоятельства.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В XX–XXI ВЕКАХ

Борис Гуселетов

Развитие социал-демократии в новой России во многом напоминает становление российской социал-демократии в конце XIX – начале XX в., хотя порой в зеркально перевернутом виде. Среди социал-демократов снова появились радикалы и умеренные. Снова идут споры об отношении к правительству: одни выступают за сотрудничество, другие против. Снова возникла идейная дискуссия о революции и эволюции: радикалы высказываются в пользу революционного пути (как большевики в начале XX в.), а умеренные – за эволюцию. Но результаты развития социал-демократии в нынешней России кардинально отличаются от ситуации начала XX в.: в 1917 г. большевики пришли к власти, в современной же России «большевистские» социал-демократы практически исчезли с политической арены. И наоборот: если меньшевики вскоре после Октябрьской революции прекратили свое существование, то ныне «умеренные» социал-демократы переживают подъем. В 2007 г. они были избраны в российский парламент, а в 2011 г. имели уже третью по численности фракцию в Государственной думе.

Основные этапы в развитии социал-демократии

Становление социал-демократического движения в России в период с 1991 г. по настоящее время можно разбить на четыре основных этапа.

Первый этап: 1991–1993. Появление первых социал-демократических партий: два пути – две стратегии

В период с 1991 по 1993 г. в России были реализованы два сценария формирования новой российской социал-демократии: с одной

стороны, трансформация части бывшей КПСС в постсоветскую социал-демократическую партию – Народную партию «Свободная Россия» (НПСР); с другой стороны, создание альтернативной некоммунистической «Социал-демократической партии России» (СДПР). Обе попытки закончились неудачей: они не привели к возникновению дееспособной социал-демократической партии, которая была бы представлена в российском парламенте и признана международным социал-демократическим движением.

Подробности

После распада СССР и ухода КПСС с политической арены значительная часть сторонников «Демократической платформы» образовала в 1991 г. «Демократическую партию коммунистов России». Оставаясь членами КПСС, они основали в начале 1990-х гг. движение «Коммунисты за демократию», во главе которого стояли вице-президент России Александр Руцкой и депутат первого созыва Государственной думы (1993–1995) Василий Липицкий. Позже «Демократическая партия коммунистов России» была преобразована в новую партию социал-демократической ориентации «Свободная Россия» (НПСР) (Медведев, 1993; Хроника, 1991; Альтернатива, 1992).

С 1991 по 1993 г. эта партия была довольно массовой и популярной. Она выступала за последовательное проведение в России экономических и политических реформ социал-демократического типа в интересах большинства и была активным противником политики шоковой терапии Ельцина–Гайдара. Но после событий 1993 г., расколовших страну на два антагонистических лагеря сторонников и противников первого президента России Б. Ельцина, председатель НПСР А. Руцкой стал одним из лидеров антиельцинского лагеря. После событий осени 1993 г. (разгром Верховного Совета и арест А. Руцкого) НПСР практически попала под запрет, ее влияние резко сократилось.

В мае 1994 г. состоялся Второй съезд НПСР, где партия была переименована в «Российскую социал-демократическую народную партию» (РСДНП), представлявшую «почвенническое» течение в российской социал-демократии. Особенность РСДНП состояла в том, что она пыталась синтезировать социал-демократические и национально-патриотические ценности. Ее организационное единство было недолгим. Часть РСДНП во главе с Василием Липицким, которая ориентировалась на социал-демократические ценности, созда-

ла в 1994 г. «Российский социал-демократический союз» (РСДС). Другая часть, тяготеющая к национал-патриотическим воззрениям и возглавляемая А. Руцким, в 1995 г. трансформировалась в социал-патриотическое движение «Держава», поначалу стоявшее на правоконсервативных позициях, но вскоре исчезнувшее с политической арены страны.

Другим путем пошла некоммунистическая «Социал-демократическая партия России» (СДПР), которая не опиралась на осколки КПСС, а искала совершенно новую, самостоятельную основу. Создателями этой партии были преимущественно представители интеллигенции. Лидерами СДПР были депутат Верховного Совета РСФСР Олег Румянцев и известные ученые Борис Орлов и Павел Кудюкин. Они поддерживали политику Бориса Ельцина, представляя ярко выраженные антикоммунистические позиции. О. Румянцев занял пост ответственного секретаря Конституционной Комиссии Российской Федерации. П. Кудюкин стал заместителем министра труда и занятости (1991–1993).

Между НПСР и СДПР отсутствовал какой-либо диалог. Напротив, большинство членов СДПР негативно относились к НПСР, считая ее идейным осколком КПСС. Противостояние между двумя частями российской социал-демократии усилилось после событий сентября 1993 г., которые развели их лидеров в два противоборствующих лагеря.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что выборы в Государственную думу 1993 г. не принесли успеха ни НПСР, ни СДПР. Ряд членов этих партий смогли пройти в Госдуму либо по одномандатным округам (например, Липицкий), либо по спискам других партий (А. Голов и О. Беклемишева из СДПР прошли по списку «Яблока»), и все же ни одна из этих партий институционально не была представлена в российском парламенте, а их совокупный результат не превышал трех процентов. Таков был печальный, хотя и логичный, итог первого этапа становления социал-демократии в постсоветской России, особенностями которого были идейно-политическая неопределенность, организационная слабость, конфликты между лидерами, отсутствие стабильной электоральной базы.

В первые годы новой России ни посткоммунистическая, ни антикоммунистическая версии социал-демократии идейно не были востребованы обществом. Непопулярность социал-демократии была связана, во-первых, с тем, что в годы советской власти за ней прочно закрепился ярлык ренегатов и оппортунистов, так что потребовались годы, чтобы реабилитировать идею социал-демократии и вернуть этот термин в политический и общественный дискурс. Во-вторых,

успехи Европы в деле построения государства всеобщего благосостояния в российском общественном мнении не связывались с деятельностью социал-демократии, наоборот, праволиберальная элита этот факт сознательно замалчивала. Правые либералы под руководством Ельцина, захватившие ключевые позиции в структурах исполнительной власти, сделали ставку на поляризацию политического пространства. Им было выгодно иметь в качестве основного политического оппонента весьма радикальную по форме, но вполне предсказуемую и управляемую Компартию РФ (КПРФ) под руководством Геннадия Зюганова. В общественном сознании КПРФ ассоциировалась с СССР и КПСС, которые большинством населения по-прежнему воспринимались негативно.

Понятно, что социал-демократы с их призывами к толерантности и социальному партнерству в условиях такой идейно-политической поляризации были совершенно не востребованы. Объединительные попытки лидеров партий А. Руцкого (НПСР) и О. Румянцева (СДПР) не были поддержаны большинством их членов, так что неудача обеих партий была вполне логичной. Но многочисленные сторонники социал-демократической идеологии в России никуда не делись. После роспуска НПСР (1994) и раскола СДПР были предприняты новые попытки создания некоммунистических левоцентристских партий – второй этап становления социал-демократии в постсоветской России.

Второй этап: 1993–2000. Раздробленность левого фланга на фоне общей мультипартийности

Этот период характеризуется фрагментацией политического пространства страны и возникновением многочисленных новых партий, в том числе социал-демократической и социалистической ориентации.

Степень фрагментации постоянно росла за счет выделения и создания новых партий: политические партии и движения были зачастую маленькими, имели клубный характер. Эта особенность была свойственна в то время не только социал-демократам, но и представителям других политических течений, однако у социал-демократов она проявилась особенно ярко. Причинами этого были:

- отсутствие широкой социальной базы, которая в большинстве европейских стран, где социал-демократия стала ведущей политической силой, представляла собой средний класс;
- негативный политический имидж социал-демократии, который в годы советской власти последовательно вбивался в массовое сознание;

- слабость политических партий и представительных органов власти как политических институтов;
- либеральное законодательство о политических партиях и выборах, где требования к созданию партии были минимальны, приводило к тому, что практически любой состоятельный бизнесмен мог создать собственную «партию»;
- сложности идеологической самоидентификации. В 1990-е гг. программы партий и объединений были намеренно деидеологизированы и носили исключительно маркетинговый характер;
- незрелость институтов гражданского общества (неправительственные организации, профсоюзы, молодежные, женские, общественные организации);
- низкий уровень политической культуры, особенно культуры консенсуса и компромисса, и в обществе, и в политической элите, слабость традиций оппозиционности;
- возрождение имперских настроений, а ведь социал-демократия, в том числе российская, как известно, интернациональна по своей сути.

Таким образом, перспективы российской социал-демократии к началу 2000 г. большинством экспертов оценивались как нулевые. Малочисленные и не имеющие никакого влияния, социал-демократические партии и организации за неимением серьезной социальной опоры и организационной структуры, а также влиятельных лидеров в центре и на местах не могли составить реальную конкуренцию ни КПРФ, ни тем более регулярно мимикрирующим в идеологическом плане правящим партиям, при этом неизменно державшимся в непосредственной близости от исполнительной власти («Демократический выбор России», «Наш дом – Россия», «Единство»).

Третий этап: 2000–2006. Попытки объединения социалистических и социал-демократических сил

Этот этап главным образом связан с попытками объединения многочисленных социал-демократических и социалистических партий России и возникновением, в конце концов, нового игрока на левом фланге в лице партии «Справедливая Россия/ Родина, Пенсионеры, Жизнь».

В начале 2000 г. руководители ряда социал-демократических партий и организаций обратились к бывшему Президенту СССР Михаилу Горбачеву с призывом объединить и возглавить социал-демократическое движение в России. Момент был выбран не случайно: с одной стороны, налицо был полнейший кризис российской

социал-демократии, а с другой – ввиду ухода Ельцина возвращение Горбачева виделось вполне возможным.

24 ноября 2001 г. на учредительном съезде новой социал-демократической партии ее лидером был избран М. Горбачев, сопредседателем – Константин Титов. Также была принята программа партии «Социал-демократическая альтернатива для России». В ней СДПР определила свою главную цель «в движении к открытому, справедливому и демократическому обществу, в котором осуществится интеграция общечеловеческих, социал-демократических и либеральных ценностей, рынок будет ориентирован на интересы человека, а равные возможности для всех сочетаться с защитой слабых» (Программа СДПР, 2003). Осенью 2001 г. СДПР, первой из российских партий, на XXII Конгрессе Социалистического Интернационала в Сан-Пауло (Бразилия) была утверждена ассоциированным членом этой международной политической организации. Однако уже в конце 2003 г. в СДПР возник внутрипартийный кризис из-за разногласий по стратегии участия в выборах в Госдуму. Весной 2004 г. Горбачев ушел с поста лидера партии. Осенью того же года за ним последовал Титов. Так, еще один политический проект бывшего Президента СССР закончился неудачей, СДПР продолжила работу без него¹.

В 2005–2006 гг. накануне очередных парламентских выборов стали возникать новые интересные проекты по объединению левых партий. В 2005 г. после серии предварительных обсуждений была достигнута предварительная договоренность об объединении СДПР с «Народной партией» депутата Госдумы Геннадия Гудкова и «Российской конституционно-демократической партией» Вячеслава Волкова. Но после длительных переговоров и этот проект закончился неудачей. В ноябре 2006 г. состоялась еще одна попытка: лидеры четырех партий – СДПР (В. Кишенин), «Народной партии» (Г. Гудков), «Партии социальной справедливости» (А. Подберезкин) (Сайт Партии социальной справедливости) и «Партии возрождения России» (Г. Селезнев) – подписали коалиционное соглашение, конечная цель которого состояла в том, чтобы создать накануне выборов в Госдуму 2007 г. единую левоцентристскую партию. Предполагалось,

¹ В 2001 г. Госдума приняла федеральный закон о политических партиях, в котором были резко повышены требования к регистрации и деятельности политических партий в Российской Федерации. Как следствие этого закона количество партий в России в период с 2003 по 2007 г. сильно сократилось. В начале 2007 г. Федеральная регистрационная служба приняла решение о закрытии «Социал-демократической партии России», как не соответствующей требованиям, предъявляемым к политическим партиям в соответствии с указанным законом. Так бесславно завершилось существование СДПР. Летом 2008 г. на конгрессе Социнтерна в Афинах она была исключена из этой организации.

что к этому проекту присоединиться и партия «Патриоты России» депутата Госдумы Геннадия Семигина (Сайт Патриоты России). Но и этот проект оказался нереализованным во многом из-за чрезмерных амбиций руководителей отдельных партий.

Еще одну неудачную попытку объединения левоцентристских и патриотических сил в канун парламентских выборов 2007 г. предпринял лидер партии «Патриоты России», бывший депутат Госдумы Геннадий Семигин. Но к нему примкнул лишь бывший спикер Госдумы второго и третьего Созывов Геннадий Селезнев с немногочисленными остатками его партии «Возрождение России». В результате «Патриоты России», несмотря на значительные финансово-организационные ресурсы, вложенные Семигиным в этот проект, на выборах депутатов Госдуму 2007 г. набрала всего 0,89 % голосов¹.

Новый партийный проект: «Справедливая Россия»

В 2006 г. процесс объединения социал-демократических и социалистических партий России получил неожиданный поворот: руководители трех партий – Сергей Миронов («Российская партия жизни»), Александр Бабаков (партия «Родина») и Игорь Зотов («Партия пенсионеров») объявили об объединении и создании в России новой левоцентристской партии. С политической платформой, в которой была четко обозначена социал-демократическая идеологическая позиция, партия «Справедливая Россия / Родина, Пенсионеры, Жизнь» пошла на выборы депутатов Госдумы 2007 г. Впервые в постсоветской истории России партия, имевшая весьма реальные шансы на прохождение в нижнюю палату российского парламента, открыто заявила о своей приверженности социал-демократическим ценностям.

Уже в начале 2007 г. к партии «Справедливая Россия / Родина, Пенсионеры, Жизнь» присоединились НПРФ Геннадия Гудкова, «Социалистическая единая партия России» депутата Госдумы Василия Шестакова, «Партия развития предпринимательства» Ивана Грачева и «Российская конституционно-демократическая партия» Вячеслава Волкова. Позднее к ним добавились «Партия социальной справедливости» А. Подберезкина и партия «Зеленые» Анатолия Панфилова. Таким образом, всего в объединительном процессе участвовало 9 политических организаций.

Этот объединительный процесс во многом был связан с изменением законодательства о партиях, ужесточающим требования к реги-

¹ «Партия социальной справедливости» Алексея Подберезкина, так и не сумевшая вписаться ни в один объединительный проект, набрала всего лишь 0,22 % голосов.

страции и перерегистрации партий. Это вынудило многие неагитационные партии искать союзников и присоединяться к более крупным политическим организациям, чтобы иметь возможность участвовать в избирательном процессе. Ряд партий (например, «Аграрная партия России») присоединились к «Единой России», другие ушли в небытие, а «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в течение 3 лет смогла интегрировать политический и организационный ресурс девяти политических организаций, что является уникальным примером достижения консенсуса в современном российском обществе.

Региональные выборы 2007 г. позволили новой партии закрепить себя в политическом пространстве и составить реальную конкуренцию такому опытному игроку как КПРФ, а также партии власти «Единая Россия». В Ставропольском крае «Единая Россия» даже неожиданно уступила «Справедливой России» (37,62 % против 23,93 %). Сложение электоральных ресурсов, однако, не ведет само по себе к сложению голосов избирателей. В то время как суммарный результат партий-учредителей «Справедливой России» – «Родины», «Партии пенсионеров» и «Партии жизни» – на региональных выборах осени 2006 г. составил около 21 %, новая партия «Справедливая Россия» получила на выборах в региональные представительные органы весной 2007 г., когда она впервые выступила как самостоятельная партия, всего 11,7 % голосов.

Этот успех «Справедливой России» в канун предстоявших в декабре 2007 г. выборов депутатов Госдумы подтвердил перспективность нового партийного проекта:

Партия укрепилась благодаря ярким фигурам, пришедшим из других партий: Светлана Горячева, Елена Драпеко, Александр Куваев и Илья Пономарев из «Компартии Российской Федерации»; Галина Хованская, Елена Мизулина и Михаил Емельянов из партии «Яблоко»; Анатолий Гришневиков из партии «Народная воля», Валерий Зубов из «Республиканской партии России»; Алексей Митрофанов из «Либерально-демократической партии России» и другие (Сайт СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – Фракция);

Местные отделения КПРФ, не согласные с позицией ее руководства, также коллективно перешли в партию «Справедливая Россия».

Четвертый этап: 2007–2011. Закрепление социал-демократии в политическом пространстве России и ее институционализация как парламентской оппозиции

По итогам выборов 2 декабря 2007 г. партия «Справедливая Россия / Родина, Пенсионеры, Жизнь» получила 7,74 % голосов (КПРФ – 11,57 %) и прошла в Госдуму, где сформировала фракцию

в количестве 38 депутатов. Впервые за всю историю постсоветской России в парламент страны была избрана партия, открыто заявившая о себе как о социал-демократической.

После 2007 г. противоречия между партией власти и оппозиционной «Справедливой Россией» нарастали, что привело к ожесточенной борьбе в некоторых регионах. Несмотря на жесткое административное противостояние, партия смогла добиться впечатляющих результатов в Саратовской области (14 % в декабре 2007 г.), Удмуртии (13 % – декабрь 2007 г.), Якутии (15 % – весна 2008 г.), Тульской области (14 % – осень 2009 г.), в Архангельской области (16 % – весна 2009 г.). Представители «Справедливой России» стали мэрами следующих городов: Самара, Ковров, Волжский, Усть-Илимск, Североуральск и Лесное.

Парламентская деятельность фракции «Справедливой России» вполне отвечала логике заявленной ею социал-демократической ориентации. Голосование против госбюджетов и антикризисной программы правительства, разработка законопроектов в сфере защиты социальных и трудовых прав граждан, направленные против коррупции предложения и программа по преобразованию местного самоуправления убедительно показали готовность партии стремиться к реализации ее предвыборных программ и лозунгов.

Результатом этих усилий стало то, что партия «Справедливая Россия» на следующих парламентских выборах 4 декабря 2011 г. набрала уже 13,24 % голосов, заняв третье место после «Единой России» и КПРФ. В Думе она сформировала фракцию уже из 64 депутатов (см. таблицу 2). В ходе предвыборной кампании «Справедливая Россия» довольно жестко критиковала правящую партию «Единая Россия» и ее политический курс, требуя демократизации политической системы и усиления социальной политики.

Международная деятельность

Успехи новой российской левой партии не ускользнули от внимания руководства Социалистического Интернационала (СИ). 5 мая 2007 г. его генеральный секретарь Луис Айала посетил Москву. Здесь он встретился с председателем партии «Справедливая Россия» Сергеем Мироновым и пригласил его выступить на следующем заседании Совета Социнтерна 29/30 июня 2007 г. в Женеве, а также вступить в Комиссию СИ по устойчивому развитию мирового общества. С этого момента началось тесное сотрудничество между

Социнтерном и партией «Справедливая Россия», которое принесло этой партии признание на международном уровне.

Имеет смысл отметить активную международную деятельность «Справедливой России». Было проведено три международных социалистических форума, в которых принимали участие активисты российского левого движения, состоящие в различных партиях, а также известные российские политики и представители зарубежных социал-демократических партий (Шевченко В. Н., 2008). Форумы стали авторитетной площадкой по обсуждению важных вопросов социал-демократического движения как в странах постсоветского пространства, так и в мире.

Фракция «Справедливой России» во главе с ее руководителем Николаем Левичевым установила контакты с группой социалистов в Европейском парламенте, в результате впервые был подписан Меморандум о взаимопонимании между группой социалистов в Европарламенте и фракцией «Справедливая Россия» в Госдуме (Левичев, 2008). Таким образом, впервые было институционализировано сотрудничество на уровне фракций.

На состоявшемся в июле 2008 г. XXIII Конгрессе Социалистического Интернационала, в котором приняли участие представители более чем 150 социал-демократических партий и организаций, представлявших 120 стран мира, было принято решение принять «Справедливую Россию» в Социнтерн (Гуселетов, 2009).

Представители партии активно работали в Комиссиях Социнтерна по устойчивому развитию мирового сообщества и глобальным финансовым вопросам, принимали участие в работе постоянных комитетов Социнтерна: по разоружению, экономической политике, социальной сплоченности, странам СНГ и Латинской Америки. Учитывая, что многие партии Социнтерна являются правящими в своих странах, возможность артикулировать и представлять позицию России на этой площадке следует оценить самым позитивным образом.

В феврале 2010 г. по инициативе «Справедливой России» состоялось первое заседание Форума социалистических партий стран СНГ, в котором приняли участие представители 14 социал-демократических (социалистических) партий из 8 стран (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия и Украина). Некоторые из этих партий являлись парламентскими и закрепились в партийно-политических системах их стран. Речь идет помимо «Справедливой России» о партии «Дашнакцутюн» из Армении, не первый созыв имеющей фракцию в парламенте и работающей в рамках правительственной коалиции, о «Демократической партии Молдовы», которая в настоящий момент входит в состав правящей

коалиции, и «Социал-демократической партии Кыргызстана», также имевшей фракцию в парламенте. Сотрудничество социал-демократических партий на постсоветском пространстве демонстрирует, что социал-демократы (социалисты) стран СНГ постепенно превращаются в реальную политическую силу и, в отличие от консерваторов, либералов и коммунистов, реально готовы к сотрудничеству, чтобы лучше отстаивать интересы своих избирателей и усиливать политическую и гражданскую интеграцию в рамках СНГ.

Выводы

В настоящее время перед партией «Справедливая Россия» стоит много серьезных задач, среди них:

- преодоление бытующего отношения к ней как к «запасной партии власти»;
- преодоление собственной нерешительности в политических практиках;
- повышение рейтинга и узнаваемости ее бренда;
- выстраивание эффективного партнерства с различными общественными организациями (женскими, молодежными, ветеранскими, профсоюзными и др.);
- расширение представительства в органах исполнительной и представительной власти разного уровня, особенно местных, которые традиционно являются основой социал-демократии.

Перед Россией стоит задача постепенного формирования конкурентной партийной системы, предусматривающей существование в рамках политико-идеологического спектра трех основных центров: правого (либерального), центристского (консервативного) и левого (социалистического). Это является важнейшим компонентом устойчивой политической системы современного социального государства и эффективным механизмом представительства интересов. Реальным подтверждением становления такой системы будет переход власти в ходе парламентских и президентских выборов от действующей партии власти к оппозиции. Именно чередование во власти в ходе демократических выборов представителей этих центров в лице одной или нескольких партий, возможность легального прихода оппозиции к власти позволят говорить о завершении периода демократического транзита России и становлении устойчивой политической системы, способной к саморазвитию и успешной модернизации, а также окончательной интеграции страны в мировое демократическое сообщество.

Можно с полным правом сказать, что на фоне общемировой тенденции ослабления роли партий в политическом процессе партия «Справедливая Россия» сумела занять свою нишу в электоральном пространстве. В результате длительной и трудной семнадцатилетней эволюции российской социал-демократии в России появилась реальная социал-демократическая сила. Партия «Справедливая Россия», которая насчитывала более 430.000 тысяч членов и была представлена в обеих палатах российского парламента, имела более 300 депутатов в 67 Законодательных собраниях субъектов федерации. Эта партия признана мировым социалистическим движением и является с августа 2012 г. полноправным членом Социнтерна, имеет дружеские связи с социал-демократическими, социалистическими, левыми партиями Европы, Северной и Южной Америки, Китая, Японии и других стран. У партии хорошие электоральные перспективы, она обладает реальной возможностью осуществлять на практике свои программные цели и задачи по защите интересов большинства граждан России.

Подчеркнем, что сам факт появления социал-демократической партии и введение в публичный дискурс идей современной социал-демократии является позитивным моментом в развитии партийно-политической системы России. За 20 лет Россия прошла путь от хаотичной мультипартийности к умеренной многопартийной системе с ограниченным числом партий, если иметь в виду и количество зарегистрированных партий, и количество партий парламентских. Думаем, что недавнее смягчение законодательства в области регистрации политических партий не приведет к существенному увеличению количества игроков на политическом поле. Скорее мы увидим некоторое расширение политического спектра – прежде всего за счет правого фланга.

Приложение

Таблица 1. Уровень электоральной поддержки левых партий (голосов в процентах)

	1993	1995	1999	2003	2007	2011
Совокупный электорат коммунистических партий	20,39	31,53	27,12	16,25	11,57	19,19
Совокупный электорат левоцентристских (социалистических и социал-демократических) партий	9,02	9,44	4,86	14,65	11,15	13,24
ВСЕГО	29,41	40,97	31,98	30,90	22,72	32,43

Источники: Официальный сайт ЦИК. Данные о результатах выборов по федеральному избирательному округу за 1999, 2003, 2007 гг. URL: http://www.cikrf.ru/vib_arhiv/gosduma

Таблица 2. Окончательные результаты выборов в Госдуму РФ VI созыва

Место	Партия	Голоса	%	Мест в Думе	Сравнение с выборами 2007 г. (в %)	
					Абсолютная разница	Относительная разница
1.	«Единая Россия»	32.379.135	49,32	238	▼ 14,98	▼ 27,7
2.	КПРФ	12.599.507	19,19	92	▲ 7,62	▲ 56,5
3.	СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ	8.695.522	13,24	64	▲ 5,50	▲ 61,4
4.	ЛДПР	7.664.570	11,67	56	▲ 3,53	▲ 35,3
5.	«Яблоко»	2.252.403	3,43	0	▲ 1,84	▲ 103,0
6.	«Патриоты России»	639.119	0,97	0	▲ 0,08	▲ 3,79
7.	«Правое дело»	392.806	0,60	0	▼ 1,54	▼ 72,0
Недействительные бюллетени		1.033.464	1,57	–	▲ 0,52	▲ 35,86
Всего		65.656.526	100 %	450	–	–

Список литературы

Медведев Р. А. Генерал Руцкой и его партия // Левая газета. 1993. № 6 (12). С. 4–5.

Хроника (1991). О деятельности лидера Демократической партии коммунистов России (ДПКР) и НПСР; Мы – за единую Россию // Хроника. 1991. № 72. С. 2.

Альтернатива (1992). Интервью с лидером Народной партии Свободная Россия А. Руцким о деятельности партии; НПСР // Альтернатива. 1992. № 1 (15). С. 4.

Программа СДПР. М., 2003.

Официальный сайт политической партии социальной справедливости. URL: <http://www.pp-pss.ru/>

Официальный сайт политической партии «Патриоты России». URL: <http://www.patriot-rus.ru>

Сайт СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – Состав фракции СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. URL: http://www.spravedlivo.ru/duma/section_77.

Сайт СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – Визит. К итогам визита Генерального секретаря Социнтерна Луиса Айялы в Москву, 7 июня 2007 года. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/1529.smx>.

Шевченко В. Н. (ред.) (2008). Материалы I Международного социалистического форума «Решение социальных проблем XXI века – социалистическая перспектива». Москва.

Левичев Н. В. Визит в Брюссель станет очередным шагом на пути вступления «Справедливой России» в Социал-демократический Интернационал. Официальный сайт партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. 9 апреля 2008 года. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/5945.smx>.

Гуселетов Б. (ред.) (2009). Материалы XXIII Конгресса Социалистического Интернационала. Москва.

РЕВИЗИОНИЗМ ВНУТРИ КПСС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Александр Безбородов

Идеологи КПСС с момента рождения этой партии (из российской социал-демократии в конце XIX в.) своими главными идейными противниками считали ревизионистов. Ревизионизм, как известно, это политическое течение, получившее развитие еще при жизни отцов-основателей марксизма – К. Маркса и Ф. Энгельса, в трудах которых российские социал-демократы черпали идеи построения нового общества. Не случайно, первым критикам марксизма – Э. Бернштейну, К. Каутскому, О. Бауэру – В. Ленин уделял большое внимание и громил их, называя «оппортунистами» и «ревизионистами» за их пересмотр основных постулатов марксизма. Именно ревизия марксизма составила главное содержание идеологии западных социал-демократов. В начале XX в. ревизионизм распространился в социал-демократическом движении Германии, Франции, Австро-Венгрии, России и других стран. Его носители – Э. Вандервельде, Ф. Шейдеман, К. Легин, Ю. Мартов, Л. Троцкий и др.

Вместе с тем сам В. Ленин стал следующим ревизионистом, отказавшись от основного тезиса К. Маркса о возможности построения социализма только при наличии высокоразвитого капитализма. В. Ленин стремился доказать и на практике воплотил идеи марксизма в России, которая была далеко не самой развитой страной капиталистического мира, и, согласно классическому марксизму, не могла выступать в качестве носительницы социалистической (коммунистической) революции, да еще в окружении капиталистических стран Европы. Этот далеко не схоластический спор внутри партии российских социал-демократов, как известно, «развел» В. Ленина с В. Плехановым и его сторонниками (меньшевиками).

Другим ревизионистом «истинного марксизма» стал И. Сталин. Его экономические представления о социализме заложили основу для развития не только теории, но и практики реального строи-

тельства новой экономики (индустриализации и коллективизации). Помимо этого, он «скорректировал» Маркса по поводу роли государства в обществах, строящих коммунизм: не отрицание, а усиление государства, а также по вопросу о «социализме в отдельно взятой стране» и т. д.

Очередным ревизионистом внутри страны стал Н. Хрущев. Суть его политики можно определить как три «м»: «мирное сосуществование», «мирное соревнование» и «мирный переход», т. е. полное отрицание марксистской теории войн при капитализме, теории революций, классовой политики.

Его развенчание культа личности И. Сталина обеспечило полную ревизию основ того, что было принято называть марксизмом. Третья Программа КПСС (1961 г.), реформы внутри страны, утверждение принципа «общенародного государства» и политика в отношении Запада опровергали все марксистские постулаты и вызвали идеологический хаос в умах не только советских коммунистов, но и деятелей всего международного коммунистического движения.

В результате школа ревизионистов пополнилась теоретиками – критиками Маркса как «слева», так и «справа». К ним относятся: А. Лефевр, П. Эрве (Франция), Дж. Гейтс, А. Биттелмен (США), А. Джолитти (Италия), М. Джилас (Югославия), Р. Зиманд, Л. Колаковский (Польша), Э. Блох (ГДР), Я. Корнаи (Венгрия) и др.

Ревизионизм становился влиятельной политической доктриной, которую начали разделять и крупные политические деятели, в том числе в странах социализма, например группа И. Надя – Г. Лошонци в Венгрии.

Ревизия марксизма в среде партийных теоретиков соцстран после XX съезда серьезно беспокоила советское руководство, но, видимо, вынуждала действовать не только «кнутом» (Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г.), но и «пряником» (терпеливое отношение к реформаторской политике Я. Кадара, к размыванию социалистических ценностей в компартиях Запада¹ и к суррогату этих ценностей среди коммунистов «третьего мира»)².

При Л. Брежневев ревизионизм в КПСС стал официальной идеологией, хотя на словах все клялись в верности марксизму. С марксистской точки зрения, идеи «общенародного государства», сближение с Западом в форме экономического и культурного сотрудничества,

¹ См., например: Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010.

² См.: Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. Мемуары. М.: Международные отношения, 1998.

подписание Хельсинкских соглашений и т. п. были абсолютной идеологической уступкой идейному противнику и очевидным доказательством, подтверждающим немарксистский характер теории конвергенции двух общественно-политических систем – капитализма и социализма.

Идеологи КПСС не смогли найти в рамках марксистско-ленинской парадигмы приемлемый теоретический источник для экономического реформаторства и осуществляли его, выходя за границы собственной доктрины: допуская товарно-денежные отношения и обосновывая их некоей теорией «рыночного социализма», надуманные дискуссии о котором велись в СССР начиная с хрущевских времен. Уже в 1960-е гг. в советской экономической лексике стали вполне законными такие слова, как «прибыль», «рентабельность» и т. д., что, с точки зрения марксизма-ленинизма, было конечно, ересью (реформа А. Косыгина в 1965 г.).

Теория марксизма-ленинизма в 1970-е гг. продолжала подвергаться эрозии. Это сказалось на практике международного коммунистического и рабочего движения. Ревизии был подвергнут советский опыт реализации марксистских установок в СССР со стороны различных теоретиков Запада (Р. Гароди, С. Каррильо, Э. Фишер, Ф. Клаудин и др.). Течение получило название «еврокоммунизм», определивший себя как стратегию преобразования капиталистического общества, а (не путать с социал-демократией) не управление им, не интегрирование в систему государственно-монополистического капитала, а развитие мирового революционного процесса¹.

Все эти пертурбации в теории и практике коммунистического движения серьезнейшим образом сказались на сознании советских коммунистов, особенно той их части, которая соприкасалась с этими явлениями в своей жизни (работники внешневедомственных структур, партийные функционеры, сотрудники спецслужб). Намерение «знать» идейного противника (переводы и издания в закрытом режиме – под грифом «для служебного пользования» – трудов западных политологов, советологов) оборачивалось частичным или полным переходом части советской элиты на позиции этих противников, особенно среди референтуры. Так формировался «внутренний идейный враг» в самой КПСС, которого в последнее время называют внутренними диссидентами (по признанию Е. Примакова).

Разлагала советскую идеологию и практика финансового «подкармливания» зарубежных партий, даже если они совсем не разделя-

ли идейных взглядов КПСС, – лишь бы те не следовали в фарватере американской политики. В сочетании с идеями XX съезда и советской реальностью данные обстоятельства способствовали формированию слоя реформистски настроенного советского истеблишмента.

Не случайно реформаторов-горбачевцев называли «шестидесятниками», а международный журнал «Проблемы мира и социализма», располагавшийся в Праге и занимавшийся теоретическими проблемами мирового коммунизма, – «кузницей кадров» для перестройки. М. Горбачев стал ярким представителем этой части советской политической элиты.

Эволюция его взглядов – отдельная проблема исследования. Но даже пунктирное обозрение его основных теоретических воззрений на посту Генерального секретаря ЦК КПСС демонстрирует следование им традициям приспособления теории под нужную практику, т. е. изменение марксистско-ленинской теории путем новых трактовок ее основ и заимствований из других идеологических доктрин.

Этот процесс начался в 1987 г., когда «заработала» гласность, были приняты решения по проведению «радикальной экономической реформы». Тогда было разработано новое законодательство, которое фактически устанавливало новые правила в сфере функционирования экономики и узаконивало переворот в отношении форм собственности: законы о предприятии (объединении), о кооперации, совместных предприятиях, позднее – о создании бирж, об аренде и других, во многом рыночных по сути, структурах.

1988 г. стал пиком реформ. Начали реализовываться идеи «нового мышления» в международной сфере. Теоретическим обоснованием новой внешнеполитической концепции стала книга М. Горбачева «Новое мышление для нашей страны и для всего мира», вышедшая в начале 1988 г. одновременно в СССР и США.

В этом же году была осуществлена тотальная перетряска партийного и государственного аппарата, поставлены точки над «i» в историческом прошлом СССР. В конце года завершился снятием запрета на критику В. Ленина и всего ленинского периода процесс полного пересмотра с отрицательным знаком советской истории. Таким образом, практика построения социализма по марксистско-ленинской схеме была официально признана несостоятельной или даже ошибочной. Партийная доктрина марксизм-ленинизм уже одним этим фактом была похоронена. В середине 1988 г. легитимирована реформа политической системы (XIX Всесоюзная партийная конференция), а в конце года внесены поправки в Конституцию СССР 1977 г., трансформировавшие общественно-политический строй в СССР.

¹ См.: Каррильо С. «Еврокоммунизм» и государство. М.: Прогресс, 1978. С. 96–97.

Дальнейшие события, приведшие к двоевластию (ЦК КПСС и Съезд народных депутатов СССР), отмена монопартийной системы и введение института президентства, проходили в обстановке идеологического плюрализма.

КПСС в лице делегатов своего последнего, XXVIII, съезда (лето 1990 г.) приняла новую Программу, социал-демократическую как по названию – «К гуманному, демократическому социализму», так и по содержанию (признание многопартийности, смешанная экономика и т. д.).

Тем же идеологическим плюрализмом можно объяснить рост антикоммунистических настроений среди части национальных элит. Руководствуясь политической конъюнктурой, они с охотой воспринимали лозунги антикоммунизма, вбрасываемые радикальными реформаторами, и вели дело уже не только к изменению общественного устройства, но и к дистанцированию от Центра (союзного руководства). Политика М. Горбачева, перераспределившего власть в президентские структуры, уже не была партийной, поэтому «демократы» (как называли радикальных реформаторов) легко свели на нет социал-демократический проект ослабленной КПСС, предложив обществу либеральную рыночную модель развития и заодно дезавуировав многоцветную идеологию остальных республик и разрушив тем самым единство на базе коммунистической перспективы.

Таковы некоторые черты ревизионистского преодоления коммунистической идеологии в КПСС и попытки ее превращения в социал-демократическую партию.

КПСС была запрещена российскими «демократами» после августовских событий 1991 г. На ее обломках позднее стала формироваться КПрФ. По своим программным установкам – это партия с эклектической теорией, где содержатся элементы марксистской риторики в отношении классов, а также апелляция к справедливому обществу сталинского времени и т. д. КПрФ признает смешанную экономику, плюрализм, многопартийность.

Сегодняшние левые партии называют события перестройки крахом политики ревизионизма в СССР, исходя из идеи, что ядром марксистской идеологии истинного типа был сталинизм. С их точки зрения, перестройка вернула страну в капитализм¹.

Таким образом, ревизионизм внутри КПСС – понятие вполне историческое. В 1910–1930-е гг. внутри партии господствовал прогностический тип ревизионизма: предсказали победу социалистической революции в одной стране – она и победила в ней; провозгласили победу социализма в одном, отдельно взятом государстве, так, по мнению партии, и получилось. В послевоенный период в условиях мировой научно-технологической революции КПСС, строя общенародное государство, развитой социализм, корректируя понимание социальной структуры социалистического общества, практиковала прагматический тип ревизионизма, когда теория марксизма-ленинизма развивалась вслед за быстро меняющейся действительностью в восточноевропейских социалистических странах или отвечала на вызовы еврокоммунизма. Доминирующим течением внутри КПСС ревизионизм становится со второй половины 1980-х гг., когда под вопрос было поставлено существование всей сталинской модели социализма в СССР и в стране начались политические и социально-экономические реформы.

¹ См., например, переведенную на русский язык активистом Российской маоистской партии О. Торбасовым в 2004 г. книгу В. Дикхута «Реставрация капитализма в СССР» («Die Restauration des Kapitalismus in der Sowjetunion»), вышедшую несколькими частями в 1971–1988 гг., а также книгу Х. Брава «Перестройка: полный крах ревизионизма» (на русском языке появилась в интернете в 2001 г.).

Начну с едва ли не ключевого вопроса: а против чего могут и должны (?) бороться современные левые? Принято считать, что в основе левой идеи лежит тезис о несправедливом неравенстве доходов (с чем я *категорически не согласен*, но обо всем по порядку) и в связи с этим вспомним известные аргументы критиков левой идеи последних нескольких десятилетий, показывающих, что природа капитала, наемного труда, эксплуатации и неравенства в современном мире изменилась до неузнаваемости. На этом основании можно сделать вывод, что для левой альтернативы нет места, указывая на то, что переход к информационному обществу снимает эксплуатацию наемного труда как основу неравенства. В современном мире – утверждают наши критики, апеллируя к статистике, – богатыми являются прежде всего не собственники капитала (в традиционном смысле слова), а лица творческих профессий, своим трудом обеспечивающие себе богатство. Если человек беден, то только потому, что он ленив, не имеет креативного потенциала и достойного образования.

Этот аргумент принципиален и очень широко распространен, поэтому позволю себе несколько не менее важных (и тоже хорошо известных, но, как правило, «забываемых» нашими оппонентами) контраргументов.

Первый. «Информационное общество» – это пока что удел меньшинства граждан Земли. Из этого вытекает как минимум то, что все *новые, «постиндустриальные» противоречия «богатых» и «бедных» – это проблемы меньшинства человечества.* Большинство живет в мире, где до сих пор сохраняется почти что классический индустриальный наемный труд и эксплуатирующий его капитал, а то и внеэкономическое принуждение (как, например, на стройках Москвы). Продолжая эту тему, замечу: даже в наиболее развитых странах, где, действительно, в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте занято всего лишь 20 % населения, еще 30 % как минимум занято репродуктивным индустриальным, а то и доиндустриальным трудом в таких сферах, как торговля, питание, гостиничный бизнес, финансы (клерки, кассиры и т. п. в банках – наиболее массовый слой занятых этого сектора). Так что *и в развитых странах сегодня более половины людей занято неквалифицированным репродуктивным трудом.* Запомним этот тезис.

Второй. Задумаемся о том, какова доля «пространств», в которых любой гражданин имеет возможность получить высококачественное образование независимо от того, в какой стране (регионе страны) и в какой семье он родился и вырос. Оказывается, что в этих «землях

РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИИ И БУДУЩЕЕ ЛЕВОЙ ИДЕИ: К КРИТИКЕ НАШИХ КРИТИКОВ

Александр Бузгалин

Проблема левой идеи и левого движения была и остается одной из определяющих общественное и идейное поле на протяжении вот уже более двух столетий. Появившийся на арене мировой социальной истории как минимум в годы великой Французской революции и окрепший до одной из решающих сил общественного развития в XX в., призрак социалистической альтернативы, казалось бы, ушел в прошлое с распадом мировой социалистической системы. Но еще двадцать лет назад Жак Дерида выступил в Париже с сенсационной лекцией, в которой он «воскресил» призрак Маркса¹, а в моей стране автор этих строк и десятки его ученых собратьев публично выступили с лозунгом ««Социализм» умер – да здравствует социализм!». Именно тогда, в годы кризиса практики «реального социализма», оказалась непосредственно актуализирована новая левая теория².

Последние два-три года посткризисной эволюции в большинстве стран мира наблюдается возрождение интереса к Марксу и левым альтернативам.

¹ Позднее, в 1993 г., на базе этой лекции вышла книга Ж. Дерида «Призраки Маркса».

² Этой актуализации в 1990-е гг. в разных формах были посвящены десятки интереснейших международных симпозиумов и конференций, собиравшихся в США и Западной Европе, Латинской Америке и Азии (упомяну лишь о сериях Socialist Scholars conference (Нью-Йорк), симпозиумов Actuel Marx (Париж), форумов Художников и Интеллектуалов (разные города Латинской Америки и Западной Европы) и т. д. Каждая из этих встреч включала многие сотни секций и панелей, собиравших тысячные аудитории и, главное, несших значительный теоретический заряд. Не могу не упомянуть и о том, что в России этим уже 20 лет занимается журнал «Альтернативы», и не только он.

Безусловно, это само по себе не контраргумент в споре о кризисе левой идеи, но это указание на адреса, где можно искать и находить антикризисные левые идеи.

обетованных» проживает ничтожно маленький процент – преимущественно это скандинавские страны плюс Венесуэла, Куба, а вовсе не США, где для ребенка из семьи эмигрантов в первом поколении, живущей в трущобах, доступ в Гарвард возможен примерно в той же степени, в какой российскому крестьянину XVIII в. был доступен Марбургский университет (где, как известно, учился Ломоносов). Итак, в сегодняшнем мире доминирует связка: «низкое образование в большинстве случаев является следствием угнетенного положения эксплуатируемых и усиливает это угнетение; высококачественное образование есть в большинстве случаев следствие привилегированного социального положения и усиливает эти привилегии». Обратная связь: возможность «низов» получить хорошее образование и стать «верхами» в большинстве стран мира сегодня является таким же исключением, как и возможность представителя третьего сословия стать дворянином в России даже не XVIII, а XVII в.

Дополнительно отмечу: точно так же, как передовой тенденцией этих эпох было не приобретение буржуа дворянского патента, а свершение буржуазной революции с целью отказа от привилегий аристократии, так же и сегодня передовой тенденцией для творца является не личное обогащение при помощи продажи своего интеллекта, а выращивание мира, в котором денежное богатство перестанет быть мерой развития человека, его социального положения и самоуважения.

Третий. Высокие и сверхвысокие доходы большинства лиц «свободных профессий» в современном мире – мире глобальной гегемонии капитала – это капиталистические по своей природе доходы, связанные с талантом (если он вообще есть) их обладателя не намного больше, чем миллиарды Березовского связаны с его степенью доктора технических наук. Певцы, актеры, спортсмены и т. п. – это раг excellence марионетки, функции, вознесенные вверх логикой корпоративно-организованного капитала в сфере шоу-бизнеса. И это доказывается тем, что сотни тысяч не менее талантливых, чем звезды шоу-бизнеса, певцов и актеров остаются в бедности, что тысячи не менее талантливых, чем Березовский, докторов технических наук в нашей (и не только в нашей) стране живут как полунищие. Доходы этих лиц связаны не столько с их креативным потенциалом, сколько с их положением персонификаций маркетинговых стратегий корпораций или положением циничного собственника-предпринимателя, не гнушавшегося в России 1990-х гг. откровенно аморальных, а то и просто криминальных способов осуществления первоначального накопления. Да, исключения из этого правила есть, но и в СССР Брежнев начинал как техник-землемер 3-го разряда, кочегар и сле-

сарь, а Горбачев как комбайнер, но доказывает ли это отсутствие номенклатуры в Советском Союзе?

Четвертый. Главная тема левых (во всяком случае, марксистов) как критиков несправедливости – это не неравенство доходов, а *вся система отношений социального отчуждения, превращающая человека в марионетку капитала, государства и т. д.* И здесь генезис информационного глобального общества, действительно, ставит массу новых проблем, не сводимых к одной только проблеме эксплуатации наемного труда капиталом. Хотя (1) исторически большинство трудящихся живет до сих пор в индустриальном (или даже доиндустриальном) капиталистическом мире, (2) теоретически наиболее важная проблема современности – *новое содержание и формы отчуждения, характерные для глобальной постиндустриальной системы.* Поэтому мы, не забывая (в отличие от В. Иноземцева) о первой проблеме, сосредоточим свое внимание на второй.

Ключ к новой базе «левой идеи» – тезис о том, что, во-первых, *новая фаза развития капитала порождает новые формы подчинения Человека (не только труда) глобальным корпоративным структурам, которые способны купить не только рукопись, но и вдохновенье человека-творца, превратить образование в механизм социальной сегрегации, новые технологии – в средство манипулирования и нового, «информационного», (Л. Булавка) принуждения.* Автор этих строк и его коллеги много об этом писали со ссылками на десятки известнейших зарубежных авторов – от «старого» Э. Мандела до «нового» С. Жижека¹.

Во-вторых, сегодняшний главный пафос левых – это *борьба против тех противоречий, которые обостряет «закат» не только капитализма, но и всего «царства необходимости», «экономической формации».* Обострение именно глобальных проблем в результате параллельного «заката» и капитала, и мира социального отчуждения как целого – это закономерность. И перенос центра тяжести протеста и конструктивных альтернатив левых в эту плоскость есть свидетельство не кризиса, а прогресса левой идеи (о практике – ниже).

Вот почему *левая идея сегодня* – это борьба против (1) эксплуатации наемного труда капиталом и внеэкономического принуждения там, где эти формы отчуждения до сих пор остаются господствующими или возрождаются реверсивным движением социального времени

¹ См., например: Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., 2009; Мандел Э. Власть и деньги. М., 1992; Жижек С. Размышления в красном цвете. М., 2010.

и (2) тех [новых]¹ форм отчуждения, которые порождает закат «царства экономической необходимости» и которые проявляют себя как глобальные проблемы, катализируемые корпоративным капиталом.

За что бороться левым в возникающем глобальном постиндустриальном мире, или еще раз о левых как «местечковых» защитниках бездельников и тунеядцев

Характеристика этих [новых] позитивных программных установок будет пустословием вне ответа на ряд традиционных критических замечаний в адрес левых. Они (левые), дескать, (1) пекутся ныне не о работниках, а о тунеядцах (пенсионерах, безработных, люмпенах), т. е. о тех, кто не умеет и не хочет работать и учиться, стремятся перераспределить (в том числе в глобальном масштабе) деньги от тех, кто умеет зарабатывать, к тем, кто этого не умеет. Посему (2) бедные страны сами виноваты в своей бедности, а «помощь» со стороны богатых лишь развращает их. А левые (3) выступают с «местечковых» антиглобалистских позиций, противостоя прогрессу.

Первое. О «бездельниках». Левые (не социал-демократы Европы, которые уже давно центристы, хотя отчасти это касается и их левого крыла) предлагали и предлагают не подачки бездельникам за счет тружеников, а нечто прямо противоположное. А именно: *перераспределение части прибавочной стоимости, используемой современным капиталом на рост паразитических сфер* (паразитические слагаемые финансовых трансакций, расходов на вооружения и войны, производство и потребление предметов роскоши и симулятивное потребление – всех сфер т. н. «превратного сектора»²), *в пользу тех сфер, где осуществляется развитие человеческих качеств и технологий, рекреация природы и общества.*

Последнее предполагает политику, ведущую **к сокращению**:

- паразитической составляющей финансового сектора;
- расходов на вооружение и военное производство;
- бюрократического аппарата управления (доля «офисного планктона» в развитых странах много больше, чем в бюрократизиро-

¹ Слово «новых» я взял в квадратные скобки с тем, чтобы указать на относительность этой новизны: прототипы практически всех современных глобальных проблем можно найти на протяжении едва ли не всей эпохи господства отношений социального отчуждения.

² Категория «превратный сектор» введена в упомянутой выше книге А. И. Колганова и автора строк «Глобальный капитал».

ванном СССР, – достаточно посмотреть спутниковые карты, на которых хорошо видно доминирование офисных зданий);

- массовой культуры и профессионального спорта;
- отраслей, производящих разного рода симулякры и воспроизводящих модель «сбрэндившей» экономики и т. п.

И политику, ведущую **к приоритетному развитию**:

- общедоступного образования (включая воспитание) через всю жизнь – начиная с бесплатных яслей и детского садика до поступившего университетского образования каждые 5–10 лет и университетов для пенсионеров (опыт Белоруссии);
- общедоступного здравоохранения, физкультуры и других сфер обеспечения здорового образа жизни;
- подлинного искусства, до которого возвышается все более широкий круг членов общества;
- рекреации общества (социальная работа, позволяющая поднять из гетто не просто нищеты, но бескультурья и требующая сотни миллионов талантливых, креативных людей) и природы (планете Земля нужны сотни миллионов «садовников»);
- программ долгосрочного технологического реструктурирования экономики в пользу сфер, обеспечивающих прогресс человеческих качеств и природосберегающее (а в идеале – природовосстанавливающее) развитие;
- институтов гражданского общества, самоуправления, демократии «корней травы» (а для участия в их работе необходимо реальное, т. е. с учетом 2-й и т. п. занятости, сокращение рабочей недели до 35 часов и менее) и мн. др.¹

Что же касается безработных, а также еще или уже не трудоспособных (детей и пенсионеров), то идейные установки левых (в отличие от действительно крайне противоречивой практики социал-демократов западной Европы) – это не поддержка неработающих за счет трудящихся, а предоставление людям возможности переквалификации и дополнительного образования (если говорить о первых) и поддержка уже и еще не трудоспособных за счет прежде всего названных выше паразитических сфер и высокого прогрессивного налогообложения не заработков большинства трудящихся, а паразитических доходов корпоративной номенклатуры и обслуживающих их слоев.

Второе. О бедных странах, которые сами виноваты в своей бедности. Действительно, таково мнение очень многих, в том числе и

¹ Подробнее об этом см. в серии наших работ по проблемам опережающего развития, в частности в книге: Мы пойдем другим путем... М., 2010.

среди жителей бедных стран. Это мнение в принципе имеет немало оснований, но здесь есть «нюансы». Во-первых, есть очень серьезные аргументы в пользу того, что глобальная гегемония капитала воспроизводит и мультиплицирует то неравенство, которое *генетически* было порождено неравномерностью перехода разных стран и регионов к капитализму (и в этом смысле бедные страны виноваты в своей бедности в той же мере, в какой ребенок, родившийся в семье нищего, виноват в том, что не смог пробиться в Гарвард). Во-вторых, понятие бедная *страна* – это не та категория, с которой «работают» левые теоретики (напомню: у нас пока речь идет о якобы существующем кризисе левой *идеи*). Левые теоретики исследуют те противоречия, которые порождают различные формы отчуждения (эксплуатации, принуждения), следствием которых является, в частности, бедность и нищета *социальных слоев*, а не стран в целом.

Поэтому вопросы стоят иначе, нежели в постановке наших критиков, а именно: *должно ли решать проблему бедности (нищеты) как глобальную проблему человечества, и какими объективными противоречиями существующего социально-экономического, геополитического и идейно-культурного мироустройства она порождена*. Я думаю, что такая постановка вопроса не чужда и моему оппоненту; ее признают практически все исследователи в области «экономики развития» и глобалистики.

Важнейшие аспекты левой стратегии решения *глобальной проблемы бедности* хорошо известны:

Помощь не правительствам стран, а нуждающимся гражданам через институты международного гражданского общества. Причем не столько через раздающие подачки благотворительные фонды, сколько через действующие и борющиеся социальные движения типа MST¹ или Виа Кампесина². Да, последние слабы, и эти механизмы

¹ MST (Movimento dos Sem Terra) «Движение безземельных крестьян» – одно из крупнейших социальных движений в современном мире. В его рядах состоят на сегодняшний день более 1,5 млн членов, и оно действует в 23 из 26 штатах Бразилии, организуя захваты пустующей земли безземельными работниками. Выступления участников движения в значительной мере успешны: более 350 тыс. семей в результате смогли на легальных основаниях получить землю, почти 90 тыс. семей все еще ждут официального признания сделанного ими захвата. Ключевой лозунг движения «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!». Позже подобным образом стали действовать безземельные крестьяне и безработные в других странах, а также промышленные рабочие и служащие сферы обслуживания в Аргентине, где они оккупировали, налаживая эффективное производство, закрывавшиеся фабрики, отели и т. п. Интереснейший опыт оккупационных забастовок есть и в России (См.: Булавка Л. А. Нонконформизм. М., 2002).

² Виа Кампесина (La via Campesina) – международное крестьянское движение, созданное в 1993 г. В настоящее время – одна из крупнейших и влиятельных мировых сетей. URL: www.viacampesina.org

часто дают сбой, но это указывает на то, что надо менять существующее общественное устройство (т. е. реализовывать *левую идею*), а не на то, что модель теоретически неверна.

Помощь преимущественно в форме не гуманитарных подачек типа поношенной одежды, сколько в виде помощи в осуществлении бесплатного *высококачественного* образования, *бесплатной передачи новейших технологий*, поддержки институтов самоорганизации в этих странах и т. п.¹ Это, безусловно, нарушает все основные принципы неолиберальной (и тем более протоимперской) модели общественного переустройства, но в этом и состоит левая идея: сделать глобальное мироустройство другим.

Так мы подходим к едва ли не ключевой в данном случае проблеме – проблеме альтернатив глобальной гегемонии корпоративного капитала, называемой обычно более нейтрально – глобализация.

Третье. Современная левая идея – это идея не анти-, а *альтерглобализма*. Мы (мы – это многие тысячи НПО и социальных движений, в которых участвуют десятки миллионов граждан по всему миру и которые поддержали, в частности, *Хартию Порту-Алегри* – документ Всемирного социального форума²) предлагаем *не* возрождение то ли позднесредневековой, то ли раннекапиталистической национальной замкнутости с мощными таможенными барьерами и акцентом на суверенности национальных государств, а то и империй. Движение к империи (т. н. «империи доверия») – это как раз современное издание правого проекта и правой идеи.

Левая идея сегодня – это гораздо более глобалистская, нежели у правых, идея.

Как таковая она включает набор как реформистских, так и весьма радикальных позитивных подвижек, адекватно отвечающих на вызовы глобального информационного общества.

Среди последних – переход к всеобщей собственности на культурные ценности³, к *собственности каждого на все*, собственности каждого Индивида на все [богатство культуры] или, другими словами,

¹ Левые уже давно выступают с идеей: *общедоступное качественное образование через всю жизнь – ключ к решению проблемы бедности*. «Образование для всех» и «Информация для всех» – важнейшие программы ЮНЕСКО.

² Хартия принята Вторым всемирным социальным форумом в Порту-Алегри в 2002 г. Текст документа можно найти на сайте: www.alternativy.ru

³ Идея всеобщности труда (и собственности) в будущем мире, лежащем «по ту сторону» материального производства («царства необходимости»), – это классическая идея марксизма, развивавшаяся в советском марксизме особенно активно в 1960-е гг., когда об этом писали Г. Батищев, В. Вазюлин, Н. Злобин, В. Межуев, Б. Шенкман и др. В. М. Межуев и в настоящее время активно развивает эту идею в своих многочислен-

отказ от интеллектуальной [частной] собственности (копирайтов, патентов, брэндов и т. п.). Эти требования сегодня выдвигает прежде всего молодое, «продвинутое» поколение «пиратов», сторонников копилефта, Linux'а и т. п.

В нашем пространстве имеется немало других, не менее радикальных стратегических проектов. Но есть и гораздо более *умеренные, реформистские, локальные требования*, предполагающие как минимум распространение принципов социально, экологически и гуманитарно ориентированной рыночной экономики и приоритета гражданского общества во всех странах мира. *Эти принципы могут реализовываться в странах с разным уровнем развития.*

В *этих* реформистских требованиях иного миропорядка нет ничего утопического и радикального. Они, повторю, реализуемы в стране с любым уровнем развития. Только один нюанс здесь важен: тысяча богатейших россиян в этом случае будет настолько же *беднее* тысячи шведских богачей, насколько российский учитель беднее шведского. Сегодня же мы имеем другую картину: Россия существенно опережает Швецию по доле и нищих, и миллиардеров.

Да, «старый» вид «Шведской модели» *изрядно устарел*. Да, даже реформистам надо идти дальше. Но! *Левые уже давно показывают, куда и как идти дальше*¹. А вот правые и псевдолевые (в том числе – европейские социал-демократы) им этого не дают, ибо справедливо видят в этом угрозу глобальной гегемонии корпоративного капитала.

Почему? Да потому, что *даже в реформистском «издании» новая левая идея посягает на многие устои (права собственности, доходы, политическую и идейную власть) «номенклатуры» современного позднего капитализма.*

Если выразить эти посягания коротко, то *мы предлагаем мир* (и это реформистская программа-минимум), *в котором финансистов, брокеров, менеджеров, военных, полицейских, деятелей и поклонников шоу-бизнеса и т. п. будет мало, получать они будут относительно немного и особым уважением пользоваться не будут. А учителей, врачей, художников, рекреаторов общества и природы будет много, они будут наиболее уважаемыми гражданами, получающими вполне достойную зарплату.* Это будет мир, в котором доминируют социаль-

но-ответственные работники-творцы, а не посредники, создающие симулякры. Это будет мир, в котором ездить на дорогах машинах и иметь личные коллекции импрессионистов будет возможно, но стыдно. Т. к. творчески ориентированный менеджер и ученый стремятся не к тому, чтобы купить сотый костюм и стоять в пробке в Хаммере, а к тому, чтобы их уважали сограждане и они сами себя уважали. Если же некто настолько примитивен, что тратит заработанный им излишек не на развитие, а на симулякры, – пусть, но уважать его ни общество, ни возлюбленные не будут.

Столкнувшись с этими размышлениями, нам часто возражают: *Вы предлагаете абсолютно утопические идеи.*

В данном тексте я отвечу лишь исторической аналогией. В XVIII в. в цивилизованной Франции идея демократии была не просто утопией, но ересью, преследуемой Инквизицией (кто не знает мук Вольтера!). В конце XIX в. 8-часовой рабочий день был романтическим благопожеланием, за высказывание которого расстреливали (кто не знает о первомайской бойне в Чикаго!). В первой половине XX в. антиколониальные интенции казались очевидно бессмысленными... Довольно примеров?

Суммируем: *левая идея сегодня – это идея, связанная с поиском альтернативной модели генезиса «общества знаний» и интернационализации.* Общий смысл этих идей лежит в поле различения объективных технико-экономических процессов и вариативных социально-экономических, политических, идеологических форм их реализации. Точно так же, как индустриализацию можно было проводить при помощи демидовских крепостных или североамериканских наемных рабочих, энтузиастов Магнитостроя или узников ГУЛАГа, так же и глобализация, информационная революция и т. п. как технико-экономические и даже социо-культурные процессы могут идти по-разному: по правилам Вашингтонского консенсуса или на основе принципов Хартии Порту-Алегри.

Нам возражат: Эти идеи, может быть, и красивы, но утопичны, а на практике у Вас опять будет ГУЛАГ...

О чем свидетельствует опыт попыток практической реализации левой идеи?

Это возражение и справедливо, и несправедливо.

Оно справедливо, ибо [почти] все то, что наши критики упоминают в качестве негативных примеров реализации левого проекта – правда. Но это *часть* правды. И поскольку нам регулярно и справед-

ных работах (См., например: Межуев В. М. Маркс против марксизма. М., 2009). Автор этих строк так же немало писал об этом в упомянутых выше работах.

¹ Коротко я об этом писал выше, размышляя о трансформации безработных в переобучающихся, пенсионеров – в эко-, социо- и хомо-креаторов и т. п. Более подробно эти положения развиты в моей статье: Будущее «скандинавской модели» // Альтернативы, 2011. № 1.

ливо тычут в нос миллионными жертвами сталинских репрессий, а также преступлениями Мао и Полпота, то и я в ответ в тысячу первый раз спрошу: почему вы, уважаемые критики левой идеи и сторонники либерализма, «забываете» (вслед за всеми своими предшественниками) упомянуть о том, что развитие капитализма, который принято считать «наименьшим из зол», сопровождалось уничтожением целых цивилизаций (индейцев и австралийских аборигенов), миллионным рабством, кровопролитными революциями и гражданскими войнами (например, в США), двумя мировыми войнами (в том числе, Первой мировой войной, к развязыванию которой левые явно не имеют никакого отношения), атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, колониальным угнетением и уничтожением десятков миллионов человек в войнах против народов, стремившихся уйти от колониализма?

Проблема в данном случае не в том, чтобы «пободаться», чьи сторонники больше убили людей: я надеюсь, что наши критики ненавидят тех, кто отдавал приказ сбросить атомные бомбы на японские города в 1945 г., не меньше, чем я ненавижу тех, кто отдавал приказ о расстреле моих учителей и сограждан в 1937 г. Проблема в том, что сторонники левой идеи (и автор этих строк в том числе) не устают постоянно говорить о зле и угрозе сталинизма и маоизма. *А вот критики левой идеи все как один постоянно «забывают» указать, чем оборачивается для человечества нереализация левой идеи и по-прежнему делящаяся глобальная гегемония капитала.* А оборачивается она сохранением (а то и приумножением) отчуждения: *зла* (вплоть до войн и фашизма), *нищеты* (капиталистическая система «почему-то» всегда продуцирует массу тех, кто не может и/или не хочет жить по принципу «человек человеку волк»), *лжи* (от утверждений, что «все будет кока-кола», если ты выпьешь пол-литра слабого раствора ортофосфорной кислоты, до мифа о равенстве стартовых возможностей ребенка из российской деревни и чада миллиардера), *безобразия* (а чем иным является продуцируемая рыночным фундаментализмом массовая культура?).

А теперь о том зле, которые породили первые попытки «строительства социализма».

Да, первые опыты продвижения к посткапиталистическому обществу оказались сопряжены с чудовищно глубокими противоречиями и потерями. Однако...

Первое. Опыт мировой социалистической системы весьма неоднозначен и есть огромный пласт практик «реального социализма», которые сугубо прогрессивны и, более того, опередили свое время. Один из парадоксов, в частности, СССР состоял в том, что наиболее

успешные шаги к социализму были сделаны именно в сферах «опережения», в постиндустриальном секторе – образовании, науке, искусстве, спорте, космосе, социальной защищенности и т. п. При этом мы не смогли решить задач буржуазной системы – мы жили в условиях экономики дефицита, где каждому были доступны мирового уровня образование, искусство, спорт и жизнь, делящаяся столько же, сколько в самых развитых странах, но недоступны даже худшие в мире джинсы, три сорта колбасы и симулякры массовой культуры.

О чем свидетельствует этот парадокс? Поверхностный взгляд увидит лишь диспропорцию и финальный провал, когда большинство граждан отказалось от образования и здоровья, выбрав джинсы, сто сортов (полусинтетической) колбасы и попсу. Взгляд более глубокий поставит *проблему*: при каких условиях, кто и как может обеспечить снятие этого парадокса на пути движения к более прогрессивному, нежели и СССР и США, обществу.

Второе. Здесь в самый раз обратиться к *практикам постсоветской эпохи.* Эти практики также весьма противоречивы, но именно *противоречивы.* Начнем с сохраняющихся опытов социал-демократической модели в скандинавских странах. При всех очевидно заметных проблемах они не уступают либеральным странам по большинству критериев, а по социальным, гуманитарным и экологическим критериям, как правило, превосходят. И это при том, что (намеренно повторю!) в этих странах сохраняется *устаревшая и крайне половинчатая левая модель.*

Примеры других стран – Кубы, Венесуэлы и т. п. – также далеко неоднозначны. Они начали – и, естественно, в чрезвычайно неблагоприятных условиях – движение к новому миру и достигли немало. Венесуэла – это далеко не идеальная система с сохраняющейся (хотя и в меньших, чем ранее масштабах) коррупцией, социальными конфликтами и многочасовыми речами Чавеса, произносимыми на фоне собственного портрета и транслируемыми по центральному телевидению. Но еще это страна с бурно развивающимся образованием, медициной, спортом и низовым самоуправлением; растущим качеством жизни большинства трудящихся и снижающейся социальной дифференциацией. Точно так же и Куба – это не только карточки на продукты питания. Это еще и прекрасное образование, медицина, спорт и один из самых высоких в Латинской Америке (близкий к уровню «золотого миллиарда») индекс человеческого развития.

Поэтому примеры стран «реального социализма» по меньшей мере амбивалентны, и потому это не столько свидетельство кризиса левой идеи, сколько вызов теории социализма. Вызов, на который, как я уже постарался показать выше, есть немало достойных ответов.

Третье. Перед вдумчивым, не зашоренным идеологически теоретиком скоро уже столетие стоит не только вопрос о том, почему СССР был столь противоречив и ушел в прошлое, но и Alter Ego этой проблемы: *почему в XX в. практически во всех странах, нелинейно и неравномерно, но непрерывно и объективно возникают интенции движения к миру, лежащему по ту сторону власти рынка и капитала?* Почему постоянно совершаются социалистические революции или иные подвиги (Россия, Германия, Венгрия, Китай, Испания, Вьетнам, Куба, Чили, Венесуэла и др.)? Почему упорно воспроизводятся организации, требующие все более активного ограничения финансовых спекуляций и производства роскоши, рабочего времени и вредных выбросов, вооружений и бюрократии? Почему подлинная мировая культура, фундаментальная наука и гражданское общество ищут альтернативы «рыночному фундаментализму» (Дж. Сорос) и глобальной гегемонии капитала? Что это, непрерывная цепь случайностей или все же закономерность? Закономерность столь же устойчивая, сколь и поражения (вырождения) этих интенций?

Левая идея дает достаточно строгий ответ на этот вопрос-вызов.

Мы показали, что *первоначальный этап генезиса любой новой общественной системы не может не быть периодом нелинейных трансформаций, включающих не только и не столько «чистый вид» закономерного генезиса нового мира, сколько мутации первых попыток продвижения к нему в условиях минимально достаточных предпосылок; революции и контрреволюции, реформы и контрреформы; победы и поражения этих первых шагов; их вырождение и возрождение.*

И это закономерность. Даже относительно простой переход от одной системы отчуждения (феодальной) к другой (капиталистической) в таком узком локусе социального пространства, как Европа, шел около 500 лет, включая (намеренно повторю этот пример) первые удивительно красивые (и чудовищно кровавые) «эксперименты» ренессансной Италии, где проводилось «насаждение» рынка и демократии вместо «естественного», «богоданного» неравенства сословий и абсолютизма. Напомню, они закончились провалом, лишь через триста лет дав всходы в виде освободительной войны Гарибальди.

Также хочется подчеркнуть, сказанное – не критика капитализма, а его апология как нового, более прогрессивного, чем феодализм, строя. Точнее, сказанное – иллюстрация сформулированной выше закономерности: генезис нового социального пространства-времени идет нелинейно, сопровождаясь мутациями и реверсивными процессами, но неумолимо.

Кризис левой идеи: реальность или стремление правых выдать желаемое за действительное?

Подчеркну: есть критика и Критика. Критика левых, отождествляемых с традиционными программами социал-демократических и/или коммунистических партий XX в. имеет много справедливых оснований.

Первый. Господствующие в среде «старых» европейских социал-демократических и коммунистических партий идеи (и особенно парламентские лозунги и действия), хотя и далеки от несколько карикатурной картины, как правило, рисуемой нашими оппонентами, действительно во многом устарели и далеко не в полной мере отвечают на вызовы новой эпохи. Правда, я должен заметить, что правые идеи находятся отнюдь не в лучшем состоянии (о чем мои оппоненты тоже, как правило, «забывают» упомянуть). Но в Западной Европе, Латинской Америке, Азии и Африке есть широкий круг теоретиков (С. Амин, Д. Бенсаид, И. Валлерстайн, С. Жижек, А. Негри, М. Хардт, Н. Чомски), предлагающих другие *идеи* (точнее, некий спектр идей, имеющих единое поле тяготения, что закономерно и полезно для новой эпохи). Более того, как я уже заметил, они опираются на практики многих тысяч организаций, в которые включены миллионы активистов (ассоциированных социальных творцов, работающих не за деньги или карьеру) и десятки, если не сотни, миллионов сторонников.

Можно ли утверждать, что *эти* идеи *этих* интеллектуальных и общественных сил находятся в кризисе? Нашими оппонентами они почему-то игнорируются. На мой же взгляд, это тот теоретический и идейный потенциал, который в последние десятилетия-два опять же нелинейно, но неуклонно прогрессирует.

Второй. Если мы обратимся к проблемам левых в России, то я опять же соглашусь с нашими критиками в том, что теория и практика «основного течения» КПРФ в моей стране, действительно, дурно противоречива. Но и здесь я не могу не заметить: *носителями идей являются далеко не только лидеры парламентских партий.* Если бы дело было так, то о либеральной идее в России мы должны были бы судить исключительно по речам лидера ЛДПР. Поэтому я не могу не заметить, что левые *теоретики* (т. е. создатели и носители *идей*, а не официальных идеологических клише) в России практически все располагаются вне КПРФ, что в КПРФ едва ли не большинство интеллектуалов стоит на иных позициях. Что в России есть не слишком влиятельные (примерно столь же влиятельные, как и идейные коллеги В. Иноземцева), но активные и уважаемые левые общественно-политические структуры, не принадлежащие к КПРФ.

Третий. Надо понять, о кризисе чего говорят наши оппоненты. Если о кризисе идеологий и практик социал-демократов и выросших из советского наследия псевдокоммунистов, то они отчасти правы. *Правы*, ибо они действительно переживают кризис. Более того, кризис переживают практически все «старые», выросшие из эпохи противостояния двух мировых систем, политические и идейные течения – и либералы, и социал-демократы, и экс-коммунисты. *Отчасти*, ибо критикуя эти структуры, они часто используют аргументы против левой идеи вообще.

И еще: левая идея в XXI в., равно как и левая идея вообще, мало похожа на ту упрощенно-пародийную (хотя и общераспространенную среди подавляющего большинства мало интересующихся левыми идеями людей) картину, которую упорно воспроизводят наши оппоненты, напоминая сталинистов наизнанку: последние примитивизировали и примитивизируют идеи либерализма, а наши оппоненты – социализма. Но логика одна: чем больше передержек и лжи и чем они примитивнее – тем убедительнее.

Левое идейное пространство и питающие его теоретические разработки в новом столетии находятся не в кризисе, а в поиске. Каком именно поиске, что уже давшем поиске – это другой вопрос. Я упомянул о некоторых его аспектах выше, немало написал ранее и, надеюсь, еще напишу.

P. S.

Короткое послесловие, обращенное ко всем тем, кто собирается анализировать левую идею. Коллеги, постарайтесь понять, *что Вы хотите найти и чего вы боитесь*. Если вы считаете, что конструктивной и реалистичной (т. е. *не* находящейся в кризисе) *левая* идея может быть только в том случае, если ее реализация будет поддержана господствующими экономическими и политическими силами существующего мира и не приведет к существенному ущемлению интересов тех, у кого в руках находится реальная экономическая и политическая власть, то Вы ставите перед собой, в принципе, неразрешимую задачу. Она очень похожа на интенции тех, кто хочет создать демократию и полноправное гражданское общество, не посягая на власть, доходы и привилегии коррумпированной бюрократии и олигархического капитала. Так не бывает, коллеги. Поставив задачу так, Вы можете больше вообще ничего не писать, сразу объявив левых несерьезными утопистами.

Задача левых в том и состоит, чтобы начать менять ключевые, принципиальные основы господствующего ныне мироустройства, в котором труд – зло, а потребление – благо, на мир, в котором труд (общедоступный творческий труд!) – ценность, цель, а потребление – средство. *Левая идея «работает» и будет «работать» лишь в той мере, в какой люди, сети, страны, мир в целом будут переходить «по ту сторону» отношений (ценностей, мотивов, морали) мира отчуждения.*

И это так же верно и практично, как то, что мир рынка и капитала мог развиваться и развивался лишь в той мере, в какой люди и страны переходили от внеэкономического принуждения и сословного неравенства, крепостничества и абсолютизма к пространству юридически свободных личностей, политической демократии и защиты гражданских прав человека.

Левая идея, не покушающаяся на эгоизм homo egyptoticus, рыночный конформизм и всевластие золотого тельца, – это такой же нонсенс, как либеральная идея, не покушающаяся на основы крепостничества, абсолютизма и сословного неравенства.

Вот почему, суммируя, я могу сказать: левые ставят задачу *изменить (и в конечном итоге изменить) самые основания существующего миропорядка при помощи революций и подготавливающих их реформ так, чтобы социальное освобождение (разотчуждение) человека стало реальностью.*

РСДРП И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Валерий Журавлев

Почтенный – 115-летний – исторический возраст российской социал-демократии с трудом позволяет сегодня в полную меру осознать тот очевидный факт, что РСДРП исполнилось всего 19 лет, когда она вознамерилась, действуя с двух концов – меньшевистского и большевистского – «перевернуть» Россию, воплотить на практике – каждый по-своему – программные установки партии.

Если же вести счет с того момента, когда РСДРП фактически оформилась в партию, одновременно с этим расколовшись надвое, то к 1917 г. она вообще пришла в 14-летнем, отроческом, возрасте. По человеческим меркам – в пору активного бурления гормонов, наибольшего проявления максимализма, неуступчивости и радикализма, что нашло наиболее яркое и последовательное проявление именно у большевиков.

Тот факт, что другие партии, достигшие к 1917 г. значительного влияния, были формально моложе, ничего не проясняет. У эсеров, например, имелись глубокие корни в народническом движении, у кадетов – в либеральном. У социал-демократов такого основательного фундамента не было и к концу XIX в. быть не могло. Российская социал-демократия не столько сама возникла на базе оформившегося пролетарского движения, сколько стала интеллигентским рычагом, побудителем этого движения, о чем свидетельствует, в том числе, деятельность идейной и организационной прародительницы партии – группы «Освобождение труда» (1883 г.).

Находясь, таким образом, лишь на пороге своей партийно-политической зрелости, но уже окончательно утратив организационное единство (за исключением отдельных организаций на местах), партия окунулась в водоворот событий 1917 г., ставшего для нее одновременно этапом и высшего взлета, и сокрушительного поражения.

Исторический опыт, накопленный страной и миром на протяжении XX столетия, заставляет менять акценты в видении ряда важней-

ших событий прошлого. Сегодня очевидно, что своей кульминации (с точки зрения судьбы демократической альтернативы в России и стратегических перспектив российской модернизации) политические процессы достигли не в октябре, а в ноябре 1917 г. Этим событием, которое на десятилетия заслонило от нас тень Октябрьского вооруженного восстания и его последствия, были выборы в Учредительное собрание 12 ноября.

Осуществленные на основе самой эффективной и демократичной по тем временам пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтowych) с голосованием по партийным спискам, выборы эти вовлекли в избирательный процесс почти 50 млн человек (впервые включая и женщин). Все они получили возможность выразить свою волю в соответствии с демократическими принципами всеобщих, прямых, равных выборов при соблюдении тайны голосования.

Реализовавшая себя в разгар мировой бойни, это была электоральная и социально-политическая инновация (по современной терминологии) мирового масштаба и значения. В чем правомерно усматривать, хотя и непростительно запоздавшее, но главное итоговое достижение Временного правительства в серии его попыток преодоления разброда в обществе демократическими методами.

Оценивая истоки такого электорального энтузиазма российских граждан, М. Горький писал: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания»¹. Добавим, что пришли они к избирательным урнам уже достаточно политически «подкованными». За месяцы, прошедшие с Февральских событий, Россия, по крылатой оценке другого писателя и современника данных событий К. Г. Паустовского, «выговорила все, о чем молчала целые столетия»². И не только выговорила, но так или иначе определилась – в сложной парадигме отдельных социальных сил – со своими политическими предпочтениями, в ткани которых парадоксальным образом сочетались сиюминутный социальный расчет и рационализм с размытыми и утопическими представлениями и надеждами относительно будущего российской цивилизации. Именно *цивилизации*. Ибо в 1917 г. страна как раз и подошла к исторической развилке (точке бифуркации) цивилизационного уровня и значимости. Вопрос состоял лишь в том, в каких социально-политических формах этот назревший – и

¹ Цит. по: Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 22.

² Паустовский К. Г. Собрание сочинений. М.: Изд-во «Художественная литература», 1968. Т. 4. С. 515.

перезревший – исторический запрос эпохи найдет свое реальное воплощение.

О чем свидетельствовали представления и надежды ведущих на тот момент социальных сил российского общества? Ответ на этот вопрос дают нам итоги выборов, скрупулезно и всесторонне подсчитанные и оцененные современным исследователем истории Учредительного собрания проф. Л. Г. Протасовым.

Результаты выборов для измученной войной и социальными катаклизмами страны оказались знаменательными, знаковыми именно для тогдашней России. С ее исконным крестьянским традиционализмом, лишь частично – с правого крыла – затронутым буржуазным либерализмом и довольно значительно – с левого края – революционным радикализмом. Будущее страны на путях стабильной модернизации во многом зависело от того, смогут ли в конечном счете наиболее влиятельные общественные силы и представляющие их политические партии найти базу компромисса в рамках идей социальной справедливости в их как крестьянском, мелкобуржуазном, так и в пролетарском вариантах.

Выборы 12 ноября подвели под указанную альтернативу мощную базу массового волеизъявления. В итоге своим указанным политические предпочтения и социальные упования – в подавляющей массе их выразителей – свидетельствовали о призрачности надежд крайне правых на реставрацию самодержавного строя (монархисты собрали 300 тыс. голосов избирателей, или 0,6 %) и бесперспективности самого рационального и взвешенного, но запоздавшего на полвека либерального варианта эволюционного переустройства страны (кадеты получили 2,2 млн голосов, или 4,5 %). В массе же своей избиратели вручили свою судьбу и судьбу страны тем политикам, которые звали их к социализму «без берегов». В его национально окрашенной как крестьянской, так и пролетарской интерпретации: 19,1 млн человек (39,5 %) проголосовали за эсеров; 10,9 млн (22,5 %) за большевиков; 1,5 млн (3,2 %) за меньшевиков; 439 тыс. (0,9 %) за народных социалистов. Еще 7 млн голосов (14,5 %) собрали разнородные национальные партии неонароднического и социалистического толка¹.

Именно итоги выборов 12 ноября, а не Октябрьское вооруженное восстание, с позиций последующего исторического опыта представляются сегодня «моментом истины» и для российской социал-демократии. Большевики и меньшевики – сторонники диктатуры пролетариата и двух разных моделей движения к социализму, но в

границах расширенного, национально интерпретируемого марксистского миропонимания – получили не в пылу митинговых страстей, а именно в ходе демократического избирательного процесса поддержку четвертой части разношерстного российского электората.

Для четырнадцатилетней политической структуры, всего восемь с половиной месяцев (срок, за который можно разве что выносить ребенка) находившейся в сфере публичной политики, структуры, к тому же расколовшейся на две непримиримо настроенные друг против друга партии, это был выдающийся успех. Но он не был, однако, абсолютным и требовал кропотливого диалога по «наведению мостов» между революционными партиями марксистского и неонароднического толка.

Для этого имелись все возможности. В активе большевиков было несомненное умение «ладить с массой», улавливать колебания в ее настроениях и эффективно реагировать на них. На стороне меньшевиков – опыт «хождения во власть», искусство межпартийных блоков и компромиссов, умение, действуя малыми силами, добиваться значительных политических результатов. Именно меньшевики были и объективно, и субъективно готовы к выполнению необходимых функций в плане подготовки условий для достижения компромисса между партиями, занявшими лидирующие позиции в ходе электорального процесса.

Нравится ли это сегодня кому-то или не нравится, но к осени 1917 г. путь России к радикальному социальному эксперименту *цивилизационного* масштаба и значения был и объективно, и субъективно неизбежным. Страна была обречена на этот эксперимент. Более 39 млн россиян, т. е. 80,6 % принявших участие в голосовании в совокупности своей однозначно высказались за демократическое – на базе многопартийности – будущее страны в русле так или иначе понимаемого принципа социальной справедливости. Это был именно вердикт народа, который не только давал права лидирующим партиям, но и накладывал на них определенные обязательства. Однако этого вердикта претенденты на звание демократов предпочли «не заметить».

Уже тогда впервые проявилось то, что в конце XX столетия продолжало составлять характерную примету политического ландшафта страны: соискатели титула демократов предпочитают видеть в демократии не изначальную ее суть как власти народа, а строй, именно им – «демократам» – дающий якобы право на то, чтобы самолично решать за народ его проблемы и судьбы. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу всенародного референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР.

¹ См.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 164.

За месяц до октябрьских событий В. И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной»¹.

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою – на том этапе решающую – лепту в погребение российской демократии.

Почему же события пошли по пути «смуты», распада общества и государства? Почему они завершились в итоге – как крайняя реакция на этот распад – установлением однопартийной диктатуры?

Из целого комплекса факторов, заслуживающих в этой связи внимания, отметим лишь два, наиболее, на наш взгляд, значимых.

Во-первых, молодая революционная демократия в лице российских марксистских и неонароднических партий не смогла (да и не стремилась к этому) в своей практической деятельности совместить лозунги «свободы, равенства и братства», начертанные на их знаменах, с вековыми традициями отечественной государственности.

И, во-вторых, не только над «низами», но и над политической элитой 1917 г. довлели стереотипы «магического типа мышления» (если пользоваться терминологией теоретика «открытого общества» Карда Поппера²), что неизбежно вело политический процесс к авторитаризму нового типа, приходившему на смену диктату самодержавному.

Общество и его новые «верхи» в целом не созрели (а короткая историческая дистанция выхода из многовекового авторитарного состояния не дала им такой возможности) до понимания преимуществ социального и политического компромисса по отношению к классовой борьбе. Они не поднялись до уровня «рационального постижения мира» (по Карлу Попперу) как исходного условия формирования в исторической перспективе гражданского общества. Да и возможно ли это было в принципе в обстановке набирающего силу революционного процесса, сформировавшегося на базе реалий мировой войны?

Либералы и социалисты не только не испытывали взаимной тяги к диалогу, но выступали по отношению друг к другу как заклятые враги. В свою очередь, эсеры, меньшевики, большевики, исчерпав – в рамках социалистической альтернативы – все средства взаимного идеологического и политического террора, перешли к террору физическому.

Только находясь в плену магического сознания, разогретого до критического состояния, можно было проигнорировать лежащее на поверхности обстоятельство: никакие (экономические, социальные, политические) интересы даже в то трудное время не шли – в плане ценности и значимости – в сравнение с ценностями человеческих жизней и духовного здоровья нации, которые были брошены в костер конфронтации. Массы могли этого не понимать. Новая политическая элита страны и прежде всего «всемогущая» революционная социалистическая демократия не имела права на такое непонимание.

Чтобы в полную меру оценить роль субъективного фактора в рассматриваемых событиях, требуется рассмотреть и другой вопрос: а были ли *объективные* возможности для формирования на исходе 1917 г. блока социалистических и неонароднических партий как парламентского большинства, т. е. многоголосной коалиции, нацеленной в демократическое будущее России? Сравнительный анализ программных установок партий марксистского и неонароднического толка свидетельствует, что такие возможности имелись. И это – тогда или позднее, прямо или косвенно – признали практически все лидеры отчаянно боровшихся между собой партий.

Достаточно сопоставить в этой связи принципиальные установки программных документов российских социал-демократов, с одной стороны, и, с другой, социалистов-революционеров – двух партий, обладавших в совокупности поддержкой абсолютного большинства населения страны, склонявшегося тогда к революционной альтернативе разрешения назревших и перезревших в обществе проблем.

Целью такого революционного переворота, фиксировалось в Программе Партии социалистов-революционеров (1906 г.), «является обобществление труда, собственности и хозяйства; уничтожение, вместе с частной собственностью, самого деления общества на классы; уничтожение классового, принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, то есть планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу»¹.

Как же представляли свои задачи в отмеченном плане социал-демократы? «Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, – отмеча-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 222.

² См.: Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. [Пер. с англ.]. М., 1992.

¹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. С. 141.

лось в программе РСДРП (1903 г.), – социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»¹.

Что в вышеприведенных принципиально и даже текстуально близких трактовках целей и задач деятельности двух партий являлось категорически несовместимым? Указание на то, что результатом осуществления социальной революции должна стать диктатура пролетариата? Но попытка ее установления в многоукладной мелкобуржуазной стране на практике неизбежно вела к диктатуре монополю правящей партии большевиков. Которая, кстати, на практике должна была идти по пути реализации и программных требований социалистов-революционеров, ведя дело к тому (как было сформулировано в программе ПСР), «что[бы] все слои трудового эксплуатируемого населения, от промышленного пролетариата до трудового крестьянства, сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения и подчиняли все свои частные, местные и временные интересы одной великой задаче социально-революционного переворота»².

Что, кроме отсутствия обоюдной политической воли, мешало структурам и лидерам двух партий действовать так, как это декларировалось в их программных документах, т. е. подчиняя «все свои частные, местные и временные интересы одной великой задаче»³, сближая и нивелируя принципиальные несостыковки и решая возникающие противоречия в рамках конструктивного диалога? Разве что еще одна черта российского социалистического движения – его мессианский характер, заставлявший идеологов и вождей этого движения называть хотя и скачкообразный, но вполне узнаваемый поступательный (модернизационный, по современной терминологии) процесс «освободительным», а в себе лично видеть пророков, призванных спасти Отечество.

Мессианство же как таковое, будучи составным элементом магического сознания, по природе и сути своей самодостаточно и несовместимо с каким бы то ни было компромиссом. Но эта черта присуща – в той или иной мере – и другим политическим силам российского общества, составляя неотъемлемую черту отечественного типа властвования и оппозиционности и соответствуя глубинным традициям нашей политической культуры.

Декларировать и демонстрировать готовность к компромиссу соперничающие между собой социалистические партии, когда это было им выгодно, не скупились. Но как только обстановка менялась в их пользу (или им казалось, что она меняется именно так), подобного рода благие порывы отбрасывались. Когда в августе 1917 г. наметились условия для восстановления лозунга «Вся власть – Советам!» на коалиционной основе, Ленин тут же (и, надо полагать, вполне искренне) заявил: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнильно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой»¹.

О том же говорят и обстоятельства принятия Вторым съездом Советов знаменитого Декрета о земле, демонстративно «списанного» Лениным с эсеровской программы. Более того, в предлагаемых Декретом мерах вождь большевиков первоначально усматривал ключ к социалистическому преобразованию России. И, как бы переключаясь с этим утверждением, лидер эсеров В. М. Чернов на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. заявлял, что именно в деревне покоится «основание общественной пирамиды»².

Разве не возможность политического сотрудничества большевиков с эсерами (и не только с левыми) открывала выраженная тогда Лениным позиция: «В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы – не в этом суть. Суть в том... что пусть сами крестьяне... устраивают свою жизнь»³? Не о том ли свидетельствовало и такое его утверждение: «И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так»⁴?

И разве не свидетельствует о том, что Ленин прекрасно понимал и оценивал реальные возможности блоков и компромиссов большевиков с другими социалистическими партиями, эпизод, случившийся 18 ноября (т. е. на шестой день после выборов в Учредительное собрание) на Чрезвычайном Всероссийском съезде крестьянских депутатов? Тогда вождя уже правящей на тот момент партии спросили: «А как поступят большевики, если в Учредительном собрании крестьяне захотят провести закон об уравнильном землепользовании, буржуазия окажется против крестьян, решение же будет зависеть от большевиков?».

¹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. С. 46.

² Там же. С. 141.

³ Там же.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 115.

² Всероссийское учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 16.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

⁴ Там же.

Свой ответ на этот «коварный» вопрос председатель Совнаркома предпочел обнародовать через «Правду» на всю Россию: «...Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами *обязет партию пролетариата* (выделено мной. – В. Ж.) в таком случае, когда дело социализма будет обеспечено введением рабочего контроля, национализацией банков и пр., голосовать за крестьян против буржуазии»¹.

Как редко из уст российских социалистов срывались слова об их политических обязательствах перед обществом. И как часто они действовали, исходя из убеждения в неограниченности своих революционных прав!

Очевидно, что лишь отсутствие взаимной тяги к компромиссу – как следствие господства в обществе конфронтационной политической культуры – помешало российским социалистам разных оттенков, действуя в блоке, довести до конца аграрные (как и иные) преобразования в стране на продекларированных тем же Лениным основах стратегии компромисса, а не политической борьбы: «Пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке...»².

Об упущенных реальных возможностях компромисса свидетельствует и проведенный В. М. Черновым постфактум анализ социально-экономической практики большевиков с позиций концепции «конструктивного социализма»³, а также послеоктябрьская эволюция взглядов лидера народных социалистов А. В. Пешехонова на возможности и роль планового хозяйства в обществе⁴.

Не было ничего в принципе несовместимого во взглядах представителей леворадикальных сил страны и на будущее ее государственное устройство. Все они были сторонниками республиканской формы правления с определенными вариантами (республика парламентская, советская). Последним актом Учредительного собрания, как известно, было принятое поздно ночью с 5 на 6 января постановление: «Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой»⁵.

Практически единодушны были левые (как, впрочем, задолго до них кадеты) в опасениях относительно таких форм государственно-

сти, которые могли бы открыть путь к власти авторитарным силам. Не только обобщая мировой опыт, но и в чем-то предвосхищая практику государственного строительства России конца XX столетия, меньшевик Б. Горев в брошюре «С президентом или без президента» писал: «История знает много примеров, как честолюбивые президенты старались использовать независимое от парламента положение и свою власть, особенно во время народных волнений, чтобы ввести диктатуру, т. е. власть, не опирающуюся на закон, а то и восстановить монархию». И заключал: «За президента стоят те, кто не понимает или боится истинной демократии, настоящего народовластия.

Отдельный человек, хотя и избранный народом, легче может поддаться влиянию богатых и сильных, легче может изменить народным интересам, чем народные представители в парламенте, которые действуют на виду у всех и сообща. Поэтому крупная буржуазия и все те, которым не по вкусу полное народовластие, которые не надеются на то, что выбранный всеобщим голосованием парламент пойдет за ними, – все они возлагают надежду на президента»¹.

И здесь, как видим, возможности достижения единой позиции в плане выработки модели государственного устройства страны были налицо. Подобные сопоставления можно было бы продолжить.

Подводя некоторые итоги, следует сказать: трагедия социал-демократического движения в России, на мой взгляд, заключалась даже не в том, что его радикальное, большевистское, крыло попыталось осуществить неосуществимое. А прежде всего в том, что социал-демократия в целом – вкуче с другими социалистическими и неонародническими партиями – не нашла, а точнее, не выразила готовности найти адекватного условиям многоукладной России интегрированного видения социальной перспективы, стратегии и тактики, форм и методов движения страны по пути органической модернизации.

Отвергая концепцию «малых дел», революционная демократия потерпела крах в плане сохранения и *практического подтверждения* своей демократической сущности именно потому, что хотела решить проблемы будущего страны «целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью»² (если пользоваться

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 104.

² Там же. С. 27.

³ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997.

⁴ Специально об этом см.: Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М., 2004.

⁵ Всероссийское Учредительное собрание... С. 113.

¹ Меньшевики в 1917 году: В 3 т. (4-х книгах) / под общ. ред. З. Галили, А. Ненагорова, Л. Хеймсона. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 418–419. Как пророчески звучат эти слова, если, к примеру, распространить их на реалии политического режима Б. Н. Ельцина.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13. Кстати сказать, термин «беззаветный» (в значении самоотверженный, чуждый всякого расчета) принято было употреблять в применении к революционерам, «борцам за народное счастье» с целью нравственно

ленинской лексикой). При этом в полную меру не учитывалось то обстоятельство, что устои традиционализма в России были (и остаются) настолько сильными, что эффект в нашей стране могут иметь лишь постепенные, внутренне обусловленные преобразования. Т. е. те, что оказываются скорректированными в соответствии с открытым Питиримом Сорокиным законом ментальной идентичности. Которые не ломают парадигму традиционности, но органически переосмысливают, переакцентируют ее в соответствии с *реальными* запросами и вызовами той или иной эпохи.

В этом плане «построить» что-то по западным или иным моделям (социализм, либеральное общество, строй демократии западного образца) невозможно. Идеи, априори нацеленные на это, скоро становятся лишь идеологической оболочкой, неким «идеологическим контейнером», в который политики получают возможность – в меру своего понимания, добросовестности или недобросовестности – вкладывать практически произвольное содержание.

Начало колоссального социального эксперимента цивилизационного масштаба под именем «советское общество» стало концом большевистской версии российской социал-демократии. Этапы и итоги этого эксперимента сегодня стали уже историей, которую можно только умозрительно интерпретировать. Что и делается сегодня с размахом, соперничающим разве только с пестротой и разнокалиберностью отдельных концептуальных представлений. Модной стала трактовка конспирологического свойства, построенная на утверждении, что становление советского строя было результатом случайного стечения обстоятельств, прежде всего субъективного и заговорщического плана.

Придерживаться такого упрощенного понимания сути того, что с нами случилось, – значит напрочь отказаться от усвоения реальных уроков прошлого. Пройгнорировать то несомненное, что заключено в свойствах и долгосрочно действующих проявлениях нашей национальной ментальности, в ткани которой нашли отражение исторически вызревшие к 1917 г. многовековые надежды и чаяния широких социальных слоев на, как принято было тогда говорить, «светлое будущее».

возвысить их. У В. И. Даля он объясняется следующим образом: «на что нет завета, завещания или запрета» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 63). А само прилагательное «заветный» в исконном русском языке трактуется как унаследованный от прошлого, передаваемый от поколения к поколению. Это дает основание термин «беззаветный» истолковывать и в «нерволюционном» ключе как характеристику действий, ведущих к отрицанию традиции, а то и к ее бездумному отбрасыванию.

Нельзя забывать, что абсолютное большинство революционных идеологов и организаторов (в том числе и большевистских) являлись представителями такого специфического для России социального слоя, каким была интеллигенция, склонная выдавать свои часто умозрительные представления и убеждения за голос народа: *vox populi – vox dei*. Отсюда революционная вера сменявших друг друга поколений «борцов за народное счастье» была во многом сродни с верой религиозной. Их представления о цели и результатах борьбы в чем-то коррелировались с апокалиптическими видениями Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло»¹. И это находило понимание и поддержку в достаточно широких, в том числе политически девственных, но нацеленных на постулаты веры, социальных слоях российского общества.

Есть основания думать, что идеалы христианства в его православном облики, укрепившиеся в нашей стране не только на социальном, но и на генетическом, ментальном уровне нации, подсознательно (а подчас и теоретически осознанно, как это имело место у богостроителей) нашли, может быть, для многих неожиданное отражение и воплощение в своеобразной окраске многоликой национальной революционной идеологии с ее верой в «царство справедливости и труда» как своеобразного аналога (или антитезы) упования на Русь Святую. Отсюда – и убежденность революционеров в своем особом предназначении и мессианском характере своей деятельности. Отсюда – и отклик на эту веру в умах и душах многих простых людей магического склада сознания.

Без этой мелодии экзальтации хор революционной идеологии и практики не звучал бы для определенной части общества той эпохи так мощно и внутренне убедительно, как это имело место в исторической реальности.

¹ Откровение святого Иоанна Богослова, 21: 1, 5.

НАРОДНИЧЕСТВО И МАРКСИЗМ В 90-е гг. XIX в. (восприятие теории К. Маркса Н. Ф. Даниельсоном и В. П. Воронцовым)

Василий Зверев

Столкновения и полемика между народниками и марксистами в 90-е гг. XIX в. по вопросам социально-экономического, общественно-политического развития страны неоднократно были предметом изучения в советской историографии. Можно даже сказать, что эта проблема стала неперенным условием освещения процесса «зарождения и мужания» молодой российской социал-демократии в борьбе с «отсталой» и уже в силу этого «реакционной» теорией народничества. Основной идеей подавляющего числа работ стало ленинское утверждение о «крестовом походе “друзей народа”» против единственно верного марксистского понимания закономерностей эволюции общества, превращения некогда прогрессивного направления революционно-освободительного движения в разновидность либерального варианта половинчатых и непоследовательных реформ. Желание доказать справедливость ленинского подхода толкало к обвинениям в фальсификации, ревизионизме марксизма, извращении его реального содержания. Естественным следствием подобных утверждений становился вывод о принадлежности народников к злейшим врагам марксизма, защитникам интересов кулачества и мелкой буржуазии.

К чести отечественных историков столь вульгарная и далеко не научная интерпретация на рубеже 1960–1970-х гг. была подвергнута критике, естественно, в «рамках объективного марксистско-ленинского анализа проблемы». Однако это не помешало указать на явные несуразности обличительно-прокурорской позиции, ее несовместимости с научным подходом. Первым обратил внимание на ошибки предшественников В. Г. Хорос, который отметил, что, «увлекшись “обличением” народничества, исследователи ограничивались формально-теоретической критикой народнической идеологии, прихо-

дили к односторонним выводам»¹. В его монографии «Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.)» была обоснована правомерность постановки проблемы «отражения» марксизма в идеологии умеренного крыла (либерального) народничества.

Идея необходимости коррекции методологии исследования была подхвачена В. Ф. Пустарнаковым, А. И. Володиным, Б. С. Итенбергом. По их мнению, центром исследования должны были стать «...не факты и механизм влияния марксизма на русскую мысль, а проблема восприятия, истолкования, интерпретации его положений в России». Как справедливо отмечали авторы, «объект влияния со стороны марксизма был одновременно всегда субъектом интерпретации марксизма»². Политическая целесообразность постепенно, но неуклонно вытеснялась научной толерантностью и взвешенностью оценок, в основе которых лежала убежденность в равнозначности двух доктрин, как вариантов модернизации общества, перехода от традиционной к индустриальной стадии развития³.

Такой подход позволяет, на наш взгляд, по-иному осветить как характер развернувшихся в 1890-е гг. дискуссий, их целевую направленность, так и степень восприятия новых идей, их приспособление к национальным условиям, использование для актуализации основополагающих принципов народнической доктрины. Не менее важным представляется и вопрос о начальном этапе полемики, когда марксизм только закреплялся в идейном поле общественной мысли, проходил своеобразную апробацию у читающей публики.

Разницу во взглядах на данную проблему правомерно рассмотреть на примере, пожалуй, наиболее крупных и известных экономистов-народников – В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона. Выбор данных личностей определяется не только их ролью в народническом направлении общественной мысли, но и своеобразием оценок марксизма, прозвучавших в их работах.

Но предварительно необходимо обратиться к сформировавшемуся в 1870–1880-е гг. отношению к теории К. Маркса. Публикация в

¹ Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. С. 9–10.

² Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и домарксистская мысль в России. Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1982. С. 12; Володин А. И., Итенберг Б. С. Еще раз об отношении к Марксу и марксизму в России 60–70-х годов XIX века // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 71.

³ Примером объективного освещения проблемы можно считать работу В. А. Твардовской и Б. С. Итенберга «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?», вышедшую в 1999 г.

1871 г. первого тома «Капитала» вызвала живой интерес у передовой общественности. Свои суждения по поводу вышедшей работы высказали многие публицисты. В их числе были П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев, М. А. Бакунин и Н. К. Михайловский, П. П. Червинский и И. И. Каблиц. В списке народников, в разное время высказывавших свое мнение о марксизме, были и революционеры, и сторонники умеренного крыла народничества. Преобладающим в оценках – при всех различиях во взглядах – являлась убежденность в научной значимости открытий, сделанных Марксом. Не случайно было и частое сравнение марксистской теории с дарвинизмом¹. Законы эволюции природы и законы общественного развития рассматривались как несомненные достижения науки. В меньшей степени уделялось внимание преобразовательной стороне новой доктрины. И хотя некоторые идеи марксизма использовали в своей пропагандистской деятельности землевольцы, активного распространения в революционной среде 1870-х гг. марксизм не получил.

Однако неудача революционного натиска на самодержавие заставила часть радикально настроенных народников пересмотреть свои убеждения. Эта незначительная группа революционеров, пройдя, по словам Плеханова, этап «разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными»², искала выход из создавшегося положения посредством обращения к новой социалистической доктрине. Не видя ответа на «целый ряд в высшей степени важных вопросов», бывшие члены организации «Черный передел» начали критический пересмотр своего идейного багажа.

Социалистическая альтернатива по-прежнему осталась доминантой их мировоззрения. Но теоретические поиски шли не в русле выявления особенностей эволюции России, а через однозначное признание капиталистического развития страны. Опыт Западной Европы свидетельствовал о несомненной прогрессивности капитализма. Эпоха кровавых драм 1840-х гг., которая потрясла А. И. Герцена, осталась в прошлом. Пролетариат завоевал право участия в политической жизни. Влияние социал-демократических партий, выражавших интересы наемных рабочих, возрастало. Марксизм как идеология рабочего класса завоевывал все больший авторитет и силу. Утверждение о том,

¹ Весьма характерна оценка марксизма Н. Ф. Даниельсоном. В письме Н. А. Каблукову он так определял свое отношение к учению Маркса: «На мой взгляд, “Капитал” в экономической науке должен сыграть такую же роль, как “Origin of Species” в биологической: философская подкладка их одинакова. В основе обоих трудов лежит мысль об изменчивости последовательных состояний. В одном случае видов, в другом – в экономическом строении общества» (РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 79. Л. 10).

² Плеханов Г. В. Наши разногласия. М., 1939. С. 119.

что «вместе с Александром II динамит убил народнические теории», неминуемо приводило бывших чернопердельцев к решению «...стать на точку зрения социальной демократии Запада»¹.

Возникшая в 1883 г. за границей первая марксистская группа «Освобождение труда» (Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов) поставила перед собой задачу пропаганды и распространения марксизма в России.

Во взглядах членов группы менялось отношение к крестьянству. Сходясь с народниками-реформаторами в признании исторической пропасти, отделяющей народ от образованной части населения, Плеханов и его товарищи порвали с иллюзиями в отношении скорого пробуждения крестьянства. Напротив, они стали подчеркивать его консервативность и реакционность. Тяжелые годы подполья, преследования полиции, идейные споры, смерть друзей, изломанность личных судеб – все воплотилось в желании отказа от неоправдавшихся прогнозов и ниспровержении провинившихся богов.

В одном бывшие чернопердельцы были верны традиции революционного движения – приверженности высокой оценки роли интеллигенции в освободительном движении и поискам потенциального носителя революционных идей. Основной преобразующей силой общества, по мысли Плеханова и его товарищей, должен был стать класс совершенно новый для России – пролетариат. Только он мог составить «единственно понятливую аудиторию по жгучим социальным вопросам...». Только он мог «послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией» и тем самым ликвидировать зияющую пропасть между «народом» и «образованной частью» населения страны². Менялась не просто избранность субъекта планировавшихся преобразований, менялась сама система оценок, ее категориальность. На место широко подготовленной высокоморальной личности, способной увлечь народ своими убеждениями, высоким словом, самопожертвованием, должен был прийти класс, объединенный общими интересами, совместной работой, цельной идеологией.

Капиталистический способ производства с его нещадной эксплуатацией ближнего становился для пролетариата купелью, через которую должен был пройти любой человек, обращаемый в новую веру, приобретающий статус парии этого общества и одновременно его будущего могильщика. Отрицая в себе «идиотизм деревенской жизни», рабочий как бы заранее гарантировал, если не себе, то своим

¹ Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. М., 1939. С. 51.

² Там же. С. 47; Плеханов Г. В. Наши разногласия. С. 345.

потомкам, отпущение грехов и пропуск в светлый и прекрасный храм коммунизма. А значит, и сам капитализм представлялся не таким исчадием ада, каким видели его народники, а необходимым этапом эволюции человечества, в который уже вступили другие народы и страны, да и сама Россия была обречена на мучительное прохождение этой стадии развития и делала в этом направлении гигантские шаги.

Пропаганде идей марксизма Плеханов, как главный теоретик группы, посвятил свои силы, талант публициста и философа. Критика основных принципов народничества под его пером приобрела характер литературной войны за чистоту идей. Эта непримиримость свидетельствовала не только о цельности взглядов, но была предвестницей будущей нетерпимости к аргументам противников.

Кроме того, безусловное преклонение перед авторитетом всегда чревато сужением общего понимания проблемы. Плеханов упускал из виду, что в такой же степени как марксизм оказывал влияние на развитие русского социализма, так и сама народническая мысль могла влиять на понимание Марксом и Энгельсом многих социально-экономических процессов, происходивших в странах второго эшелона капитализма (Испания, Италия, Португалия, Австро-Венгрия), к числу которых относилась и Россия. Так, высказанная А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским идея некапиталистического развития при использовании общины, получила и марксистскую интерпретацию. Из переписки Маркса с русскими общественными деятелями известно, что он считал такую возможность вполне реальной, хотя и сильно сомневался в жизнеспособности русской общины под всеразрушающими ударами капитализма. После смерти Маркса Энгельс дал свое понимание этого вопроса. В чисто теоретическом плане он не исключал общинную альтернативу и обуславливал ее победой пролетариата на Западе с последующей его действенной помощью странам, осуществившим революционно-демократические преобразования.

Наряду с этим и само восприятие марксизма не могло быть однородным и однозначным. Будучи полифоничной по своему звучанию, теория Маркса по-разному воспринималась представителями различных направлений общественно-политической мысли страны. Для усвоения всей совокупности идей марксизма (как, впрочем, и для выявления утопичности его некоторых положений и ограниченности прогностических возможностей) необходимы были время, выработка понятий, становление философской школы.

В деле пропаганды марксистских идей группа «Освобождение труда» добила многого. В первую очередь это относится к пониманию и интерпретации философии и социологии Маркса. Однако попытка анализа действительного экономического положения России не уда-

лась в силу желания показать, как должно происходить становление капитализма в стране, а не как оно происходило в действительности. В этом отношении исследования экономистов-народников оказались не только богаче по использованному статистическому материалу, но и в плане показа реальных процессов, изменявших лик пореформенной России.

Однако радикально настроенную молодежь привлекала не столько точность и доказательность особенностей развития национальной экономики, сколько логика научного обоснования социалистического идеала, обращение внимания на новый слой населения – промышленный пролетариат. Новизна учения, помноженная на увлеченность юности, создавала питательную среду для быстрого и активного распространения марксизма. Другими словами, данный процесс представлял собой не только проникновение, закрепление неких постулатов и связанный с ними пересмотр общественно-политических идей, но и столкновение поколений, формирование которых произошло в разное время, в различных условиях, испытало влияние разнохарактерных событий. И если молодые адепты марксизма восторженно воспринимали и пропагандировали буквальное прочтение марксизма, то более опытные общественные деятели осторожно и взвешено относились к возможности использования теории в целом или ее отдельных сторон для понимания законов общественного бытия.

В числе лиц, которые не принадлежали к безоговорочным сторонникам модной научной доктрины, относился Воронцов. Он считал марксизм вполне законченной научной гипотезой, которая родилась в результате систематического и последовательного изучения реальных тенденций в жизни западноевропейского общества. Ей не было присуще спекулятивное желание поставить «осуществление известной идеи... в зависимость... от безличного абстрактного “закона”». Естественно, что, как и любому учению, марксизму были свойственны некоторые недостатки. Так, Воронцов указывал на метафизичность и всеобщность законов социального развития, присущих в духе гегелевской философии марксистской доктрине. Такой унифицирующий подход стирал особенности, присущие каждой стране, лишал ее «самостоятельной схемы эволюции», нивелировал отличия, создавал иллюзию однолинейности исторического процесса. Кроме этого, Воронцов придерживался мнения об отсутствии в марксизме субъективного элемента. Экономический фактор не мог заменить сознательной и целенаправленной деятельности человека. Общественная эволюция зависит от практики людей, которые «...тащат историю в разные стороны...», и конечный результат представляет собой сумму различных величин, далекую от представлений отдельного лица. Но энергия сознательных борцов неминуемо «отразится

на равнодействующей»¹, может даже прервать неблагоприятную для общества тенденцию эволюции.

Но в своей критике теории Маркса Воронцов не ограничился исключительно методологическими проблемами, а остановился также на ошибках в прогнозах эволюции экономики, социальной и политической сфер жизни общества.

Так, марксистский тезис о том, что «...капитал должен постепенно сосредотачиваться все в меньшем и меньшем числе рук...», пока не приведет к концентрации национального достояния в руках у небольшой кучки людей, «эксплуатирующих целый народ», оправдался не полностью. Хотя подобная тенденция продолжала существовать, но наряду с этим обнаружилось и другое направление. Все большее количество крупных предприятий использовали «при помощи акционерных компаний... (выпуском акций и облигаций)...»² сбережения рядовых граждан. Это свидетельствовало, по мнению Воронцова, об усилении паевого принципа финансирования производства и распределения прибыли.

Наряду с этим глубокая убежденность Маркса в будущем господстве крупных предприятий также не подтвердилась. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве по-прежнему сохранялись мелкие объединения производителей, успешно противостоящие конкуренции мощных объединений. Для аграрного сектора экономики это означало, по мнению Воронцова, что его превращение в коллективное производство «...будет закончено не капиталистическим путем»³.

На этом «ограничения» марксистской теории не заканчивались. Народнический экономист подметил и уязвимость утверждения об абсолютном обнищании населения. Бедность и униженное положение пролетариата действительно существовали как результат усиленной эксплуатации, но только «...на первых ступенях развития капитализма...». Однако рост рабочего сопротивления, создание профессиональных и политических организаций, проведение забастовок, четкое и недвусмысленное выражение интересов людей труда заставляли капиталистов «...умерять свою эксплуатацию и делиться с рабочими частью своих барышей». Менялась сама структура капиталистического общества. Наемные рабочие уже были инкорпорированы в систему социальных связей, а не противостояли ей. Как

подчеркивал Воронцов, изменение статуса пролетариата привело к тому, что борьба происходила «на почве существующего строя» при ослаблении и превращении революционной силы рабочего класса в силу эволюционную. Анализ требований участников стачек в Англии позволял ему утверждать, что эти формы сопротивления в основном использовались как фактор морального давления на предпринимателей. Улучшения своего положения рабочие могли добиться «...путем мирных переговоров с хозяевами...». Обоюдное недоверие, нетерпимость, а часто и ненависть должны были уйти в прошлое. Трудовые конфликты вполне могли регулироваться через учреждение «особых камер из представителей фабрикантов и рабочих». Это, как считал Воронцов, служило бы взаимной выгоде обеих сторон. Более того, компромиссное решение многих трудных вопросов давало возможность снять проблему противостояния, классовой борьбы и направить социальную энергию на достижение общих целей, превратить «...отношения между капиталистами и рабочими... в договорные отношения союзников, устанавливающих участие каждой стороны в предприятии на основании тщательной оценки всех обстоятельств данного дела...»¹.

Надо сказать, что многое в замечаниях Воронцова о несоответствии классических марксистских идей реальному состоянию капиталистического производства было вполне обоснованно. К концу XIX в. капитализм свободной конкуренции продемонстрировал свою устойчивость и эластичность. Противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения прибыли не достигли, как предполагали Маркс и Энгельс, своего апогея. Циклические кризисы перепроизводства не приблизили момент революционного взрыва. Параллельно с концентрацией производства и капитала достаточно широкое распространение получила и акционерная форма собственности. Жизненный уровень наемных рабочих не падал, а постепенно повышался. В этих условиях многие из прогнозов марксизма звучали по крайней мере не убедительно. Воронцов был одним из первых русских экономистов, обративших на это внимание. В своих работах он высказал идеи, которые во многом были созвучны взглядам Э. Бернштейна.

Критика марксизма, основанная на сопоставлении основных положений теории с реальной действительностью, подталкивала Воронцова к необходимости внесения корректив в марксистские прогнозы будущего. В теоретическом плане он оспаривал правомерность долговременного прогнозирования, рассчитанного на не-

¹ Воронцов В. П. Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. М., 1994. С. 70, 75.

² Воронцов В. П. Наши направления. С. 71.

³ Там же.

¹ Там же. С. 72.

сколько десятков лет. Жизнь общества, по его мнению, зависела от влияния многих факторов, учесть которые было чрезвычайно трудно. Поэтому возможно было в лучшем случае «...констатировать существование в данное время известных тенденций... в течение определенного, может быть, очень непродолжительного времени, так как самый процесс эволюции порождает новые условия, дающие начало новым тенденциям, определить характер которых заранее решительно невозможно»¹.

Частное подтверждение этой мысли Воронцов находил в марксистском тезисе о переходе все большей части промышленных предприятий в руки узкой группы предпринимателей. По его собственному убеждению, следовало ожидать, что в будущем «...некоторые отрасли в интересах общественной пользы станут постепенно переходить под управление правительства или общественных организаций...», как это уже произошло с почтой, телеграфом, некоторыми железными дорогами. В других отраслях «разовьется кооперативное производство». Часть промышленных предприятий еще долго будут оставаться в частной собственности, но наметившийся процесс акционирования в конце концов превратит владельца в управляющего от имени пайщиков². Тем самым Воронцов предвидел вполне реальный (и воплотившийся затем на практике) процесс огосударствления, государственного регулирования, кооперации и акционирования в промышленности, влиявший на характер собственности при капитализме.

Для него факт ошибочности в прогнозах марксизма свидетельствовал о слабости аргументации в пользу повсеместного использования идей Маркса. Это относилось как к научной доктрине, так и идеологической направленности. Как писал Воронцов, марксистское учение появилось в Западной Европе и было построено на анализе машинной стадии развития промышленного производства. Но уже эти параметры ограничивали возможность ее применения в странах с преобладающим земледельческим населением. Особенно там, где еще окончательно не решен вопрос о характере землевладения, где крестьянство не превратилось в наемных рабочих и стремится «соединиться опять с землей... в надежде трудиться на ней как самостоятельный собственник, самостоятельный индивидуальный производитель». В таких странах капиталистический способ производства окончательно еще не разрушил возможность «...разви-

тия в будущем высоких социально-бытовых форм» на основе «способности к солидарной деятельности»¹.

Безусловный крах универсализма марксистских идей в экономической и социальных областях жизни общества, необходимость серьезных корректив в его прогностических возможностях во многом лишали, по мнению Воронцова, доктрину Маркса силы и мощи идеологического влияния. Научный социализм возник на основе веры в то, что капитализм «...неизбежно уступит место строю коллективистическому» и что фабрично-заводские рабочие «...есть тот элемент, которому предстоит водворить новые порядки»². Но стабильность экономического развития, снятие напряженности в общественно-политических отношениях заставляли усомниться в правомерности утверждений о преобразующей роли пролетариата и в возможности использования марксистских идеологических конструкций в странах с преобладающим крестьянским населением.

Положение наемных рабочих в процессе промышленного производства изначально было не самостоятельным и сводилось к одному из элементов «мертвого процесса производства», роли «живого инвентаря», бессловесно выполняющего автоматические операции. Уже в силу этого пролетариат, как считал Воронцов, не мог иметь «зиждательной идеи» обновления мира. В лучшем случае он способен был явиться силой разрушительной. Но и в этом качестве фабрично-заводские рабочие становились лишь слепыми исполнителями чужой воли. Продолжительный рабочий день, отсутствие досуга для повышения своего культурного уровня воспитывали у пролетария психологию «...промышленного солдата, которого искусные демагоги могут обратить в солдата политического...», пассивно следующего за вожаками³.

Конечно же, в своем отношении к промышленным рабочим Воронцов явно субъективен и пристрастен. Негативная оценка «стадного чувства», отрицание цивилизующего влияния технических знаний, роста образовательного уровня, политической культуры страдают явными передержками, желанием доказать «идиотизм городской жизни» капиталистического общества. При этом Воронцов забывает о высказанных идеях улучшения благосостояния, участия рабочего класса в разрешении социальных конфликтов. Но вместе с тем само

¹ Там же. С. 59, 61, 69.

² Воронцов В. П. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм // Неделя. 1894. № 49. С. 1592.

³ Воронцов В. П. Наши направления. С. 67, 68.

¹ Воронцов В. П. Наши направления. С. 73.

² Там же.

предупреждение о возможности манипулирования узкой группой лиц массовым сознанием, возможности использования доверчивости и веры людей в корыстных целях было далеко не беспочвенным.

Естественно, Воронцов не ставил своей задачей предугадать вероятное развитие событий. Тезис о подчиненной и зависимой роли пролетариата был необходим для противопоставления его негативных качеств инициативе, деловой хватке, разуму и самостоятельности сельского жителя. Общинное владение землей, взаимопомощь, коллективное решение многих вопросов способствовали, по мнению народнического экономиста, образованию у крестьян «...психического типа с задатками высоких альтруистических черт», который наиболее подходил «...для развития способности к солидарной деятельности»¹.

Уже в силу этого использование в странах с преобладающим крестьянским населением марксизма представлялось Воронцову «совершенно неестественным». В России, например, «пролетарий тонет в массе крестьянства». И если следовать марксистской модели общественного устройства, то необходимо бы требовать «...обездоления большей части населения страны». При таком подходе сам марксизм превращался «...в доктрину... оскорбляющую наши идеальные порывы предложением мириться с массой страданий, ожидающих русский народ в течение неизбежного будто бы процесса выварки его в фабричном котле, игнорирующую реальные интересы реальных масс трудящегося люда, конструирующую, а не выясняющую прогрессивную эволюцию нашей страны, ломающую, а не развивающую жизненные процессы»².

Как и Михайловский, Воронцов выступал против односторонности марксизма, которая коренилась, на его взгляд, в излишней универсализации исторического процесса, навязывании однотипности общественной эволюции, недооценке своеобразия каждой страны. В научном отношении эти недостатки, как и допущенные просчеты в прогнозировании дальнейших изменений характера собственности при капитализме, разрешении социальных конфликтов между рабочими и предпринимателями, могли быть отнесены к вполне естественной и объяснимой тенденциозности, желанию выделить и обосновать влияние экономического фактора на все стороны общественного бытия. И в этом отношении Воронцов несколько не отрицал правомерность, необходимость и желательность «обогащения русской науки марксизмом». Но это обогащение не должно

было идти по пути создания особой идеологической системы, а стать «...руководящей нитью и методом при исследовании сложных явлений исторической жизни». Тем самым Воронцов придерживался в общем традиционной точки зрения об использовании марксизма исключительно в качестве научной гипотезы¹.

Итак, народнический публицист видел с определенными оговорками возможность и допустимость использования гипотетических положений марксистской доктрины в научном анализе социально-экономических процессов, происходящих в обществе. Что же касается взаимоотношения собственного мировоззрения и перспектив развития капитализма в стране, то в этом вопросе Воронцов, отвергая возможность капиталистической эволюции России, несущей неисчислимы страдания трудовому народу, не мог равнодушно относиться к перспективе объективистского взвешивания преимуществ и недостатков вероятных последствий развития товарно-денежных отношений. Возложенная им на себя миссия защитника интересов народа заставляла противопоставлять личное понимание задач отечественной интеллигенции «неумолимому молоху марксистской предопределенности». Приверженность субъективному методу в социологии заставляла не только четко обозначить свои теоретические подходы, но и определить параметры социалистичности марксизма, применимость его идей на русской почве. Воронцов однозначно отвергал вероятность применения марксизма в России.

Своеобычную позицию в выступлениях народников по вопросам марксизма занял Н. Ф. Даниельсон. Это учение оказало существенное влияние на формирование его взглядов, для него Маркс стал непререкаемым авторитетом в области исследования общественно-политических и социально-экономических проблем. Весьма показательно, что когда в конце века многие идеи марксизма подвергались пересмотру, Даниельсон продолжал восторгаться эрудицией Маркса. В письме Н. А. Каблукову от 26 октября (7 ноября) 1900 г. он писал, что перечел такие произведения, как «Классовая борьба во Франции», «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», сборник статей, посвященный Крымской войне 1853–1856 гг., и нашел их несколько не устаревшими: «Что за разностороннее образование! Для нас все эти книги любопытны в особенности потому, что касаются главным образом России...»².

Преклонение перед марксистской методологией проходит через все работы Даниельсона, но 1890-е гг. стали временем его активных

¹ Воронцов В. П. Наши направления. С. 69.

² Воронцов В. П. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм // Неделя. 1894. № 49. С. 1592.

¹ Воронцов В. П. От семидесятих годов к девятистам. СПб., 1907. С. 165.

² РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 226. Л. 1 об.

выступлений против преуменьшения значимости научных открытий Маркса, широкой пропаганды его идей. Конечно же, даниельсоновское понимание марксизма далеко не во всем соответствовало его реальному содержанию (по-другому и не могло быть), но сам факт перевода и публикации третьего тома «Капитала», повторное переиздание первого тома, изложение собственных взглядов говорят о многом.

В первую очередь, Даниельсон подчеркивал стройность, последовательность, тщательность изучения явлений, взвешенность и обоснованность выводов. Он писал в предисловии к третьему тому «Капитала»: этот труд «...может служить образцом объективного метода в политической экономии, образцом истинно научных приемов при изучении явлений хозяйственной жизни»¹. Как и Воронцов, Даниельсон заострял внимание именно на научной стороне марксистской теории, но его видение не содержало каких-либо критических замечаний. Более того, его работы, опубликованные на страницах «Русского богатства», переполняют возражения против упреков в абсолютизации Марксом экономических причин развития общества.

Как считал Даниельсон, никаких признаков «однопричинности» в марксизме не было и в помине. «Явления хозяйственного порядка» определяют собой наиболее общие законы существования общества, но формы их проявления «...зависят от бесконечного ряда условий, при которых совершаются хозяйственные явления... законы эти имеют силу лишь при наличии целого ряда условий и в пределах этих условий». Заслуга Маркса как раз и состояла в том, что он первый разработал способ исследования, позволяющий осуществить «...переход от общих законов, лежащих в основании явлений определенного порядка... к тем, которые видоизменяют их чистое проявление...». Правда, систематического исследования влияния политических, правовых, нравственных и других причин на экономику основоположник марксизма не дал. Он только обозначил в последнем разделе третьего тома эти проблемы и постарался подготовить своих читателей для их восприятия. Однако смерть Маркса помешала осуществить задуманное².

Но и вычленение главной составляющей общественного прогресса превратило социологию в науку, вооружив человека методом прогнозирования будущего. Теоретическая высота, которой достиг Маркс, «...давала ему возможность видеть вперед путь, по которому

идет современное общество, и вследствие этого он имел возможность предостерегать общество от тех затруднений, от тех препон, которые отчетливо виделись его умственным взором с высоты его научных построений»¹.

Если для Воронцова марксизм – всего лишь научная гипотеза, правомерность которой еще необходимо доказать, то для Даниельсона это учение – единственно верная теория, объективно предсказывающая будущую эволюцию. В своих работах он стремился опровергнуть утверждение об ее излишней детерминированности, шаблонности и однотипности, отсутствии альтернативности и навязывании единственно возможного пути для различных стран. Даниельсон писал по этому поводу: «Предполагать, что каждый народ должен неизбежно пережить все те формы хозяйственного развития, которые пережиты более развитым народом, значило бы, с одной стороны, придавать законам исторического развития значение законов природы, а с другой – не принимать в соображение воздействие факторов еще более общего порядка, чем хозяйственные – поддержание существования, поддержание вида – во-первых, во-вторых – факторов высшего порядка, основывающихся на хозяйственных: политических, правовых, нравственных и пр., и пр., и, наконец, в-третьих, ту историко-хозяйственную обстановку, среди которой приходится жить данному народу»².

Как видно из приведенной цитаты, Даниельсон стоял на точке зрения многофакторности истории, но приводимые им аргументы касались в первую очередь объективных причин. Субъект истории, человек, хотя и не прямо подчинен им, но оттеснен на второй план. Как объективистски настроенный исследователь, Даниельсон пытался исключить субъективный фактор из характера научного исследования. В 1902 г. в письме Н. А. Каблукову он писал, что «наука и субъективный элемент не могут быть примирены: один исключает другой». Человек должен руководствоваться беспристрастным подходом в науке. В противном случае он рискует оказаться заложником призрачной идеи справедливости. А поскольку «...у каждого обществ[енного] класса своя собственная идея справедливости, отличная от идеи справедливости другого класса...», то истина, к которой стремится ученый, будет подчинена нравственной оценке явления. Спасением от этого Даниельсон считал «...объективное знание и субъективное приложение его»³.

¹ Даниельсон Н. Ф. Предисловие к русскому изданию // К. Маркс. Капитал. СПб., 1896. Т. 3. С. XXIII.

² Он же. Несколько слов об основных положениях теории Карла Маркса // Русское богатство. 1897. № 1. С. 28, 27.

¹ Он же. Предисловие к русскому изданию // К. Маркс. Капитал. СПб., 1885. Т. 2. С. XIV.

² Он же. Несколько слов... // Русское богатство. 1897. N 1. С. 28.

³ РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 243. Л. 7, 6.

Как видим, не соглашался народнический экономист с идеей об отсутствии в марксизме субъективного начала, подчинении и поглощении его объективизмом. Следовало различать объективное изучение явлений и использование полученных результатов в собственных утилитарных целях. Последовательное воздействие человека влияло на ход исторического процесса, корректировало общий вектор эволюции. Даниельсон отстаивал самостоятельность марксизма как научной теории, но в своей убежденности он не замечал действительного преобладания в пропагандируемой им теории объективных факторов, подчиненной роли личности. Марксизм оперирует понятиями «производительные силы», «производственные отношения», «формация», «общество», «класс», а действительный, реальный человек со всеми особенностями его психологической структуры, характером взаимоотношений между отдельными индивидуумами просто не включается в систему рассматриваемых проблем. Вернее, сознательно сужается круг вопросов, связанных с его деятельностью. Результатом этого становится некоторая абсолютизация и упрощение общественных процессов.

Наряду с неприятием критики научной значимости марксизма не соглашался Даниельсон и с утверждениями Воронцова об изменении социальной структуры капиталистического общества и характера классовых отношений в Западной Европе. Особенно возмутила его высказанная в работе «Наши направления» мысль о затухании классовой борьбы, о возможности «полюбовного» решения многих вопросов между предпринимателями и рабочими и превращении антагонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией в «договорные отношения союзников». Заявить такое значило, как писал Даниельсон Каблукову 6(18) мая 1894 г., «...совершенно упускать из вида, что сам механизм производ[одства] продуктов в виде товаров, меновой стоимости, дойдя до известного предела по необходимости, неизбежно ведет к обострению классовой борьбы, обострению, обусловленному развитием производ[ительности] труда, международным соперничеством, сокращением рынка и соответствующим всему этому кризисом, увеличен[ием] числа безработных и пр. и пр., и таким образом к обобществлению не только производства, но и пользованию его продукт[ом]»¹.

Перед нами «классический марксизм» 60–70-х гг. XIX в. с его фатальной убежденностью в неминуемом крахе капиталистической стадии развития и перехода к справедливому бесклассовому обществу. Эти идеи, без сомнения, были близки Даниельсону. Как соци-

алист, он предполагал, что на Западе грядет революция и главной ее силой станет пролетариат. Поэтому вслед за Марксом он утверждал о возрастании его революционной роли, усилении мощи рабочих организаций. Логика капиталистического производства превращала пролетария в наиболее последовательного и решительного борца с эксплуатацией и одновременно создавала предпосылки для будущего преобразования общества. Именно этим марксистским идеям следовал Даниельсон в своей критике высказанной Воронцовым точки зрения об исключительно разрушительном, а не созидательном характере рабочего класса. По его мнению, этот слой населения являлся «...представителем и выразителем наиболее жизненных стремлений всего общества». Поэтому и происходил быстрый рост пролетарских партий, усиление их влияния, «...стекание к этому движению отдельных членов других классов»¹.

Позиция Даниельсона в общей оценке марксизма, как видно из приведенного материала, существенно отличалась от взглядов Воронцова. В ней совместились высокая оценка научной значимости, методологической целостности и социальной направленности идей Маркса. Не критика, а пропаганда марксизма превалировала в его работах. Не вступая в прямую полемику с представителями народничества, Даниельсон не принимал и их интерпретацию марксизма. В его собственном прочтении явно преобладал сциентизм, желание использовать полученные результаты исследования экономики капитализма для предотвращения аналогичной эволюции России.

Другая особенность выступлений Даниельсона состояла в его отношении к марксистским идеям. Он был убежден в непоколебимости теоретических основ и справедливости сделанных прогнозов. Такая позиция препятствовала выявлению слабостей некоторых положений, на которые совершенно справедливо указывал Воронцов, и мешала пониманию изменений в развитии капиталистического общества, которые становились все более очевидными. На некоторые из них, кстати, обратил внимание в начале 1890-х гг. и Ф. Энгельс, который писал, что происходившие перемены в формах собственности, развитие акционерного капитала вносили новое в характеристику производительных сил и производственных отношений. «Производство, которое ведется отдельным предпринимателем... все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами, это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц». Укрупнение предприятий, создание тре-

¹ РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

¹ Там же. Л. 3 об.

стов ликвидировало и присущее ранее капитализму «отсутствие планомерности». Наряду с этим все большая стабильность в экономической и социальной областях свидетельствовала об ошибочности ожиданий Маркса и Энгельса скорого революционного взрыва. Капитализм оказался гораздо более гибким и был наделен существенными резервами для своей дальнейшей эволюции. Как писал Энгельс в 1895 г., «история совершенно изменила... те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариату». В политике это заставляло пересматривать формы и методы завоевания власти: «мы, “революционеры”, “ниспровергатели”, мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота». Многопартийная система, парламентаризм, всеобщее избирательное право создавали условия для ликвидации социальных конфликтов ненасильственными средствами. В принципе, «старое общество могло бы мирно вращаться в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа»¹.

Можно сказать, что в некоторых вопросах Даниельсон оказался защитником идей, которые не оправдались в ходе проверки временем. Он не замечал, что, следуя «классическому» марксизму уже не успевает не только за развитием социально-экономической структуры капиталистического общества, но и упускает из виду эволюцию марксистских идей в Западной Европе.

В целом, отношение Воронцова и Даниельсона к марксизму определялось двумя моментами – пониманием роли и места капиталистической фазы развития в прогрессе общества и определением научной значимости марксистской теории. По первому из обозначенных вопросов народнические публицисты были едины, отрицая прогрессивность капитализма и правомерность закрепления рыночной экономики на российской почве. Их в равной степени отталкивали «прелести первоначального накопления капитала», перспектива разорения большинства населения страны, разрушение крестьянского хозяйства, господство духа наживы. Но марксистская логика предопределенности, железная («метафизическая») однолинейность исторического развития, «затушеванность» субъективного фактора отделила позицию Воронцова от оценки Даниельсона. Для первого из них марксизм был не более чем научной гипотезой, правомерность которой еще предстоит доказать. Переводчик «Капитала»

однозначно отстаивал объективизм методологии Маркса и с ее помощью стремился обосновать возможность некапиталистической эволюции страны. По-своему разность подходов свидетельствовала об уже устойчивой традиции в интерпретации марксизма. Если часть русской интеллигенцией в конце XIX в. стремилась взять на вооружение некоторые положения этой теории с целью их использования для прогнозирования будущего России, то другая – акцентировала внимание на критическом анализе ее элементов, не исключая, впрочем, вероятности дополнения народничества новыми идеями.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 234, 546; Т. 36. С. 497.

УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОГО ИЗЛОМА (конец XIX – начало XX века)

Евгений Кожокин

Многоукладная экономика России во второй половине XIX в. стремительно изменялась, доминирование капитализма казалось все более необратимым. Развитие промышленности, средств транспорта и связи, создание один за другим новых университетов, институтов, училищ обуславливали трансформацию социальной структуры страны. Промышленные предприятия нуждались в обученных, дисциплинированных рабочих и в инженерах высокой, подчас универсальной квалификации. Согласно анкетированию, проведенному среди 65 % выпускников Петербургского технологического института 1866–1900 гг., в 1893 г. 39,9 % из них работали на производстве, в 1902 – 51,8 %.¹ Министр финансов С. Витте в 1897 г. отмечал: «Россия даже при нынешнем уровне ее промышленного развития уже не может считаться страной исключительно земледельческой, так как ее фабрично-заводская промышленность уже и теперь выражается довольно крупными цифрами и дальнейшее развитие ее благосостояния тесно связано с преуспеваниями ее перерабатывающей промышленности. Все годовое производство сельскохозяйственных продуктов России... не превышает полутора миллиардов рублей, тогда как ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходит 2 миллиарда»².

Даже люди, очень далекие от постижения таблиц экономической статистики или отчетов фабричных инспекторов, ощущали, что бурно развивающаяся промышленность уничтожает старые уклады, подрывает основы и прежних мировоззренческих, духовных ориентаций. Иван Алексеевич Бунин и как писатель, и как человек тяготел к сель-

ской жизни, тем знаменательнее его образы и его вопросы в рассказе 1900 г. «Эпитафия»: «...Люди без сожаления топчут редкую рожь, еще вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают ее землю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего... Руда! Может быть. Скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги, и поднимется город на месте дикой деревушки. И то, что освящало здесь старую жизнь, – серый, упавший на землю крест будет забыт всеми... Чем-то освятят новые люди свою новую жизнь? Чье благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?»¹.

Страна была на подъеме, о чем свидетельствовал и бурный рост численности ее населения, и все же она шла вперед к всероссийскому торжеству капитализма, будто вопреки своему как старому, так и новому складу.

Молодые люди нередко в ту пору получали образование не столько ради профессиональной деятельности, сколько для того, чтобы иметь возможность просвещать народ, в том числе просвещать в революционном ключе. Вполне типичным был случай с будущим философом Г. П. Федотовым, который, несмотря на явную склонность к гуманитарным наукам, закончив гимназию, решил стать инженером, чтобы обрести возможность сблизиться с рабочими и вести в их среде пропаганду. Он поступил в 1904 г. в Петербургский технологический институт².

Из среды «новых людей», о которых писали чуткие русские писатели от Чернышевского до Чехова и Бунина, не вышли властители дум, теоретики капиталистического прогресса. В России не было ни своего Кондорсе, ни Джефферсона, ни Рикардо, ни Фихте... Самые глубокие и самые известные российские мыслители, Учителя жизни капитализм не принимали. Его искренние протагонисты все время оказывались в меньшинстве, неспособном вследствие своей слабости обеспечить рациональный курс развития новой общественно-экономической системы. Капитализм развивался, а дух капитализма не только не опережал его развитие, он не мог преодолеть маргинальности, отчуждался самыми разными слоями населения. Страна оказалась в ситуации излома, глубокого, внутреннего несогласия с собственным ходом постушательного движения.

Нерациональный подход к экономической политике значительных и влиятельных групп правящего класса приводил к аберрациям в функционировании российской экономики, которая в итоге отли-

¹ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. С. 39.

² Николаенко А. Краткая история рабочего класса в России. М.; Л.: Гудок, 1926. С. 70.

¹ Бунин И. А. Поэзия и проза. М., 1986. С. 63.

² Предисловие к книге: Федотов Г. П. Лицо России: сборник статей (1918–1931). Paris: Ymca-Press, 1967. С. V.

чалась своеобразием на грани парадоксальности. С середины XIX в. вплоть до 1908 г. наблюдалось повышение цен как на сельскохозяйственную продукцию, так и на пряжу и минеральное сырье. Это неизменное повышение цен объяснялось правительственной политикой высоких таможенных пошлин и акцизов, а также неорганизованностью потребителей. Зарботная плата рабочих также повышалась, но если с 1897 по 1906 г. рост средней зарботной платы немного опережал рост цен на продукты питания, то с 1907 г. реальная зарботная плата стала уменьшаться в связи с опережающим ростом цен на продукты питания¹. С 1887 по 1897 г. наблюдалось стремительное увеличение численности фабрично-заводских рабочих, за десятилетие на 59,2 % или на 780,3 тыс., что было обусловлено длительной фазой экономического подъема². Затем в результате кризисных явлений в ряде отраслей, например в обработке металлов и в машиностроении, численность рабочих даже уменьшилась. Новый рост в этих отраслях начался с 1910 г.

Под влиянием пришедших с Запада социальных теорий и, прежде всего, марксизма часть российской интеллигенции стала развивать идеи об особой исторической роли новой социальной макрогруппы – рабочего класса.

Уже в 1895–1896 гг. молодой приверженец теории Карла Маркса Владимир Ульянов, тогда еще не знавший, что он станет Лениным, призывал к приобщению пролетариата к «большой политике». В связи с работой над программой Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Ульянов предложил императивный план-схему развития пролетарского сознания. Личный опыт общения с питерскими рабочими, участниками революционных кружков и страстное желание опереться на силу, способную сокрушить самодержавие, обусловили взгляды на российских рабочих, которые для какого-либо современника Ульянова, имевшего обширные познания о рабочей среде, показались бы явно страдающими идеализмом.

Рабочий класс России отнюдь не представлял собой промышленную армию находившихся в постоянной готовности к классовым битвам бойцов. Одинаковое положение в системе разделения труда и в

¹ Пажитнов К. А. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910. С. 50–51. К. А. Пажитнов объяснял неизменное повышение цен на ключевые промышленные и сельскохозяйственные товары правительственной политикой высоких таможенных пошлин и акцизов, а также неорганизованностью потребителей. (Указ. соч. С. 51.)

² Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. М., 1940. С. 114.

системе производственных отношений не порождало однотипности ни мировоззрений, ни психологических особенностей. Даже материальное положение рабочих в одном и том же городе нередко различалось более чем на порядок.

И все-таки не вызывает сомнения, что, несмотря на все внутренние различия, уже в конце XIX в. рабочий класс России представлял собой особую социальную макрогруппу, у которой было свое ядро, отличавшееся грамотностью, стремлением к изменению своего места в обществе, способностью влиять на более пассивных членов своего класса. Рабочие отделяли себя от иных социальных групп.

Ульянов, как и его старший современник и предшественник Г. В. Плеханов, когда думал и писал про российский рабочий класс, перед своим мысленным взором имел не весь российский пролетариат в его противоречивом разнообразии, а пролетарское ядро, как впоследствии стали говорить, «авангард рабочего класса».

В состав данного ядра входили, прежде всего, грамотные, квалифицированные рабочие с достаточно высоким заработком. Обычно они имели возможность снимать комнату или даже квартиру, которую делили с одним или двумя товарищами. Они имели определенную привычку к образованию, т. к. учились в воскресных или технических школах. Из известных нам воспоминаний 18 рабочих и работников, входивших в подпольные кружки конца XIX в., становится ясно, что большинство имели возможность посещать ту или иную школу. Из этой среды случалось рабочим выезжать и за границу. Вот как об этом писал рабочий-инструментальщик Д. Н. Смирнов: «В то время у рабочих было стремление побывать и поработать за границей. Из нашего завода уехал один из моих товарищей, Алексей Звонников, в Англию, он писал мне из Гулля, что работает на заводе и получает 2 фунта стерлингов в неделю, но он у нас зарабатывал не меньше»¹. Сам Смирнов зарабатывал до 100 руб. в месяц, по его словам, некоторые работавшие вместе с ним в инструментальной мастерской труженики получали и больше.

Но попытаемся обратить внимание хотя бы мозаично и схематически на всю совокупность российских рабочих. В то время дети из пролетарских семей вынуждены были очень рано ради заработка идти на фабрику или завод, тяжелейшие условия труда и жизни препятствовали получению самого элементарного образования. В 1874 г. председатель постоянной комиссии по техническому образованию

¹ В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872–1897 гг. / сост. и вводная статья Э. А. Корольчук. Л., 1975. С. 156.

Петербургского императорского русского технического общества Е. Андреев указывал «на два существенно важных препятствия к развитию у нас образования в среде рабочего класса: первое, состоящее в чрезмерной продолжительности рабочего дня взрослых рабочих, второе – в слишком раннем возрасте поступления детей на фабрики и мастерские»¹.

Как отмечала исследователь московского жилья И. Кулакова, в московском округе ни на одной фабрике не было установленных норм, в соответствии с которыми селили бы рабочих. В казармах рабочие спали либо в огромных помещениях на нарах, имевших вид сплошных дощатых помостов без всяких перегородок, либо они жили в крохотных клетушках для семейных, в каждой клетушке обитало несколько семей. Скученность, духота, антисанитария были характерны для подавляющего большинства этих жилищ². Мудрый, рачительный хозяйственник, многолетний директор Раменской мануфактуры Ф. М. Дмитриев, выступая в октябре 1876 г. на торжественном акте Императорского Московского Технического училища, говорил: «Можем ли мы, рассмотрев наши промышленные заведения, с полным сознанием сказать, что в них приняты все меры к тому, чтобы здоровье рабочего по возможности сохранялось в нормальном состоянии, чтобы силы его прогрессивно развивались? На эти и им подобные вопросы, к сожалению, приходится отвечать отрицательно. В большинстве случаев рабочие ставятся в такие условия во время работы, отдыха, сна, воскресных и праздничных дней, что здоровье их не только не поддерживается в нормальном состоянии, но даже расстраивается»³.

На подавляющем большинстве промышленных предприятий не было предусмотрено никаких мер по охране труда работников. Калечились на производстве столь часто, что даже в песнях мастеровых рабочих того времени звучали об этом трагические куплеты.

«Зима морозна настаеть,
У фабричных сердце мреть.
С полуночи встаеть,
На работу поспеётъ:

На машине задремаль,
Праву ручку оторваль,
Праву ручку оторваль,
Къ отцу-матери послал...»¹

За очень редким исключением рабочим не выплачивались пенсии ни по старости, ни по инвалидности. Так, во всем Казанском промышленном округе пенсии и единовременные пособия выдавались только на предприятиях Товарищества Крестовниковых².

Забитость, покорность судьбе, деление на «своих» и «чужих» давали о себе знать в рабочей среде. Так в ходе волнений горнозаводских рабочих Урала нередко выдвигалось требование давать работу в первую очередь «своим» рабочим, а не пришлым. Это требование было одним из основных во время стачки на Воткинском заводе в 1902 г., того же добивались и мастеровые Мотовилихинского завода на Урале³.

Слово «рабочие» в качестве общего самоназвания тружеников физического труда заводов, фабрик, мастерских укоренилось к концу XIX в. Ранее существовало разделение на мастеровых и рабочих. Квалифицированные работники называли себя «мастеровыми» и протестовали, если их кто-либо называл «рабочими». В 1903, 1905 гг. в журнале «Русское богатство» были опубликованы «Очерки заводской жизни», написанные рабочим П. Тимофеевым. Он отмечал: «Слово мастеровой и слово рабочий употребляются теперь часто совершенно безразлично. Но в рабочую среду слово “рабочий” так, как его понимают интеллигенты, проникло в сущности очень недавно. В недалеком еще прошлом назвать “рабочим” мастерового, т. е. работника, имеющего определенное ремесло, на изучение которого им затрачено от 3 до 6 лет, значило нанести ему жестокою обиду»⁴.

Даже в среде пролетариев Санкт-Петербурга имелись группы рабочих, своим внешним видом, манерой говорить и думать гораздо больше походившие на крестьян, чем на столичных жителей, пусть и занимавшихся физическим трудом. На Балтийском судостроительном и механическом заводе военно-морского министерства в 1890 г. было занято свыше двух тысяч рабочих. Среди них особо выделялись работники корабельного цеха. «Они были менее развиты... в большинстве состояли из крестьян, крепко державших непосредственную

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1938. Т. 1. С. 323.

² См.: Кулакова И. П. История московского жилья. М., 2006. С. 138; Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884; Овчинников П. А. Некоторые данные по вопросу об устройстве быта рабочих и учеников на фабриках и в ремесленных заведениях. М., 1881; Перфильев М. О. Очерки фабрично-заводского быта в России. СПб., 1887.

³ Приложение к трудам съезда Гг. членов Императорского русского технического общества в Москвь 1882 года. СПб., 1885. С. 16.

¹ Цит. по: Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. М., 1908. С. 48.

² Там же. С. 52.

³ Адамов В. В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966. С. 181–182.

⁴ Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 5.

связь с деревней, – вспоминал рабочий Балтийского завода, участник социал-демократического кружка В. Фомин, – ...все устои, все мировоззрение, обычаи – все было чисто деревенским, начиная с оборотов речи, кончая одеждой и образом жизни... Между рабочими корабельного цеха и рабочими других цехов, особенно механического, существовал сильный антагонизм. При всяком удобном случае рабочие корабельного цеха всегда высмеивались рабочими других цехов за то, что их облик, обиход и манера держать себя не была похожа на городскую. Их насмешливо называли “пестрыми”¹. Корабельные рабочие отличались большой религиозностью, очень почитали святого Иоанна Кронштадтского, если и читали книги, то в основном духовного содержания, что-нибудь вроде «Жизни Серафима Саровского», из светской литературы корабельные артельщики (они жили и столовались вместе) предпочитали разного рода сказания – «О прекрасном рыцаре Францискане», о Бове королевиче, об атамане Епанче. Издания «Посредника», имевшие просветительский характер, с трудом проникали в эти артели.

Вера в царя сохранялась еще у значительной части рабочих. Во время стачки 1878 г. в Петербурге на Новой Бумагопрядильне рабочие обратились с прошением к престолонаследнику, будущему царю Александру III. Жалоба завершалась словами: «Мы обращаемся к вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и что мы должны положиться на себя и на свои руки»². Требования забастовщиков были удовлетворены, но в следующем году администрация фабрики уволила 44 ткачей, которых она посчитала зачинщиками стачки.

К тому времени российские рабочие имели лишь небольшой опыт организации экономических стачек, часто сопровождавшихся насильственными действиями с элементами вполне традиционного русского бунта. Правда, в конце века наметилась тенденция уменьшения насильственных стихийных действий в ходе рабочих выступлений. Борьба в тяжелейших условиях российского капитализма подсказывала рабочим людям необходимость создания организаций. Довольно широкое распространение получили стачечные кассы или, как их еще иногда называли, кассы сопротивления. В течение 1890-х гг. такие кассы создавались в Петербурге, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске, Харькове, Одессе, Екатеринославле, Николаеве, в ряде других городов. Особенно большое количество подобного рода касс

было образовано в Польше и на северо-западе – в черте оседлости. На северо-западе в среде рабочих-евреев кассы изначально оказывались тесно связанными с социал-демократическими кружками. В Петербурге кассы в основном охватывали рабочих одного предприятия¹. Но лишь меньшинство рабочих России как-либо участвовали в деятельности касс сопротивления или стачечных касс.

Революционизирующее значение стачек с тревогой отмечали хозяева и директора предприятий. Правление Балтийского судостроительного завода военно-морского ведомства, анализируя прошедшую на верфи 31 мая – 3 июня 1901 г. стачку, заключало, что «раз руководителям волнений удалось под разными заманчивыми предложениями расшевелить инертную массу рабочих, то в последующие разы сделать это будет все легче и легче»².

Что же касается упрямых консерваторов из числа бюрократов и промышленников, то они не понимали и не хотели понимать того, что рабочие в России менялись: в их среде выделялись грамотные, решительные, умеющие организовывать массу индивиды. Уже знаменитая стачка 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуево продемонстрировала всей стране силу и умелость новых рабочих лидеров.

К концу XIX в. среди рабочих крупных городов, особенно Санкт-Петербурга и Москвы, уже имелись кадры вполне сложившихся революционеров как народнической, так и социал-демократической идеологической ориентации.

Российская радикально настроенная интеллигенция с 70-х гг. XIX в. вела пропагандистскую и просветительскую работу в пролетарской среде. «Хождение в народ» стало неотъемлемой частью жизни множества молодых людей из числа образованных классов, общение с простолюдинами их воодушевляло, тем более что их благодарными слушателями, а затем и товарищами являлись рабочие, имевшие достаточно высокий культурный уровень, искавшие пути изменения сложившегося обихода. Л. Д. Троцкий вспоминал, как еще будучи совсем юнцом, он начинал революционную пропаганду в Николаеве, где в конце XIX в. насчитывалось порядка восьми тысяч заводских и двух тысяч ремесленных рабочих. По его словам, «культурный уровень рабочих, как и заработок, были сравнительно высоки. Безграмотные составляли ничтожный процент. Место ре-

¹ Айнзафт С. Профессиональное движение в России в 1905–1907 гг. М., 1925. С. 18–19.

² Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С. 43.

¹ В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих... С. 198.

² Николаенко А. Краткая история рабочего класса в России. С. 128.

волюционных организаций занимало до некоторой степени сектантство, успешно ведшее борьбу с казенным православием»¹. Группа вчерашних гимназистов, усвоивших азы марксизма, поспешила поделиться своим знанием с местными рабочими и неожиданно для себя столкнулась с тем фактом, что рабочие шли к ним самотеком, точно на заводах их давно ждали. «Каждый приводил приятеля, некоторые приходили с женами, несколько пожилых рабочих вошли в кружки с сыновьями, – рассказывал Л. Троцкий. – Каждое слово встречало отклик. На подпольные чтения и беседы, по квартирам, в лесу, на реке собиралось 20–25 человек и более»².

Опыт пропаганды среди рабочих разительно отличался от опыта хождения к деревенскому люду, крестьяне нередко просто сдавали пропагандистов полиции. Народники и социал-демократы в лице рабочих находили благодарных слушателей.

Усилия революционной, социалистически ориентированной интеллигенции давали свои плоды. Все большее количество рабочих в крупных индустриальных центрах узнавали об основных положениях социализма и принимали их. 6 февраля 1903 г. на заседании комиссии, образованной при министерстве финансов, директор департамента полиции Зволянский докладывал (впрочем, явно преувеличивая влияние революционных идей): «Под влиянием усиленной тайной пропаганды в настоящее время в рабочей среде, – особенно в значительных промышленных центрах, – весьма быстро и широко развиваются рабочие организации. В Москве, Петербурге и во Владимирском районе в подпольной организации участвуют 80 % всех рабочих. Подпольная литература пользуется громадным распространением среди рабочих, и многие даже усвоили себе язык этой литературы»³.

* * *

Правящие классы России ни во второй половине XIX в., ни в начале XX в. вплоть до Первой русской революции не имели возможности создавать политические партии, но отсутствие политической структурированности общества не означало отсутствия идейного плюрализма и серьезной борьбы по ключевым вопросам социально-экономического развития страны внутри самих правящих классов.

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 115.

² Там же. С. 116.

³ Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. С. 47.

В российском государственном аппарате бюрократы-реформаторы подавали свой голос даже в годы торжествующей реакции: они действовали в рамках признанных официальных процедур – подавали записки, выступали на внутриминистерских совещаниях, добивались создания межведомственных комиссий по вопросам, требовавшим государственного вмешательства. Их оппонентам-консерваторам чаще всего удавалось добиваться того, что записки с предложениями реформ «откладывались в долгий ящик» или «клялись под сукно», а работы комиссий заканчивались ничем. Тем не менее эта глухая бюрократическая война со своими драмами и даже трагедиями неизменно продолжалась.

Еще в 1859–1862 гг. комиссия Штакельберга, занимавшаяся пересмотром устава о промышленности, предлагала дать рабочим известную свободу организаций и право учреждать промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев. Эти предложения не получили законодательного оформления. Механизмы по согласованию интересов хозяев и рабочих не были созданы, консервативно настроенные бюрократы, сами того не понимая, предпочли направить отношения в сфере труда и капитала по пути радикализации. Оказались заблокированными в 1870–1872 гг. реформистские усилия комиссии Игнатьева, а затем и в 1874–1875 гг. комиссии Валуева.

Борьба между сторонниками законодательного регулирования трудовых отношений и консерваторами, ратовавшими за полную свободу рук хозяев, шла и в среде российских промышленников.

Состоявшийся в 1875 г. в Санкт-Петербурге съезд машиностроителей, в котором наряду с промышленниками принимали участие чиновники и профессура, принял почти единогласно резолюцию с предложением, «чтобы число действительной работы в день для поденных или урочных работ на всех фабриках, заводах и ремесленных заведениях было сокращено до 10 часов в сутки», с тем условием, чтобы число всех выходных и праздничных дней не превышало 65¹. Съезд ходатайствовал также о скорейшем издании закона, регулировавшего бы труд несовершеннолетних. В то же время ряд участников съезда во имя «свободы народного труда» решительно протестовали против попыток законодательной охраны труда рабочих. Непосредственных последствий съезд машиностроителей 1875 г. не имел.

¹ Труды съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей // 11 Журнал общих собраний. 1875. С. 65–66; Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем... С. 322.

В 1880-х гг. комиссия по составлению нового уголовного уложения предлагала отменить уголовное наказание за стачки¹. Попытка по смягчению рабочего законодательства не увенчалась успехом.

И все же многолетние, многократные, хотя и разрозненные усилия реформаторов дали результат. 1 июня 1882 г. был издан закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», который запрещал работу в промышленности детей младше 12 лет, работа малолетних 12–15 лет ограничивалась 8 часами в сутки, вводился запрет для них ночной работы, для надзора за исполнением закона создавался институт фабричных инспекторов. Добился принятия закона Н. Х. Бунге, киевский профессор, экономист, возглавивший в 1881 г. министерство финансов, человек поразительной эрудиции и глубины познаний.

Департамент торговли и мануфактур, стремясь выяснить характер последствий от введения в действие нового закона, направил запрос 48 фабрикантам-бумагопрядильщикам. Большинство из них высказались против правительственного нововведения. В правой прессе началась кампания по шельмованию министра финансов.

Несмотря на это, 3 июня 1886 г. по инициативе Н. Х. Бунге императором Александром III были утверждены «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции», которые запрещали расплачиваться с рабочими товарами, устанавливали, за что можно было накладывать на рабочих штрафы. Общая сумма штрафов не могла теперь превышать треть заработка рабочего. Перевод штрафных денег в прибыль запрещался, они должны были аккумулироваться особо и могли расходоваться только на пособия рабочим. В то же время «Правила» ужесточали наказания за участие в стачках и побуждение к ним, за угрозы в адрес администрации².

Осторожные новации Бунге создавали, тем не менее, принципиально новую ситуацию: с появлением фигуры фабричного инспектора, который следил за исполнением норм законов, с появлением самих законодательных актов, минимально защищавших некоторые права работников, самодержавное государство обретало шанс, что часть рабочих уверует в его непредвзятость, в способность защитить рабочего от произвола хозяина и его администрации.

Шанс оказался упущенным. Бунге вскоре потерял политическое влияние, а затем и высокое положение. А большинство российских фабрикантов отнеслось крайне враждебно к «Правилам о надзоре за заведениями фабричной промышленности». Об этом красноречиво написал помощник владимирского фабричного инспектора Микулин, а вслед за ним экономист и историк М. Туган-Барановский. Орган московских фабрикантов «Общество для содействия русской промышленности и торговли» в марте 1887 г. подало новому министру финансов Вышеградскому одно за другим два ходатайства об изменении порядка правительственного надзора за фабриками. И 24 апреля 1890 г. вышел новый акт фабричного законодательства. То, что ранее регулировалось законом, теперь передавалось на административное усмотрение министра финансов, министра внутренних дел, губернаторов. Не нормы права, а административный произвол. Это движение вспять от строительства правового государства дополнялось откровенным жульничеством со стороны фабрикантов. Как писал Микулин: «Во исполнение требований закона, относительно регулярной и своевременной выдачи денег, таковая записывалась аккуратнейшим образом в надлежащие книги, но фактически не выдавалась; в обход положения закона, воспреещающего производить рабочим расплату товаром...» такая расплата производилась, но записывалась как будто выданная деньгами. Не желая расставаться со штрафными деньгами, фабриканты вместо штрафа за прогул записывали рабочему неполное количество рабочих дней. Были придуманы и иные способы уклонения от «неудобного» законодательства¹.

Тем не менее технический прогресс, конкуренция между различными промышленными центрами Российской империи и все усиливавшаяся стачечная активность рабочих указывали промышленникам на необходимость законодательного регулирования длительности рабочего дня и взрослых тружеников. Особенно понимающими оказывались те, кто регулярно осуществлял техническое перевооружение своего производства. На текстильных фабриках Лодзи (в российской части Польши) традиционно рабочий день был короче, чем на аналогичных московских фабриках, к тому же в Лодзи почти не практиковалась ночная работа. И вот в 1894 г. Лодзинское отделение «Общества для содействия русской промышленности и торговли» представило проект законодательного ограничения рабочего време-

¹ Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. С. 168.

² Полное собрание законов. III Собрание. СПб., 1888. Т. 6. № 3769.

¹ Микулин А. А. Очерки из истории применения закона 3-го июня 1886 года о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1893. С. 70; Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем... С. 338.

ни на всех фабриках, заводах и ремесленных заведениях России. Эта инициатива нашла поддержку как в среде части промышленников, так и чиновников, особенно столь хорошо знавших промышленное производство, как фабричные инспектора. Фабричный инспектор Петроковского округа Рыковский писал: «Все русские фабриканты могли бы без особого труда сократить на 1–2 часа практикующийся 13–14 часовой рабочий день и увеличить производительность своих фабрик, если бы они обратили более внимания на технику своих производств»¹. В ответ на проект лодзинских фабрикантов московское «Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности» образовало комиссию, которая провела опрос значительного количества фабрикантов, а также фабричных инспекторов на предмет выяснения их отношения к законодательному регулированию рабочего времени.

Обсуждение продолжалось и, казалось, так и закончится ничем. Но последовали крупные стачки в Петербурге в мае 1896 г., затем в январе 1897 г.

И 2 июня 1897 г. был издан закон, регулировавший длину рабочего дня. Но он соответствовал пожеланиям наиболее ретроградной части фабрикантов, ограничивал, а не запрещал работу в ночное время, не предусматривал никакого наказания за нарушения его требований. А 14 марта 1898 г. вышел циркуляр министра финансов, разрешивший в неограниченном количестве сверхурочную работу, чем нивелировал и то небольшое положительное, что имелось в законе 1897 г.

Упрямый консерватизм, замешанный на откровенном рвачестве значительной части российских промышленников, страх перед собственным народом, негибкость и все тот же косный консерватизм бюрократии приводили к радикализации ситуации в стране, делали фатальным сближение уже в значительной степени революционно настроенной интеллигенции² и потенциально революционно настроенного пролетариата. А проигрыши реформаторов из числа правящих классов обращались в поражения реформаторов и на противоположном фланге общественной жизни.

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем... С. 340.

² Вероятно, наиболее точно охарактеризовал русскую интеллигенцию XIX – начала XX в. философ и историк Георгий Петрович Федотов, писавший: «Интеллигенция – категория не профессиональная. Это не “люди умственного труда” (intellectuels). Иначе была бы непонятна ненависть к ней, непонятно и ее высокое самосознание... Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства, тоже не сводимого к классовой, феодально-военной группе, хотя и связанное с ней, как интеллигенция связана с классом работников умственного труда». (Федотов Г. П. Лицо России... С. 74–75.)

* * *

В качестве одной из задач социал-демократии в программе, написанной В. Ульяновым, намечалось: «...Помогать борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы»¹. Классовое сознание признавалось в программе продуктом сотворчества самого рабочего класса и РСДРП. Рассматривая самостоятельное движение русского пролетариата, Ленин отмечал, как постепенно рабочие приходят к пониманию необходимости единства действий, к пониманию того, что боевая классовая солидарность является единственным средством отстаивать свое право на жизнь и на человеческое существование. Программа указывала на те условия, которые подготавливали рабочих к соединению и развивали в них способности и умение соединяться. Назывались три условия: 1) Крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год и, соответственно, разрывающим связь рабочего с землей; 2) Совместная работа сотен и тысяч рабочих, которая приучает их к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих; 3) Постоянное перебрасывание рабочих с фабрики на фабрику, приучающее их сличать... порядки на разных фабриках, убеждаться в одинаковости эксплуатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом...»². Под влиянием перечисленных условий и в соответствии с логикой развития стачечного движения, говорилось в программе, рабочие постепенно переходят от местной борьбы против одного или нескольких фабрикантов к общенациональной борьбе против класса капиталистов. Но так как государственная машина отнюдь не является силой, нейтральной в этой борьбе, то рабочие не только убеждаются, что им необходимо объединение, совместное действие всего класса, но и приходят к выводу о необходимости добиваться влияния на государственную власть³. В то же время, так как классовое самосознание, по определению Ульянова, выступало как «понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов... далее самосознание рабочих означает понимание

¹ Ульянов (Ленин) В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах (5-е издание, дополненное). М., 1965–1975. Т. 2. С. 84.

² Там же. Т. 2. С. 91–92.

³ Там же. Т. 2. С. 93.

того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества; наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться этого землевладельцы и капиталисты». Отсюда совершенно явно следует: В. Ульянов считал, что многие важные компоненты классового сознания формируются у рабочих в ходе их повседневной борьбы, а также вследствие самого факта постоянного существования в условиях капиталистической эксплуатации.

Стремительный бег мысли молодого марксиста подчинялся не логике научного анализа, стремящегося к беспристрастности, а императивам политической борьбы. Когда будущий Ленин (он взял этот псевдоним в 1901 г. и более уже с ним не расставался) писал о классовом самосознании русских рабочих, он не столько пытался реконструировать и проанализировать тот сравнительно небольшой эмпирический материал, которым он располагал на тот момент (его познания рабочей ментальности, в силу его молодости, особенностей его интеллигентской жизни и малого количества научных публикаций о рабочих, были неизбежно ограниченными), сколько объяснить, если не продиктовать рабочим, какое сознание у них должно быть.

Наиболее активные рабочие Российской империи уже ко времени Первой русской революции в своих социальных оценках и действиях во многом руководствовались классовым подходом, но их подход отнюдь не отличался такой же жесткостью, как у В. Ульянова. Ощущая это расхождение, Ульянов вскоре поставил под сомнение способность рабочего класса самостоятельно выработать аутентичную пролетарскую идеологию.

В конце 90-х гг. XIX в. социал-демократические издания: газета «Рабочая мысль» и орган «Союза российских социал-демократов за границей», журнал «Рабочее дело», учитывая постепенно складывавшиеся условия для легальной борьбы рабочих за свои права, призвали сосредоточить усилия на деятельности в присутствиях по фабричным делам, в городском самоуправлении, на выдвижении правительству требований по законодательной защите труда. Странники этого направления: Е. А. Кускова, С. Н. Прокопович, А. С. Пиккер (А. Мартынов), В. Н. Кричевский – получили название «экономисты».

Молодой, решительный Владимир Ульянов не преминул яростно обрушиться на них. Тогда же он стал указывать на недостаточность, даже ущербность тред-юнионизма, как системы взглядов, сформиро-

ванной самими рабочими. По сути, он начал подводить теоретическую основу для краеугольного в ленинизме тезиса о верховенстве идеологической партии над обычными людьми, в том числе и над рабочими.

Ключевым в расхождениях Ленина и его единомышленников с «экономистами» являлось то, что Ленин считал: освобождения пролетариата можно добиться только путем уничтожения капитализма как системы, и вся частная экономическая борьба должна быть подчинена этой общей цели. По мнению же «экономистов», прежде всего, следовало бороться за немедленное улучшение жизненных условий рабочего класса путем создания страховых касс, борьбы за повышение заработной платы и т. п.

Отклоняя аргумент «экономистов» о том, что пролетариат самостоятельно может выработать аутентичную классовую идеологию, Ленин доказывал, что без помощи теоретиков из интеллигенции, стихийно рабочие приходят лишь к тред-юнионистскому, а не к социал-демократическому сознанию. При этом под «теоретиками из интеллигенции» Ленин имел в виду, прежде всего, самого себя.

Что же касается тред-юнионистского сознания, Ульянов-Ленин определял его как понимание рабочими антагонизма своих интересов и интересов хозяев, как «убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов»¹. Ульянов признавал политический характер этого сознания, но не считал тред-юнионизм специфической идеологией. Понятие «тред-юнионистская идеология» не встречается ни в одном из текстов Ульянова (В. И. Ленина). Более того, он прямо говорил: «...О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи»². В капиталистическом обществе, считал Ульянов, есть только две идеологии: буржуазная и социалистическая. Тред-юнионизм же, не являясь идеологией, может сосуществовать в сознании и политике масс либо с буржуазной, либо с социалистической идеологией. Рабочее движение, предоставленное самому себе, неизбежно придет к тред-юнионизму, который, в свою очередь, неизбежно будет подчинен буржуазной идеологии, так как она «более всесторонне разработана, чем социалистическая и обладает неизмеримо большими средствами распространения»³, – писал

¹ Ульянов (Ленин) В. И. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 30.

² Там же. Т. 6. С. 39.

³ Там же. Т. 6. С. 41.

В. Ульянов. Но социалисты путем упорной, целенаправленной работы в массах могут вырвать их из-под идеологического влияния буржуазии. И тред-юнионизм может найти свое завершение в социал-демократизме, а не в буржуазном тред-юнионизме. В соответствии с этим Ульянов указывал, что задача социал-демократии состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь «рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии»¹.

Апология рабочего класса и недоверие к его самостоятельным идейным поискам сопровождалась у Ульянова и его единомышленников не менее двойственным отношением к интеллигенции. Прорывались эти антиинтеллигентские настроения в неожиданных отождествлениях интеллигенции и буржуазии².

Неистовая последовательность Ленина в отстаивании своих взглядов привлекала к нему все большее внимание в среде социал-демократов. Противоречить ему было невероятно тяжело. Уже в то время сложился круг лиц, который к тому же постоянно расширялся, о котором недолгий соратник Ленина Потресов написал: «Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем, ибо только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя»³.

В 1902 г. изменившаяся политическая обстановка (укрепление социал-демократического и рабочего движения и в то же время появление «экономизма» и необходимость борьбы с ним) обусловила потребность в уточнении задач социал-демократии и, соответственно, дальнейшее развитие понятийного аппарата. В работе «Что делать?» теперь уже Ленин не отказался ни от своей более ранней концепции становления классового сознания, ни от самого термина. Он использует этот термин, когда описывает развитие пролетарской сознательности на раннем (можно сказать, тред-юнионистском или даже пред-трэд-юнионистском) этапе. Он пишет: «В самых передо-

вых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного промысла или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма»¹.

Подход, идентичный тому, что был представлен в «Проекте и объяснении программы». В то же время в соответствии с новым подходом, согласно которому классовое тред-юнионистское сознание может оказаться подчиненным буржуазной идеологии, Ленин вводил деление на истинное и неистинное классовое сознание. Неистинное классовое сознание – это или прошлое российского рабочего движения, или то настоящее, против которого следует бороться всеми силами, а не косвенно признавать его право на какое-либо существование самим эпитетом «классовое». Поэтому в работах В. И. Ленина есть определения только характера истинного классового сознания. Так, в «Что делать?» говорится: «Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на все и всяческие случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к каким бы классам ни относились эти случаи, – и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов»².

На протяжении всей своей взрослой и осмысленной жизни В. И. Ленин был всегда и во всем прежде всего политиком. Философия, политэкономия, социология имели для него сугубо прикладной характер. Для него даже законы логики не являлись аксиоматическими. Целенаправленно и целеустремленно он создавал идеологию действия. Мышление Ленина самым существенным образом отличалось от мышления человека, последователем которого Ленин себя считал. Маркс никогда не был сторонником революции любой

¹ Ульянов (Ленин) В. И. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 55.

² Ульянов (Ленин) В. И. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 69. Ленин также неоднократно демонстрировал подозрительность по отношению к интеллигенции, ставил в вину ей склонность к буржуазности, проявляющуюся, с его точки зрения, в самых различных сферах. Так уже в советские времена он говорил Кларе Цеткин: «Замаскированное уважение к буржуазной морали мне также противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов – вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев.» (Клара Цеткин. О Ленине... С. 11–12.).

¹ Ульянов (Ленин) В. И. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 55.

² Молодой И. Джугашвили писал в ту пору еще на грузинском языке: «Для демократического дела в России чрезвычайно большое значение имеет то, сумеет ли рабочий класс стать во главе общего демократического движения или же он будет плестись в хвосте движения как вспомогательная сила “интеллигенции”, т. е. буржуазии». (Сталин И. В. Сочинения. 1901–1907. М., 1946. Т. 1. С. 30.)

³ Никонов В. А. Молотов. Молодость. М., 2005. С. 41.

ценой. История виделась ему органическим процессом, на который можно было воздействовать лишь в достаточно ограниченных масштабах. Рукотворность истории через политическое насилие – не только неоспоримый политический постулат для Ленина, но и глубоко пронизывающее его личность убеждение. Анализ мышления Ленина ставит перед исследователем чрезвычайно сложные для решения задачи, т. к. привычный инструментарий философской гносеологии чаще всего оказывается бессильным при попытках точного определения тех парадигм, которыми оперирует этот поразительный человек завершившегося века.

Ленин жестко и безапелляционно увязывал определенные идейные течения с социальными группами. Он не принимал в расчет простую и очевидную вещь – автономность личности по отношению к социуму, а тем более по отношению к определенной социальной группе. То, что класс – первичен, а индивид – вторичен, он никогда не обсуждал, для него это была истина, не требующая доказательств.

Но игнорирование личности приводило к абберациям и в понимании социальных классов, т. к. класс состоит из личностей. В то же время Ленин гениально улавливал определенную интенцию, присутствовавшую в сознании миллионов, ее формулировал, развивал и возвращал миллионам в виде четкого и однозначного лозунга. Он подчинял своей воле людей, которые до столкновения с ленинской мыслью жили совсем по иным правилам, обычаям и нормам.

Рождение политического гения всегда приводит общество, в котором он действует, к глубоким изменениям, но то, что ленинский гений оказался развернутым в сторону неукротимого революционного порыва, – следствие не только глубокой психологической предрасположенности В. И. Ульянова (Ленина) к радикализму, но и укорененной в самом российском обществе радикальности, характерной и для правящих классов в лице большинства бюрократов и промышленников (в виде бескомпромиссного консерватизма), и для интеллигенции (в виде социалистического утопизма, нигилизма и готовности к героическому самопожертвованию ради простого народа). Революцию в России превращали в неизбежность многие люди, самых разных состояний и убеждений.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Олег Матвеев

Введенное Дестютотом де Трасси в XVII в. понятие идеологии меняло свой смысл в трактовках различных философов – от понимания идеологии¹ как интеллектуальной системы, оформляющей мотивы политиков (В. Парето), к пониманию ее как формы иллюзорного сознания (К. Маркс) и «добровольной мистификации» (К. Манхейм).

Феномен политической идеологии Г. Дилигенский определяет как обозначение для выражения субъективного отношения к общественно-политическим явлениям² либо один из уровней политического сознания, имеющий когнитивную, коммуникативную функции³. Кроме того, в своих работах А. Соловьев, Д. В. Ольшанский выделяют идейную функцию. При этом Д. В. Ольшанский указывает на то, что основными компонентами идеологии являются ценности, нормы и образцы поведения соответствующей социальной группы. Следовательно, идеология является целостностью социальных представлений, включающую мотивирующую функцию, позволяет утверждать о том, что данные представления отражают интересы политических субъектов. Еще один аспект политической мысли, рассматриваемый в контексте

¹ Философский словарь определяет идеологию как систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений (См.: Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.)

² См.: Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1996. 352 с.

³ См.: Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учеб. для студентов вузов М.: Аспект Пресс, 2000. 539 с.; Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1996. 352 с.; Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. 496 с.

идеологии, – политические ориентации¹. В конечном итоге идеология является уровнем политического сознания, а последнее – одной из форм реализации политической культуры².

Проблема политических идеологий и их роли в обществе нашла свое отражение в работах не только зарубежных ученых и мыслителей, таких как М. Вебер, Е. Дюркгейм, Т. Инглтон, О. Конт, К. Маркс, Т. Парсонс, М. Фуко, но и российских исследователей: Р. Абрамова, К. Гаджиева, Б. Гуселетова, Г. Дилигенского, Д. Ольшанского, Я. Пляйса, П. Рачкова, В. Согрина, Е. Самарской, А. Чубатьяна³ и др.

Основоположниками современной социал-демократии считаются немецкие социалисты Карл Каутский и Эдуард Бернштейн⁴.

¹ См.: Артемов Г. П. Политическая социология: учеб. пособие. М., 2002. 280 с.

² См.: Ольшанский Д. В. Основы политической психологии.

³ Гуселетов Б. П. Социал-демократическое движение / Актуальная социал-демократия в XXI веке. М.: Ключ-С, 2009. С. 323–390; Становление социал-демократических партий стран Центральной и Восточной Европы и СНГ: идейно-политическая самоидентификация в рамках современного мирового социалистического движения. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 163 с.; Пляйс Я. А. Российская государственность на пути реформирования: учеб. пособие по курсу политологии. М.: Фин. акад. при Правительстве Рос. Федерации, 1999. 89 с.; Пляйс Я. А. Новый этап реформирования российской государственности: проблемы и перспективы. М.; Ростов н/Д.: СКАГС, 2002. 139 с.; Пляйс Я. А. Российская государственность между прошлым и будущим // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2009. № 6. С. 35–43; Пляйс Я. А. Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. 63 с.; Пляйс Я. А. Есть ли будущее у политических идеологий? // Обозреватель-Observer. 2010. № 9. С. 66–82; Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. 496 с.; Самарская Е. А. Социал-демократия в начале века. М., 1994. 265 с.; Чубатьян А. О. Мировая социал-демократия. Теория, история и современность. М., 2006. 584 с. и др.

⁴ На идейной почве марксизма в конце XIX – начале XX в. кроме революционного течения, возглавленного В. И. Лениным, возникло реформистское, социал-демократическое, обоснованное в работах Эдуарда Бернштейна, Карла Каутского, Отто Бауэра, Л. Мартова (Юлий Осипович Цедербаум), Георгия Валентиновича Плеханова и др.

Теоретик СДПГ Э. Бернштейн, не отрицая анализа К. Маркса, заявил, что интересы трудящихся можно постепенно осуществлять и в рамках существующей системы путем проведения реформ.

В двадцатые годы XX в., проанализировав деятельность коммунистов в большевистской России, другой теоретик СДПГ, К. Каутский, высказал еще одно существенное положение: социализм можно строить только в условиях демократии и методами демократии. Примерно с этого времени социал-демократы предпочитали говорить о «демократическом социализме».

Уже после Второй мировой войны германские социал-демократы скорректировали и это положение. В своей новой программе, принятой в 1959 г., они записали, что социализм – это никогда не прекращающаяся задача добиваться социальной справедливости в обществе рыночной экономики и частной собственности, руководствуясь при этом основными такими ценностями, как свобода, справедливость, солидарность.

В теоретических документах германской социал-демократии все чаще применяется и другой термин – «общество социальной демократии». Таким образом, не от-

Идеологическая сущность *социал-демократии* состоит в идее *классового сотрудничества труда и капитала при активной позиции, занимаемой государством*.

На протяжении всей своей истории социал-демократам приходилось корректировать свои идейные и теоретические установки, если они не находили в них ответа на вопросы конкретной политической практики. Социал-демократическая идеология отказалась от принципиальных положений марксизма – о классовой борьбе, революции, диктатуре пролетариата и др. Она исходила из возможности эволюции капитализма в социально справедливое общество, сохранения мира между классами и государствами. Постепенное реформирование буржуазного общества связывалось с разрешением противоречий между буржуазией и рабочим классом на основе компромиссов, усилением социальной защищенности трудящихся, поощрением рабочего самоуправления и кооперации, использованием парламентской демократии.

Задача государства, с точки зрения современного понимания социал-демократии заключается в том, чтобы через налоговую систему перераспределять доходы от богатых к бедным. Именно за счет высоких налогов, накладываемых на богатых, государство обеспечивает бедным слоям относительно высокий уровень заработной платы и широкие социальные льготы – бесплатная медицина и образование, доступное жилье и т. д.

Механизм действия государственной политической системы описывает Я. А. Пляйс, считая, что «политические идеологии обязаны улавливать изменения, происходящие в настроениях и интересах классов, слоев и групп, отражать эти изменения в партийных и иных документах и программах, направлять их трансформацию в конкретные политические действия, призванные удовлетворять эти новые интересы»¹.

казываясь от вдохновляющей идеи социализма, социал-демократы предпочитают не говорить о «социалистической» или «социал-демократической» идеологии.

Но в чем принципиальное отличие идеи социализма от социалистической идеологии обнаружил в своих размышлениях российский мыслитель Федор Степун (был выслан в 1920-е гг. из большевистской России).

Ф. Степун приходит к выводу, что окончательное крушение потерпел в России не социализм, а оторванная от идеи социализма социалистическая идеология большевиков. Трагедия объясняется тем, что социалистическая идеология зародилась в головах русской интеллигенции задолго до того, как толща русской жизни начала прорастать идеей социализма. Он делает различие между идеей социализма и идеологией. См.: Орлов Б. Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000–2005 гг. М.: Собрание, 2005. 712 с.

¹ См.: Пляйс Я. А. Есть ли будущее у политических идеологий?

Результаты обобщаемого материала свидетельствуют, что современное исследование итогов выборов 2012 г. в странах Центральной и Восточной Европы (бывшего социалистического лагеря) показало, что важнейшую роль в формировании новых демократических государств сыграли социал-демократические партии. Большинство из них были преемницами бывших правящих коммунистических или рабочих партий (кроме Чехии), но, тем не менее, они отказались от своего монопольного положения, инициировав соответствующие изменения в конституциях и законодательстве своих стран. В ходе процесса их институционализации они радикально изменили свои программные и базовые принципы с коммунистических на социал-демократические¹.

Благодаря консенсусу ведущих политических сил и поддержке общества в короткие сроки странам бывшего социалистического лагеря удалось создать правовые, демократические государства с социально-ориентированной рыночной экономикой. Ведущую роль в этом процессе играли социал-демократы (социалисты) этих стран, особенно в Болгарии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии, Словакии, Словении, Черногории, Чехии, последовательно отстаивавшие принципы свободы, социальной справедливости, политической конкуренции и пр. Их влияние на эти преобразования сохранялось не только тогда, когда они были у власти, но и когда им приходилось оставаться в оппозиции. И в этом случае они сохранили влияние на значительную часть общества и, будучи представленными в парламенте, оказывали серьезное давление на своих политических оппонентов, публично отстаивая свои взгляды на ситуацию в стране².

Однако не везде эти процессы шли с одинаковыми темпами. Так, в Болгарии, Румынии, Словакии и других странах бывшие правящие партии в начале реформ не торопились расставаться со своим монопольным положением и, используя по большей части национал-патриотическую риторику, смогли сохранить власть. Но, потерпев чувствительное поражение на выборах, они перешли на социал-демократические рельсы, что позволило им сохранить себя в партийно-политической системе своих стран.

В Болгарии, Венгрии, Литве, Словении, Румынии, Черногории, Чехии и других странах социал-демократы (социалисты) в середине

1990-х гг. пришли к власти, но потом по законам демократии в некоторых из этих стран они проиграли очередные выборы и ушли в оппозицию.

Мировой финансово-экономический кризис и недавние проблемы Евросоюза оказали крайне негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в этих странах, привели к замедлению экономического роста, увеличению социального расслоения, снижению социальной ответственности государства перед своими гражданами¹. Все это привело к тому, что на очередных парламентских выборах 2012 г. в таких странах, как Словения, Литва, Румыния, Черногория, социал-демократы одержали победу и пришли к власти. В Словении и Чехии, где у власти находятся правые, представители левоцентристских сил одержали победу на президентских выборах. И хотя президенты в этих странах парламентской демократии не имеют особых властных полномочий, тем не менее победа левых кандидатов также является ярким подтверждением возврата социалистов и социал-демократов к руководству этими странами на ближайший четырех-пятiletний период². Их основными принципами социал-демократизма являются:

- отношение к социальной справедливости как к общественному идеалу, который невозможно достигнуть, но к которому следует стремиться;
- осознание демократии в качестве несовершенной, но наиболее перспективной формы общественного устройства, обеспечивающей согласование интересов различных социальных групп;
- признание самоценности человеческой личности и необходимости защиты ее прав и свобод от государственных институтов;
- стремление соединить социальную справедливость с эффективной рыночной экономикой.

Советская перестройка середины 1980-х гг. преследовала цель совершенствования социализма и фактически перехода к социал-демократическому пути развития³, а революция Ельцина Б. Н. по сути

¹ Там же.

² Там же. С. 192

³ Стержневая идейно-политическая концепция социал-демократов – «демократический социализм». Достижение «демократического социализма» мыслится через осуществление политической и экономической демократии, создание «государства благосостояния». Западные социал-демократы, особенно находясь у власти, внесли значительный вклад в создание развитой системы социальной защищенности, регулируемой государством. Эта система в основном функционирует и тогда, когда социал-демократов сменяют у власти партии консервативной или либеральной ориентации.

¹ Гуселетов Б. П. Итоги выборов 2012 года в странах бывшего социалистического лагеря. Социалисты возвращаются // Вестник ЦИК РФ. Гражданин. Выборы. Власть. 2013. № 1. С. 191.

² Там же.

изначально была направлена на полный отказ от социализма и переход к буржуазному устройству западного типа¹, с первоочередными задачами деидеологизации общества, создания рыночной экономики, сведения до минимума государственного участия практически во всех сферах общественной жизни, что в российских условиях привело к колоссальному обнищанию масс, снижению образования и политической культуры.

В современных условиях множество российских партий претендуют на принадлежность к социал-демократической идее, среди которых выделяются Социал-демократическая партия России², Социал-демократический союз, Российская партия социальной демократии, Республиканская партия Российской Федерации, Партия самоуправления трудящихся, Союз труда, Крестьянская партия России, Российская объединенная промышленная партия, Союз народовластия и труда, Российский союз молодежи, Народная партия

В то же время ряд факторов серьезно подорвал влияние социал-демократии как идеологического течения. Оказались неосуществленными концепции «демократического социализма» и «государства всеобщего благосостояния». В начавшуюся эру «постиндустриализма» обнаружилась неприменимость традиционного подхода к содержанию общественного прогресса. Это проявилось в неспособности социал-демократов дать адекватную интерпретацию современной роли средних слоев, социальных последствий технологического рывка в развитых индустриальных странах.

¹ См.: Пляйс Я. А. Политическая наука в современной России... С. 29.

² Старейшая социал-демократическая организация современной России, учрежденная в мае 1990 г. СДПР была одной из первых новых партий, созданных в СССР. ЛДПСС была создана чуть раньше – в апреле. СДПР стала первой новой партией, не только созданной, но и зарегистрированной в России – зарегистрирована Министерством юстиции РСФСР 14 марта 1991 г., регистрационный № 27.

В конце 1994 г. раскололась фактически на две партии с одинаковым названием: СДПР (председатель Александр Оболенский) и СДПР (председатель Анатолий Голов). В сентябре 1995 г. достигнуто формальное объединение, новым председателем избран Сергей Белозерцев. Избрание С. Белозерцева председателем не решило проблем партии – на 8 съезде в декабре 1996 г. должность председателя была упразднена, и партию стал возглавлять Президиум Правления.

В 2002 г. СДПР была закрыта по решению суда, что позволило Минюсту исключить ее из реестра партий и зарегистрировать в мае 2002 года под именем СДПР партию, созданную М. Горбачевым и К. Титовым, – т. н. Новую СДПР. Принятие этой новой партией имени СДПР состоялось, несмотря на то что руководство СДПР, прежде всего А. Оболенский и А. Лумпов, вело в это время судебную борьбу с Минюстом за сохранение партии, о чем члены партии Горбачева – Титова были заранее уведомлены. Это создало казус одновременного существования в России двух разных партий с одинаковой аббревиатурой.

Таганский районный суд г. Москвы 28 марта 2007 г. постановил отменить предыдущее решение о закрытии СДПР и исключении ее из списка политических партий. Мосгорсуд, рассмотрев кассационную жалобу Росрегистрации, оставил в силе решение Таганского районного суда. Однако решение о восстановлении СДПР в списке партий до сих пор не выполнено. URL: <http://wikipedia.org> (Дата обращения: 25.10.2013).

России, Социалистическая народная партия, Социалистическая партия трудящихся, Справедливая Россия¹.

Все эти партии объединяет идейно-политическая концепция, лежащая в основе социал-демократического подхода. Вместе с тем все эти партии имеют различные подходы к решению следующих ключевых проблем²:

- степень государственного вмешательства в экономику;
- соотношение государственного, коллективного и частного сектора в многоукладной экономике;
- частная собственность на землю и др.

Анализ уставов и программ этих партий позволяет выделить основные приоритеты, на которых предполагается сосредоточение деятельности. К таким приоритетам относятся:

¹ Справедливая Россия – официально зарегистрированная левая политическая партия в России, придерживающаяся идеологии социал-демократии и модернизированного социализма.

Основана 29 августа 2006 г., в результате объединения партии «Родина», Российской партии Жизни и Российской партии пенсионеров. Основной членской базой стала «Российская партия Жизни» и ее лидер – проф. Сергей Миронов. Однако идеи национал-социалистической Партии Родина, которая юридически была распущена в 2012 г. приобрели другой общественно-политический смысл (См.: Гл. 5 программы). Официальной датой рождения Всероссийской политической партии Справедливая Россия является 28 октября 2006 г.

Первоначально партия сотрудничала с правящей партией «Единая Россия» и ее лидером Дмитрием Медведевым, но с 2009 г. стала постепенно переходить в оппозицию из-за провала «курса Путина», а в 2011–2012 гг. позиционировала себя как конструктивная оппозиция недемократической действующей власти. Однако в 2013 г., после того как лидер эсеров Сергей Миронов объявил курс на категорический отказ от сотрудничества с незаконной и несистемной оппозицией, и последующего исключения из рядов партии Геннадия и Дмитрия Гудковых, партия де-факто вернулась на позицию антилибералов (демократов), заняв в Государственной думе РФ все левое, т. е. социал-демократическое, «крыло» и начав переговоры с КПРФ об объединении (23 августа 2011 г.).

Официальное название партии «Политическая партия Справедливая Россия». (См.: Устав партии Справедливая Россия. п. 5 гл. 1). На политическом сленге членов партии часто называют «эсерами» (от инициалов названия), как и членов непарламентской партии социалистов-революционеров, также к ним употребляют название «справороссы». Никакого отношения к Партии социалистов-революционеров не имеет, на преемственность от нее не претендует. С 2007 по 2012 г. являлась членом наблюдательного совета международной организации Социнтерн, с 30 августа 2012 г. – полноправный член (URL: [Twitter / mironov_ru](https://twitter.com/mironov_ru): Справедливая). Председатель партии с 2011 г. – Николай Левичев, руководитель фракции в Государственной думе – Сергей Миронов, который может отменить любое решение любого органа партии, включая председателя партии (URL: <http://wikipedia.org/wiki> (дата обращения 22.11.2013 г.)).

² URL: <http://grachev62.narod.ru/krasnov/htm-o> политическая организация (Дата обращения: 25.10.2013).

- формирование в России правового государства и гражданского общества, основанных на справедливом конституционном строе и подлинном народовластии;

- уважение и реализация прав и свобод личности, создание условий гармоничного развития и социальных гарантий для граждан, отвечающих требованиям XXI в.;

- усиление роли государственного регулирования и контроля в основных хозяйственных и социальных процессах;

- создание в стране социально ориентированной рыночной экономики на основе приоритета и государственная поддержка отечественного предпринимательства и товаропроизводителя, развития среднего и мелкого бизнеса;

- содействие формированию в стране среднего класса, как большей части российского общества, обладающего политическим сознанием и культурой, способным влиять на политику власти.

В зависимости от роли партий в политической жизни страны, их представленности в парламенте и законодательных органах регионов, наличия социальной базы и электоральных успехов, особенностей артикуляции идеологических конструктов процесс становления в России социал-демократического движения в период с 1991 г. по настоящее время с некоторой долей условности можно разделить на четыре этапа (табл. 1).

Таблица 1. Основные этапы эволюции современного российского социал-демократического движения

Этап	Годы	Особенности
I	1991–1993 гг.	Появление первых социал-демократических партий: два пути, две стратегии
II	1993–2000 гг.	Раздробленность левого фланга в рамках мультипартийности
III	2000–2006 гг.	Объединительные проекты социалистических и социал-демократических сил
IV	2007 г. – настоящее время	Институционализация социал-демократии как парламентской оппозиции

Таким образом, результаты исследования современной социал-демократической идеологии позволяют сделать следующие выводы.

1. Социал-демократизм – одно из направлений социальной мысли и политической практики XX в., в основе которого лежит концепция «демократического социализма», где главными ценностями провозглашены свобода, социальная справедливость и солидарность. При этом, в понимании социал-демократов, социализм – это не обще-

ственный строй, а бесконечный процесс развития в сторону общественного идеала.

2. Мировой финансово-экономический кризис и недавние проблемы Евросоюза оказали крайне негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в Словении, Литве, Румынии, Черногории, Словении и Чехии, обусловили победу социал-демократов в этих странах. Данный факт является подтверждением возврата социалистов и социал-демократов к руководству этими странами на ближайший четырех-пятилетний период, потому что их основными принципами являются социальная справедливость (которой невозможно достигнуть, но к которой следует стремиться); осознание демократии в качестве несовершенной, но наиболее перспективной формы общественного устройства; признание самоценности человеческой личности и необходимости защиты ее прав и свобод от государственных институтов; стремление соединить социальную справедливость с эффективной рыночной экономикой.

3. Современная российская социал-демократия на протяжении почти четверти века продолжает делать лишь первые шаги, как в идейно-теоретическом, так и в политическом плане. Многочисленные организации социалистического толка не перестают определять пути своего развития, социальную базу, союзников и т. д. С одной стороны, еще не сложились социальные условия для объединения, мешают большая степень раздробленности, вследствие слабой теоретической проработанности, постоянной борьбы за влияние между лидерами. С другой – существующие партии и движения социал-демократического толка не обладают конкурентными преимуществами в идеологическом противоборстве на российской политической арене.

4. Российское социал-демократическое движение XXI в. выступает за многопартийную политическую систему, что в современных условиях не слишком выгодно для разрозненных сил социал-демократии. Социал-демократические партии пока не могут претендовать на поддержку достаточного числа избирателей, поэтому нуждаются в формировании коалиционной и блоковой политики, сосредоточении своих усилий на институционализации социал-демократии как парламентской оппозиции.

ПАРАДОКСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭСЕРАМИ ИДЕЙ И ПРАКТИКИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ИДЕОЛОГИИ И В ОРГАНИЗАЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПСР И ИХ ВКЛАД В КОНЦЕПЦИЮ И ПРАКТИКУ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Константин Морозов

Сегодня невозможно продолжать в марксистских традициях вековой давности, а также в традициях советской историографии считать народничество и эсеровскую партию не социалистическим направлением и партией, а лишь мелкобуржуазной демократией, а также невозможно игнорировать сам факт наличия двух ветвей российского социализма – народничества и марксизма.

Невозможно размышлять (но, увы, на практике именно так нередко делается) об уроках и судьбах российской социал-демократии как о единственной ветви российского социализма, совершено забывая о том, что все ее становление и развитие шло в постоянном взаимодействии с другой ветвью российского социализма – социалистами-революционерами.

Иначе многое в истории и российского социалистического движения, и российской социал-демократии останется непонятым, включая и своеобразное «политическое завещание» – совместное заявление «На пути к единой социалистической партии» 14 русских социалистов (эсеров и меньшевиков: Р. Абрамовича, В. Александровой, П. Берлина, М. Вишняка, С. Волина, Ю. Денике, М. Джемса, В. Зензинова, Б. Николаевского, М. Хиноя, В. Чернова, С. Шварца, Д. Шуба, Е. Юрьевского), принятое в 1952 г. в эмиграции.

В Обращении делался экскурс в историю существования двух ветвей социализма: «История российского социализма с самого начала была историей не только быстрого роста, но и постоянного размежевания и разделения. Основное деление шло сначала по линии народничества и марксизма. В 1898 г. была основана Р. С. Д. Р. П., двумя годами позже – Партия С. Р. С тех пор и до настоящего времени эти

две по существу родственные между собою партии вели раздельное существование и в течение первых лет были зачастую “друзьями”, как любил выражаться В. М. Чернов. Обе они были ярко выраженными “мировоззренческими” партиями: одна – марксистская, в том понимании марксизма, которое было воспринято “Группой Освобождения Труда”; вторая была народнической и вела свою идейную родословную от “Народной Воли”. Правда, обе партии находились под сильным влиянием современных им западноевропейских социалистических партий, но РСДРП шла за материалистической марксистской ортодоксией, в то время, как с.-р.-овские теоретики отвергали философию материализма и политически примыкали к “ревизионистам” – Бернштейну, Давиду, Жоресу и Вандервельде»¹.

Необходимо отметить, что духовная близость эсеровской партии и европейской социал-демократии ощущалась и современниками. Так, Карл Каутский во введении к брошюре меньшевика В. С. Войтинского, посвященной подсудимым процесса 1922 г. над эсерами, писал: «Между партией русских социалистов-революционеров и партией социал-демократов существует сильное расхождение, больше того, противоречия в основах мировоззрения и тактики. Несмотря на это, я охотно принял приглашение написать в качестве введения к изложению Московского процесса, издаваемому российской П. С. Р., несколько слов для характеристики этого процесса. Больше того, я чувствую, что не только имею право, но даже обязан написать это введение, и именно в силу исповедуемых мною социал-демократических принципов.

...Тем более обязаны мы заступиться за преследуемых и гонимых, когда они принадлежат к партии, которая так же, как и мы, хотя не всегда теми же путями, стремится к освобождению трудящихся и издавна вела самую решительную беззаветную борьбу с заклятым врагом мирового прогресса, с русским деспотизмом»².

Характерно, что в конце 90-х гг. XIX в. не только с.-д. не верили в революционный потенциал крестьянства, в него не верили даже тогдашние с.-р., основываясь на неудачном предыдущем опыте. Так, В. М. Чернов при встрече в Саратове с А. А. Аргуновым, руководителем одной из главных организаций, из которых возникла ПСР, испытал очень глубокое разочарование неверием того в крестьянство и в возможность пропаганды в нем. И в это самое время Чернову

¹ На пути к единой социалистической партии // Социалистический Вестник. 1952. № 3. С. 31–32.

² Войтинский В. С. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 7–8.

С. Н. Слетов привез по его просьбе материалы Бреславского съезда немецкой с.-д. партии, где велись жаркие споры о крестьянстве. В них Чернов нашел поддержку своим мыслям с совершенно неожиданной для себя стороны.

Чернов в своих мемуарах позже вспоминал: «По моему поручению они привезли оттуда последние новинки социалистической литературы: знаменитую книжку Эд. Бернштейна и протоколы Бреславского соц.-дем. партийтага, с ожесточенными спорами о тактике в деревне между Бебелем, Либкхнемом, Давидом с одной стороны, Каутским и Шиппелем – с другой.

Эти живые свидетельства огромного брожения внутри западноевропейского социализма решили дело. Меня потянуло неудержимо за границу, погрузиться целиком в происходящую там борьбу идей и теорий, впитать в себя и переработать все “последние слова” мировой социалистической – да и общеполитической – мысли. Кроме того, думалось мне, за границей я найду всех ветеранов революционного движения, с Петром Лавровичем Лавровым во главе»¹.

Чернов в спорах германских социал-демократов нашел подтверждение своим взглядам, которые и развил в серии своих статей в «Русском Богатстве». Во-первых, в противовес взгляду на прогрессивность капитализма, Чернов сформулировал идею, легшую потом в основу эсеровской официальной концепции, которая исходила из того, что капитализм в странах, где он вырос на собственной основе, и капитализм, пришедший извне, весьма различны. В странах второго типа его хищнические разрушительные тенденции и стороны проявляются сильнее всего. Капитализм также по-разному проявляет свои положительные и отрицательные свойства в промышленности и в сельском хозяйстве.

Поэтому необходимо поддерживать капитализм в городах, в промышленности, где он выполняет прогрессивную роль, и препятствовать его проникновению в земледелие, где он, разрушая традиционную сельскохозяйственную культуру, ничего положительного взамен создать не сможет. Эсеры горячо доказывали, что повсеместная концентрация производства в земледелии по образцу промышленности – это утопия, не учитывающая специфики сельского хозяйства и что будущее в сельском хозяйстве за семейными трудовыми хозяйствами.

Во-вторых, Чернов нашел подтверждение своим мыслям о возможности не только капиталистической эволюции в промышленности, но и некапиталистической эволюции сельского хозяйства и о

кооперации как способе этой эволюции на основе коллективистской психологии крестьянства, возвращенной общиной.

Кооперация заняла видное место в концепции ПСР. На 1-й Общепартийной конференции говорилось о том, все три формы организации триединого рабочего класса одинаково важны для его воспитания и для подготовки предпосылок социализма: партия, профсоюзы и кооперация.

Весной 1914 г. Е. Е. Лазарев писал В. М. Чернову: «Уничтожение, даже полное разрушение общины отнюдь не изменяет дела. Проблема остается. Там, где нет общины, приходится создавать суррогат ее: кооперации, производительные, потребительные, общества продаж и покупок, кредитные общества, общества страхования и т. д.

...Но интеллигентное меньшинство жаждет политической свободы и как будто недовольно, раздражается, видя, что масса не занимается также ревностно политикой и судьбой политической партии. Поэтому на каждом шагу пинают кооперативное движение, ставят ему спицы в колесницу, постоянно приговаривая: не очень увлекайтесь, социализма этим одним не достигнем. Конечно, не достигнем одной кооперацией, но его не достигнем и одной политической организацией партии. Эти вечные припевы только охлаждают пыл и энергию людей, отдавшихся кооперативной организации. Эти припевы слышны в с.-д. газетах и в с.-р. Нами уже установлены самостоятельные или автономные способы приближения к социализму – политическая, синдикальная и кооперативная деятельность. На этом и следует держаться, тем более что и интернационал почти целиком стал на эту точку зрения»¹. Любопытно, что «в этих видах» Е. Е. Лазарев пытался воспользоваться книгой Э. Вандервельде, посвященной проблемам кооперации и социализма, купив право на ее перевод и дополнив ее своим приложением. Правда, издатель потребовал их разделения, и Е. Е. Лазарев был вынужден уступить после чего предлагал свою работу В. М. Чернову для «Заветов»².

Главный теоретик эсеровской партии и автор ее программы В. М. Чернов, как он сам говорил, выступил в роли двойного ревизиониста, ревизовав старое народничество и ревизовав марксизм. В своем черновом наброске В. М. Чернов в 1914 г., готовясь возражать Н. Н. Суханову, объявившему эсерство разновидностью социал-демократии и отрицавшему его связь с народничеством, писал: «Отчего эта преемственная нить так не нравится Сух[анову]? Да от

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск, 2004. С. 89–90.

¹ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97. Л. 78–78 об.

² Там же.

того, что он соверш[енно] напрасно поверил, будто либо связь с современным научным социализмом, либо преемственная связь с русским народнич[еством]: одно другое исключает. Тут-то и ошибка, как я док[азываю]: народничество само было в органичес[кой] связи с соврем[енным] ему междун[ародным] социализмом. Мы – ревизионисты старого народничества. Мы ревизионисты и марксистской догмы. Ревизионизм слева. Не “обычного типа ревизионизм”. Два полож[ения]: не только и света, что в капитал[истическом] окошке. Социализм – не побочный рефлекс капит[алистического] строя, создающего впервые совр[еменный] инд[ивидуальный] прот[ест], а нечто гораздо более универсальное, тесно связанное с кр[естьянскими] войнами средних веков, с восст[аниями] рабов древности, с утопиями. Народ как сов[окупность] трудящихся классов. ...Мы – ревиз[ионисты] слева. Бережное отношение к капит[ализму] нам чуждо»¹.

Парадокс заключается в том, что часть эсерства, ассимилировав народнические и «бернштейнские» идеи (а последние были первоначально восприняты в штыки в среде западноевропейской социал-демократии, прежде всего германской, славившейся своей силой и ортодоксальностью), в определенной степени обогнала западное социалистическое движение в использовании на практике идей социал-реформистского типа, к которым оно обратилось намного позже.

Важно, что эсеры, хотя и ощущали некую чуждость во II Интернационале, где безраздельно господствовала социал-демократия, тем не менее всегда считали себя частью единого социалистического движения и, более того, считали, что опережают социал-демократов ортодоксов в анализе сущности крестьянства и тенденций мировой эволюции.

Говоря об эсеровском «ревизионизме слева», В. М. Чернов противопоставлял свою концепцию «ревизионизму справа», т. е. ревизионизму Э. Бернштейна и его последователей внутри немецкой социал-демократии. Но здесь заключается парадокс. С одной стороны, их идеи помогли В. М. Чернову, по его собственному замечанию, не повторить ошибки марксистов-ортодоксов при формировании своих взглядов. С другой – «небережное» отношение к капитализму, свойственное его концепции (и еще более свойственное максималистам и левым эсерам), позднее у части эсеров, т. н. «правых» (группа Н. Д. Авксентьева), трансформировалось в весьма «бережное» отношение к нему. Разгадка парадокса в том, что разные течения в

эсерстве педалировали разные составные части «синтезной» ортодоксальной (черновской) концепции. И если почва для «левых» и максималистов имела в той части концепции, где речь шла о возможности прерыва капиталистического развития в сельском хозяйстве (эта возможность трактовалась весьма расширительно), то для «правых» эсеров почва была в эволюционном характере эсеровской концепции.

Эсеры также заимствовали у немецких социал-демократов концепцию массовой партии. ПСР возникает на рубеже 1901–1902 гг. из объединения ряда эсеровских групп и организаций, которые носили ставший уже традиционным с 60-х гг. XIX в. характер конспиративно-элитарных организаций (термин М. Хильдермайера), а душой их являлась субкультура российского революционера. Но, с другой стороны, в концепцию организационного строительства ПСР стремились заложить идеи и структуры массовой политической партии в соответствии с целями и задачами, которые ставила перед собой ПСР, чуть позже ставшая одной из партий II Интернационала. Представляется, что наглядным примером и эталоном являлась авторитетнейшая партия II Интернационала – СДПГ, добившаяся в то время значительных успехов в отстаивании интересов немецких рабочих и сумевшая объединить немалую их часть в тех или иных формах вокруг себя, что дало ей возможность стать парламентской партией. Понятно, что ни эсеры, ни социал-демократы, будучи в здравом уме и твердой памяти, не собирались строить массовую партию по организационной схеме СДПГ в российских нелегальных условиях. Но они рассматривали ее как образец, пример для подражания, возможный для претворения в жизнь лишь при достижении политических свобод. Но некоторые организационные и тактические принципы и черты подобной партии все-таки были использованы. Произошло, на наш взгляд, симбиотическое соединение черт традиционной «конспиративно-элитарной» организации и черт массовой политической партии, стремящейся сплотить вокруг себя определенные классы и выступать их руководителем в отстаивании ими своих интересов и прав. Подобный симбиоз можно охарактеризовать как эмбрион партии или протопартию.

А вот с развертыванием революции 1905 г. эсеры и с.-д. начинают строить массовые партии в нелегальных, а иногда в полулегальных условиях. Процесс превращения ПСР в массовую партию, более или менее соответствовавшую традиционным критериям такой партии, начался в 1905 г. и достиг в следующем году своего апогея. На I съезде ПСР был принят организационный устав, определены критерии

¹ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 69. Л. 421.

членства и более или менее разграничены полномочия всех партийных ячеек. Но нужно отметить, что этот процесс не был завершен и, как справедливо отмечал М. И. Леонов, ПСР организационно была «весьма рыхлой, с дисциплиной не из строгих, сплоченностью не из крепких»¹.

Таким образом, хотя ПСР удалось стать массовой партией, объединявшей в сотнях своих организаций около 60–65 тыс. членов, и охватить партийным влиянием около трехсот тысяч человек, а также иметь собственную фракцию во II Государственной думе и многочисленные легальные и нелегальные издания, руководство партии сталкивалось с огромными организационными сложностями.

Одной из причин распада массовой нелегальной партии, какой ПСР стала в 1905–1907 гг., стала ошибочная организационная концепция, в которой пытались соединить несоединимое – субкультуру российского революционера и принципы массовой партии. Весьма интересен анализ состояния дел в эсеровской организации в г. Вязники Владимирской губернии, сделанный одним из ее руководителей в это время: «Самая крупная отрицательная черта нашей организации – отсутствие дисциплины, и отсутствие сознательного отношения к своему долгу среди членов организации. В этом наша ошибка. Думая сначала захватить побольше людей, а потом уже углубить их сознание, мы сделали крупный промах и тем подготовили гибель организации. Недисциплинированность большинства членов расшатала организацию вконец и подготовила ее роспуск»².

Наплыв в партию эсеров (впрочем, и в другие революционные партии) случайных людей имел очень серьезные и различные последствия. Видный энес А. В. Пешехонов, вспоминая о спорах будущих энесов и эсеров на I съезде партии ПСР, много лет спустя справедливо отмечал: «Мы находили, что конспиративной может быть лишь небольшая организация, состоящая из людей, хорошо знающих друг друга, и во всяком случае из людей, моральная чистота которых стоит вне сомнения. Когда же число членов партии начинает быстро увеличиваться, а в таком именно положении и находилась партия с.-р., то оставаться ей в подполье, где нет гласности и где контроль до крайности затруднен, прямо опасно. В партию легко могут проникнуть элементы, далеко не безупречные в моральном и политическом отношении, и избавиться ей от них будет очень трудно. Наши опасе-

ния на этот счет оправдались – оправдались даже в гораздо большей степени, чем мы боялись»¹.

И наплыв случайных людей имел отнюдь не только организационные аспекты. Не менее, а может быть, и более важно, что эти люди, чуждые субкультуре российского революционера, не только нарушали все ее нормы, но и размывали ее, а также дискредитировали своим поведением самих революционеров. Надежда быстро «углубить сознание» тысяч людей, вовлеченных в партию, да еще в нелегальных условиях оказалась идеалистической иллюзией. Увы, все произошло с точностью до наоборот.

Представитель Петербургской организации на V Совете партии в мае 1909 г. заявлял: «Несколько довольно дельных и развитых рабочих с.-р., которые как представители социалистов-революционеров выступали в профессиональных союзах, проворовались. Так, например, некто Касаткин стащил деньги в правлении Союза металлистов, затем другой стащил деньги у чертежников, больше тысячи рублей. Подобный случай был в жел.-дор. Союзе, где член его, который считается с.-р., забрал деньги забастовочного комитета этой дороги. Затем в партийной организации был такой случай: кассир Александро-Невского района присвоил себе деньги»². В этом контексте становится неудивительным, что среди части питерских рабочих в это время слово «сознательный» приобретает уничижительно-ругательный смысл.

Очень показательна позиция Л. М. Арманд, ведшей полемику с Н. И. Ракитниковым по организационным вопросам осенью 1909 г. Отвергая обвинение в ликвидаторстве, она считала необходимым сохранить «организационный аппарат», лишь коренным образом его перестроив и упростив. Она заявляла: «К этой-то цели, а не к ликвидации партии клонится пожелание, чтобы организационные группы на местах складывались на основе личного знакомства и доверия, а не общепартийной репутации и предполагаемой полезности кандидатов. Не надо связывать себя амбициозной фикцией, будто мы – крупная политическая партия в европейском смысле этого слова»³. Весьма интересна реплика, прозвучавшая еще на III Совете партии в июле 1907 г. из уст представителя Закавказской области: «Мы и с.-д. не партия; возьмем возрастной состав: средний возраст

¹ Леонов М. И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 8.

² ГА РФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 95. Л. 20–21.

¹ Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли (К вопросу о политических группировках в народничестве). Пг., 1918. С. 7.

² МИСИ. Архив ПСР. 146.

³ Л. А-ва Прежде и теперь // Знамя труда. 1909. № 21–22. С. 13.

герм[анских] с.-д. 30 лет, я член Обл. Ком. – мне несколько больше 20»¹.

Положительным моментом можно считать, что именно апелляцией к тому, что ПСР провозглашена (и в идеале и должна быть) массовой социалистической партией, боролись противники террористической тактики с ее сторонниками в ПСР. Именно этот аргумент был главным и в самом начале существования партии, и на V Совете партии после разоблачения Азефа, и на рубеже 1917–1918 гг.

В конце концов, большинство руководителей и функционеров склонилось к тому, что ПСР должна быть именно массовой социалистической партией и действовать сообразно этому, а не террором. Кстати, до сих пор многие считают террор главным в эсеровской практике. Это неверно.

Во-первых, не следует преувеличивать значения террора для эсеровской партии. Уверенность самих эсеров-террористов, что «эсер без бомбы не эсер», не есть истина для характеристики всей партии в целом. Главным в эсеровской идеологии и даже практике был вовсе не террор.

Во-вторых, не нужно смешивать «оппозиционный терроризм» с «государственным террором» и рассматривать революционный терроризм порой как претечку большевистского «красного», как это делает американский историк Анна Гейфман или как О. В. Будницкий, который видит «генетическую связь» между «государственным террором, унесшим с 1917 года миллионы жизней» и «террором дореволюционным – как лево-и правозэкстремистским, так и правительственным»².

Подобное смешение оппозиционного терроризма и государственного террора представляется совершенно неверным, так как они отличаются как по своей природе, по направленности, формам и методам действия, так и отчасти по задачам, которые призваны решать. Да и типаж, и ментальность людей оппозиционного терроризма и гос. террора разные.

Главное в эсеровской практике то, что ПСР предложила такую модель переустройства России, которая нашла отклик в самых различных слоях общества и позволила эсерам выиграть на выборах в Учредительное собрание.

Главное, что широкая популярность и поддержка вкупе с приверженностью большей части партии идеям демократии давали эсеровской партии потенциальную возможность стать как центром объединения разных политических сил, так и властью, способной к эволюции под давлением жизни и тех классов, чьи интересы она взялась защищать.

Концепция и воззрения эсеров, несомненно, содержали утопический элемент. Но, во-первых, большая часть из них была способна менять свои взгляды под давлением жизни. Эсеры, как до них и народолюбцы, заявляли, что террористическая тактика должна была быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя. Еще О. Радке весьма верно подметил, что эсеры никогда не стали бы расстреливать крестьян, недовольных их аграрными преобразованиями. С этим можно только согласиться.

А во-вторых, и это самое главное, несмотря на некоторый утопический элемент, на практике от действий эсеров по защите политических свобод и прав, от реальной и энергичной работы эсеров по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной сельско-хозяйственной кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями – была огромная польза.

Как представляется, не утопические элементы их воззрений важны, а именно вот эта большая практическая работа, которая имела бы и гигантские результаты, и значение в превращении России в развитое европейское общество, в котором люди были бы значительно более свободолюбивы, инициативны и защищены законом, чем в советском да и в современном обществе.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что и ценности и традиции русского демократического социализма создавали представители обеих ветвей русского социализма. И неверно, как это иногда делается, связывать демократический социализм только с традициями и именами российской социал-демократии, хотя европейский демократический социализм и ассоциируется в обыденном сознании с европейской социал-демократией.

Попробуем тезисно перечислить, что, с одной стороны, явилось серьезным вкладом эсеров в концепцию и практику демократического социализма, а с другой – помогает нам определить место этой партии в нашей истории:

– Признание и последовательное отстаивание значительной частью эсерства (центристов и т. н. правых эсеров) роли народа в

¹ МИСИ. Архив ПСР. 145.

² См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 // Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 5; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 358.

истории и самооценности человеческой личности, которую они ставили во главу угла социализма, воспринятые ими от своих учителей П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

И об этом справедливо писал видный эсеровский публицист М. В. Вишняк уже в 50-е гг. XX в. в статье «Оправдание народничества»: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором – в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»¹. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал подчеркивание ценности человеческой личности, ее свободы и создание демократического общественного устройства. Об их взаимосвязи («свободолюбия с народолюбием») замечательно сказал М. М. Карпович (один из авторов сборника «Судьбы России», изданного в 1957 г. «Объединением российских народников», возглавлявшимся А. Ф. Керенским): «...Русская интеллигенция видела в народе не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать. ...С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самостоятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства»².

– *Признание и последовательное отстаивание значения свободы и демократии как «души социализма».*

В. М. Чернов уже в последней эмиграции констатировал: «Если нет полноты свободы без социализма, то нет и никакого социализма без полноты свободы... Социализм без общественной и личной свободы – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга»³.

Вообще утверждение о том, что главнейшим в народничестве является вовсе не вопрос об особых путях развития России, только на первый взгляд, кажется парадоксальным и странным. Но если задуматься о том, как прошел водораздел в 1917 г., разведший по разные

стороны баррикад и фронтов гражданской войны социалистов, – это как раз будет комплекс вопросов о личности, о демократии, о том, «социализм для народа или народ для социализма». Именно в ответе на эти вопросы объединились на практике, с одной стороны эсеры, и часть меньшевиков, а также большевики с левыми эсерами, с частью максималистов и с частью меньшевиков и анархистов.

В Обращении 1952 г. подчеркивалось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что “социализм” без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма»¹.

– *Признание этики в качестве важнейшей составляющей социализма.*

– *Признание огромнейшего значения и приоритетность в практической деятельности самоуправления, кооперации и профсоюзов для самоорганизации народа и подготовки будущих основ социализма и коллективистской психологии и необходимых управленческих навыков.*

В этой связи показательно, что в 1918 г. в условиях разгоравшейся Гражданской войны ЦК ПСР в инструкции эсеровским фракциям в земствах и городских муниципалитетах отмечал, что их задача «щепетильно охранять основы народопрямства от покушений, способствовать выявлению максимума жизнедеятельности всех институтов народовластия, еще не успевших укорениться за столь короткое время». Та же инструкция требовала: «Всякая власть, устанавливающаяся на местах в случае свержения большевистской олигархии, обязательно должна или быть прямо властью созданных на основе всеобщего избирательного права органов самоуправления, или же ими санкционирована и им подотчетна»².

Заслугой с.-р., на мой взгляд, является и то, что они пытались расконсервировать и развивать демократические традиции русского народа, столь ярко проявившиеся в общинном самоуправлении.

– *Защита интересов крестьянства и вера в его социалистические потенции.*

¹ Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.

² Карпович М. М. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России. Сб. статей. Нью-Йорк, 1957. Вып. 1. С. 15–17.

³ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66. Л. 57, 58–59.

¹ На пути к единой социалистической партии // Социалистический Вестник. 1952. № 3. С. 31–32.

² Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из Архива ПСР / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период М. Янсен. Амстердам, 1989. С. 42.

Эсеры говорили, что не только пролетариат способен к восприятию социализма, но и трудовое крестьянство и интеллигенция, и критиковали социал-демократов за крестьянофобство, за их неверие в способность крестьянства принять социализм.

С.-р. были противниками огульного «вываривания крестьянства в фабричном котле», как бы предвидя ситуацию советского времени, когда после коллективизации и гибели крестьянства произошла гибель многих традиций русского народа, отрыв его от своих корней.

– *Эсеровская концепция «триединого рабочего класса»*, предвосхитившая взгляды на этот вопрос европейской социал-демократии, впоследствии отказавшейся от предыдущей абсолютизации значения пролетариата.

– *Характерный для партий демократического социализма философский плюрализм и веротерпимость в идейно-мировоззренческих поисках в собственных рядах*, которые отличали ее от большевистской «партии нового типа», партии строго централизованной, с наличием харизматического лидера и культивируемой жесткой дисциплиной, своеобразного «ордена меченосцев» (оговоримся, что эти черты и тенденции получили завершение лишь после 1917 г.). Эсеровская партия была совершенно иной.

По точному замечанию А. Д. Снявского, сделанному им по другому поводу и много десятилетий спустя, «...по самому психологическому складу авторитарное направление более партийно, дисциплинированно, прямолинейно, более повинуетя авторитету “вождя”, нежели демократы, которым по природе свойственны терпимость, плюрализм, разномыслие»¹.

Представляется, что целый ряд идей и постулатов неонародничества, хотя само оно уже принадлежит истории и реанимации не подлежит (подобные попытки в конце 80-х – начале 90-х гг. со стороны отдельных социалистически ориентированных групп интеллигенции это ясно показали), сохраняет свою актуальность и сегодня. Многие из идей народничества было воспринято и современными политическими партиями, порой не осознающими источника своих заимствований. Сегодня уже многие готовы к признанию и огромного значения роли личности в истории, и особенностей менталитета русского народа, и к необходимости их учета при выборе как моделей переустройства общества, так и путей и методов их осуществления. Угасающая вера в «невидимую руку рынка», автоматически

ставящего все на свои места и ведущего общество к благоденствию, вновь актуализирует народнические идеи, отрицающие универсальность капитализма, одинаково благотворного и для всех стран мира, и для всех отраслей экономики, и для жизнедеятельности общества в целом.

¹ Снявский А. Д. Диссидентство как личный опыт // Книжное обозрение “Ex libris НГ”. 1997. № 3. 6 марта. С. 3.

ЛЕВО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В «БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ» СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Александр Шатилов

Одним из достаточно распространенных заблуждений современной политологии является «недифференцированный» анализ внутриэлитной жизни, как отдельных стран, так и региональных и глобальных альянсов и ассоциаций. В частности, это касается Евросоюза, в истеблишменте которого в последние годы происходят дезинтеграционные процессы и ведутся весьма серьезные межэлитные войны. Причем эти войны обусловлены не только прагматичными аппаратными и экономическими причинами, но и «мировоззренческим диссонансом».

Жесткая поляризация и конфронтация в европейских элитах начались практически сразу после победы Запада в холодной войне. На это был целый ряд причин.

Во-первых, исчез «общий враг» и теперь больше не требовался единый альянс против СССР, который был создан еще в 1950–1960-е гг. и в который входили «правые», «либералы», «социал-демократы», а по отдельным позициям даже еврокоммунисты. Это приводит к тому, что уже в конце 1980-х гг. начался отказ западных элит от поддержки «одиозных» правых режимов, которые в одночасье перестали быть «оплотами борьбы с красной угрозой», а превратились в «сомнительные авторитарные правительства», которые при удобном случае были принесены в жертву «прогрессивной общественности» (например, режимы А. Пиночета в Чили, А. Стресснера в Парагвае, П. Боты в ЮАР). Одновременно к числу «неприличных» были отнесены ранее вполне «рукопожатные» радикальные правые политики в странах Запада. Это касается и неонацистов в ФРГ, и неофашистов в Италии, и «ультра-ястребов» в Республиканской партии США. Справедливости ради, следует отметить некоторый всплеск популярности «правых» в начале 2000-х гг., однако во многом это

было связано с событиями 11 сентября, после чего влияние «неоконов» пошло на убыль, а их оппоненты захватили инициативу.

В этом плане примечательной является книга статусного представителя ультраправого крыла Республиканской партии Пата Бьюкенена «Смерть Запада», в которой он обвинил элиты Европы и Соединенных Штатов в отходе от принципов «здорового консерватизма» и в приверженности принципам «социализма». При этом под огнем критики Бьюкенена оказался даже достаточно «правый» Джордж Буш-младший. Последние прошедшие выборы в США, на которых в исключительно упорной борьбе победил Барак Обама, стали свидетельством того, что ранее чисто тактические противоречия между американскими партиями выходят на стратегический уровень. В этом плане недавняя инициатива администрации Обамы о легализации миллионов нелегальных иммигрантов и предоставлении им права голоса вообще может в корне переформатировать партийную систему США, выбив оттуда «неполиткорректных» республиканцев.

Во-вторых, изменилась идеологическая и социально-экономическая «повестка дня» ведущих государств мира. Так, на смену ценностям консервативным (религия, собственность, семья и пр.) приходят приоритеты, с одной стороны, «расширенного» понимания свободы, с другой – социального гедонизма. На такой запрос общества не могли не отреагировать политики Запада, которые постарались подстроиться под указанные тенденции. При этом электорату шли навстречу, как левые (социал-демократы, социалисты), так и либерал-демократы. При этом если первые «корректировали» в соответствии с новыми «веяниями» свои представления о свободе и правах человека, то вторые оптимизировали свою «рыночную» платформу за счет привнесения туда «левых» ценностей (социальные права человека, защита трудящихся в их конфликте с работодателем, обеспечение прав различного рода меньшинств и др.).

В-третьих, в начале XXI в. была поставлена под вопрос международная гегемония Запада и возникли тенденции к утверждению многополярности. Такие трансформации не могли устроить европейские и американские элитные группы, которое предприняли попытку сформировать новую, «универсально-привлекательную» повестку дня мирового развития. При этом традиционные «правые» политики (как консерваторы, так и «классические либералы») стали уже не партнерами, а обузой, поскольку они не хотели играть по новым, во многом популистским правилам. Так консерваторы не желали признавать новые веяния в гендерных вопросах и сексуальных отношениях, «цеплялись» за религиозную догматику, не хотели разрушения «традиционной семьи». Что же касается «старых либералов», то они

были «несовременны» в силу своей приверженности идеалам жесткой рыночной конкуренции, а также отрицания вмешательства государства в социально-экономическую сферу.

Все это приводит к тому, что возникает неформальный (а в некоторых странах и формализованный) идейно-политический альянс «лево-центристов» и «либералов», предполагавший «диффузию» их ценностей.

Однако для политического успеха лево-либералам необходимо было «задавить» своих консервативных оппонентов. Соответственно, в 2011–2014 гг. с их стороны начинается мощное давление на правых политиков, особенно в Европе, где левые и либеральные приоритеты еще с XVIII в. пользовались успехом у избирателей. И если ранее альянсу между левыми и либералами мешал «марксизм» первых и «рыночный догматизм» вторых, то теперь их союз оформился на промежуточной «лево-либеральной» основе. Соответственно, такая консолидация дала возможность «идеологическим неофитам» жестко атаковать консервативных политиков, используя как официальные, так и неофициальные каналы.

Последнее время лево-либералы проводят активную политику на территории ЕС. В частности, ныне имеет место давление с их стороны на знаковые фигуры в лагере «правых». Так в 2013 г. Сенат Чехии объявил импичмент президенту страны Вацлаву Клаусу за то, что благодаря его решению об амнистии безнаказанными останутся несколько подозреваемых в мошенничестве высокопоставленных чиновников. Одновременно с этим члены Сената обвинили Клауса в государственной измене. В вину Клаусу поставили прекращение уголовного преследования известного предпринимателя Томаша Питра, «серого кардинала чешской экономики», подозреваемого в уклонении от уплаты налогов. Также им был освобожден от ответственности и бывший глава Чешско-Моравской футбольной ассоциации Франтишек Хваловский, обвиненный в растрате. По мнению чешских сенаторов, «действия президента республики направлены против суверенитета и целостности республики, а также против ее демократического порядка». И хотя такое решение является чисто «символическим», поскольку оно было принято за несколько дней до официального ухода Клауса с должности и ничем ему не угрожало, помимо «общественного порицания», тем не менее оно явилось весьма знаковым. Клаус известен как «консерватор», противник однополых браков и евроскептик, поскольку опасается, что в рамках Евросоюза Чехия утратит свою идентичность.

Практически одновременно с вынесением импичмента Клаусу из Италии появилась информация о приговоре в отношении недавно

формально проигравшего выборы Сильвио Берлускони. Суд Милана приговорил бывшего премьер-министра Италии к одному году тюрьмы по делу о неудачном приобретении итальянской страховой группой Unipol банка BNL (Banca Nazionale del Lavoro), в рамках которого политик обвинялся в причастности к раскрытию конфиденциальной информации. Более того, лидеру итальянских правых грозит еще более суровый приговор по делу об интимной связи с 17-летней марокканской танцовщицей Каримой эль-Марук, известной под именем «Руби – Похитительница сердец», а также по делу о превышении должностных полномочий. Думается, что Берлускони в итоге вряд ли окажется за решеткой, однако из «большой политики» его вынудят уйти.

Не щадит «лево-либеральное» лобби и даже ветеранов «борьбы с тоталитаризмом». Так, в начале марта 2013 г. польская прокуратура приняла решение проверить на состав преступления слова экспрезидента страны, лауреата Нобелевской премии мира Леха Валенсы, чьи публичные высказывания обидели гомосексуалистов. «Меньшинство не должно садиться на голову большинству», а в сейме (парламенте) депутаты нетрадиционной сексуальной ориентации должны сидеть в последнем ряду или вообще «за стеной», – заявил Валенса, выступая телепередаче на одном из местных каналов 1 марта 2013 г. Во многом именно по инициативе лево-либералов был совершен также «кадровый переворот» в Ватикане, в результате которого «на пенсию» был отправлен «консерватор» Папа Бенедикт XVI. Судя по всему, новый глава Римско-католической церкви Франциск является более лояльным по отношению к данной части европейской элиты.

Вообще, следует отметить, что лево-либералы придерживаются весьма жестких идеологических позиций. В частности, принципиальными для них являются следующие ценности:

- политическая демократия в ее либеральном понимании;
- права и свободы человека;
- мультикультурализм;
- толерантность;
- политкорректность;
- глобализация;
- секуляризация и борьба с любыми проявлениями «ретроградных» (традиционных) начал;
- социально ориентированное государство.

Как видно из вышеприведенного перечня приоритетов, базовыми для лево-либералов (особенно Европы) являются принципы «свободы» (иногда в «окололибертарианском» ключе) и «справедливости» (в духе «общества потребления»).

При этом лево-либеральные элиты весьма настойчивы, а иногда и «принудительны» в распространении своих идеологических воззрений. Нередко их деятельность отличает иррациональная идеологическая ангажированность. Примечательно: они готовы добиваться своих целей практически любыми средствами, зачастую вступая в самые парадоксальные коалиции. Так, например, для свержения «авторитарного» режима Б. Асада в Сирии они активно использовали исламистов-суннитов, мировоззренческие ценности которых были на порядок архаичнее и нелиберальнее по сравнению с «относительно светским» режимом алавитов. Нечто подобное видно и на примере Украины, где европейские лево-либералы для свержения власти В. Януковича прибегли к помощи радикалов из «Правого сектора», которые демонстрировали приверженность едва ли не нацистским ценностям. Тем не менее лево-либералы обладают отличным чувством политической целесообразности. Именно этим объясняются их специфические политические альянсы. Например, их не особо беспокоит победа исламских экстремистов в Сирии, поскольку, по их мнению, те в любом случае будут слабее команды Асада и в конце концов уступят место более вменяемым силам. Аналогично мыслится лево-либералам «политическая картина» на Украине.

Не меньший прагматизм лево-либералы демонстрируют и на геополитическом уровне. Большинство из них являются приверженцами концепций униполярности и «единого Запада». Они не верят в европейскую самодостаточность и, в отличие от своих «право-консервативных» оппонентов, не стремятся к созданию на базе объединенной Европы альтернативного глобального центра влияния, как того хотели «отцы-основатели» ЕС. Напротив, они ориентируются на «углубленное» политическое и экономическое взаимодействие с США как наиболее мощным международным игроком и государством, близким к ним по идейно-ценностным приоритетам (особенно после прихода к власти администрации Б. Обамы). Именно лево-либералы являются главными европейскими лоббистами инициированного Вашингтоном проекта Трансатлантического партнерства, который предполагает «соитие» экономических потенциалов Старого и Нового Света.

Во внутренней политике лево-либералы ведут интенсивную деятельность на гендерном и семейном «фронтах», стремясь преодолеть «консервативное» наследие традиционной «ячейки общества» и половые «архаичные» стереотипы. Так, в рамках курса на «развитие толерантности» они настойчиво пропагандируют гендерное разнообразие и активно продвигают идею «альтернативных сексуальных

ориентаций». Взять хотя бы принятый во Франции по инициативе президента-«социалиста» Ф. Олланда в 2013 г. закон о легализации однополых браков. Примечательно, что это было сделано фактически вопреки мнению большинства «традиционных» французов, которые проводили массовые митинги, но так и не добились понимания у лево-либералов. Что же касается стран-неофитов Евросоюза, то они в своем большинстве являют собой государства относительно «консервативные». Это наглядно продемонстрировало население Хорватии, на недавнем референдуме отвергнувшее закон о гей-браках¹. В то же время, евробюрократия и ее «группа поддержки» из лево-либеральных партий относят толерантность в отношении сексменьшинств к ценностям универсальным и единственно верным в XXI столетии. Так, например, 19 января 2011 г. Парламент Европы принял резолюцию, внесенную его социалистической, экологической, либеральной и коммунистической группами (так называемой «розовой Европой»), в которой Литва получила отповедь за попытку осудить «публичную пропаганду гомосексуализма»².

Одновременно лево-либеральные элиты отстаивают проект «ювенальной юстиции», который фактически ориентирован на то, чтобы с раннего детства оградить ребенка от «вредного» влияния традиционной семьи. Это вызывает неоднозначное отношение общественности, особенно в странах с культом семейных ценностей. В частности, в России у ювенальной юстиции критиков гораздо больше, чем сторонников. Мнение скептиков четко обозначила профессор педагогики О. Янушкявичене: «Ювенальная юстиция напрямую связана с проектом замены института семьи на институт соцпатронажа. Возникает вопрос: кому мешает семья? Ответ очевиден: семья мешает там, где человека хотят взять под тотальный контроль, разрушив его личность. Так поступают, например, представители многих сект, в первую очередь стремящиеся отделить человека от семьи»³.

Кстати, принудительно насаждение «сверху» таких ценностей нередко вступает в противоречие с одним из главных постулатов классического либерализма – невмешательством государства в «неполитическую сферу». Но, как показывает практика, лево-либеральные элиты весьма выборочно относятся к своему историческому наследию.

¹ URL: <http://izvestia.ru/news/561698>

² URL: <http://www.lifesitenews.com/news/european-parliament-attacks-lithuanian-law-curbing-homosexualist-propaganda>

³ URL: <http://www.rg.ru/2013/02/12/juvenalnaia.html>

Это касается не только активной государственной политики в семейной и гендерной сферах (особенно в Скандинавии), но и распространения ценностей «социального гедонизма». И здесь опять же лево-либералы пересматривают свой классический опыт. «Традиционная» этика капитализма изначально предполагала ставку на «протестантскую этику», то есть эффективный, целеориентированный и продуктивный труд во благо как своей семьи, так и общества. Акцент в этом плане делался на индивидуальной самореализации и обогащении человека, становящегося таким образом «угодным Богу». Однако современные лево-либеральные ценности предполагают, с одной стороны, «обмирщение» человеческой этики, а с другой – фактическое подчинение эффективного и свободного гражданина социальным интересам «усредненного» коллектива. Конечно, в этом есть определенный практический смысл: современная Европа не справляется с социальными перегрузками и вынуждена жертвовать индивидом ради «общего блага». Это позволит на некоторое время снять социальные противоречия, перераспределить прибыль «успешных» в пользу «малоимущих» и «слабозащищенных». Как пишет А. Симоянов, «Социальный либерализм сгенерировал в себе ценности личной свободы, социальной справедливости, демократии, ограниченной частной собственности и регулируемой рыночной экономики, став буферным звеном между социал-демократией и рыночным либерализмом»¹. Особо активно европейские элиты стали сдвигаться «влево» после начала финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. Н. В. Загладин пишет: «С началом глобального экономического кризиса ситуация начала меняться в благоприятную для социал-демократии сторону, хотя эффект этих перемен может сказаться не сразу, а, в силу ряда причин, может и вообще не проявиться. Прежде всего, идеология неоконсервативной (или, как ее порой называют, неолиберальной) ортодоксии начала утрачивать свое влияние. Лидеры многих правоцентристских партий стали выступать за расширение вмешательства государства в экономику, за введение контроля над ранее полностью либерализированной деятельностью ТНК и ТНБ, принятие мер, смягчающих последствия роста безработицы и падения уровня жизни, т. е. за более активную социальную политику»².

Тем не менее у этой политики есть и серьезные издержки.

¹ URL: <http://nmm.me/blogs/master222/liberalizm-i-neoliberalizm/>

² Загладин Н. В. Кризис социал-демократии или политических идеологий современности // Социал-демократия в современном мире. М., 2010. С. 22.

Во-первых, у наиболее активных граждан ЕС теряется стимул к эффективной и производительной деятельности.

Во-вторых, происходит распространение «гедонистических» настроений в европейских обществах, прежде всего в среде молодежи. Отсюда – рост «немотивированной» безработицы: многие европейцы предпочитают скорее «релаксировать» и жить на вполне солидное социальное пособие, чем искать работу.

В-третьих, такая политика в перспективе чревата падением производительности труда и качественным ухудшением экономической конъюнктуры в Евросоюзе.

Если говорить о взаимоотношениях России и Евросоюза, то их резкое ухудшение в 2013–2014 гг. во многом стало следствием «мировоззренческого несовпадения» российского и европейского руководства. «Команда» Владимира Путина ориентирована на религиозные и традиционные ценности, что уже изначально создает ситуацию «недоговороспособности» с лево-либералами. Кроме того, уход из «большой политики» европейских консерваторов сужает для российского руководства возможности поиска партнеров в Объединенной Европе.

Конфликт российского руководства и западных «секулярных» лево-либеральных элит серьезно обострила также борьба В. Путина за христианские ценности. В частности, в своем интервью в сентябре 2013 г. он прямо обвинил европейский истеблишмент в отходе от «христианских основ»: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии»¹.

Активное сопротивление лево-либеральным элитам оказывают также европейские правые и ультра-правые политики. Так недавно лидер французского Национального фронта Марин Ле Пен и руководитель голландской Партии свободы Герт Вилдерс сделали совместное заявление о том, что после выборов весной 2014 г. они сформируют в Европарламенте фракцию «Европейский альянс за свободу», который объединит все правые националистические партии Европы.

¹ URL: <http://inotv.rt.com/2013-09-19/Putin-obvinil-Zapad-v-iskazhenii>

«С этого момента начинается освобождение Европы от самопровозглашённой элиты – брюссельского монстра, который давно уже не считается с интересами народов»¹.

Однако, несмотря на сопротивление «консерваторов» и «традиционалистов», судя по всему, в Европе и далее будет преобладать леволиберальный тренд. Правые силы либо будут вытесняться на периферию, либо сами начнут заниматься популизмом. Это приведет к тому, что социальные, национальные и культурные перегрузки начнет испытывать не только политика, но и экономика Евросоюза. А это, в свою очередь, негативно скажется на его единстве. Что же касается России, то ей вряд ли удастся воспользоваться такой ситуацией для наращивания своего влияния в ЕС. Более того, «левые» европейцы все чаще станут предъявлять Москве претензии по поводу «прав и свобод человека» и «возрождения империализма». Одновременно Брюссель будет вынужден сближаться с США, отказываясь от своей самостоятельной геополитической миссии.

Научное издание

**Социальная реформация и радикальная
общественная трансформация.
Дебаты о социал-демократии
в России и Германии**

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *Е. Д. Щепалова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина, Н. Н. Долманова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2015.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15.

Тираж 000 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

¹ Цит. по: <http://newsland.com/news/detail/id/1287650/>

